

Зионг Пху Хионг

ДОРОГАМИ
ЮНОСТИ

Д

95 к.

Издательство
«Детская литература»

Зыонг Тху Хыонг

ДОРОГАМИ ЮНОСТИ

Повесть
Перевод с вьетнамского

✱

Художник
А. Лебедев

МОСКВА
„Детская литература“
1988

ББК 84.5В
3-96

Dúóng Thu Húóng
HÀNH TRÌNH NGÀY THO AÙ.
1985

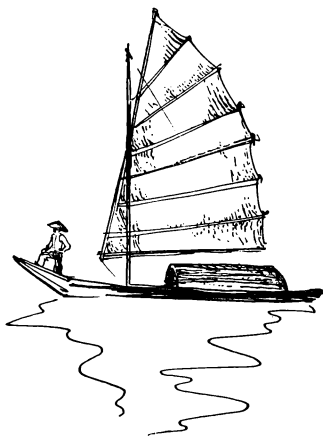
Перевод Н. Никулина

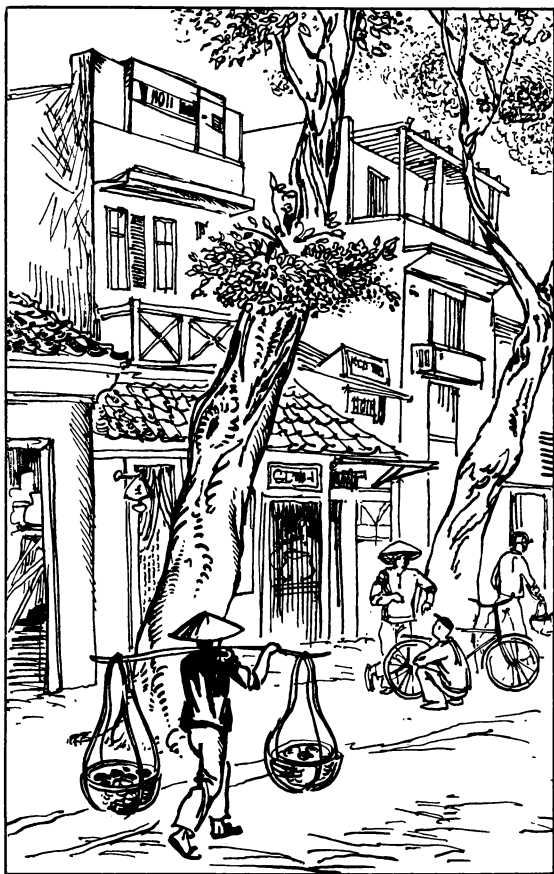
3 $\frac{4803020000-425}{M101(03)-88}$ 456-88

ISBN 5-08-001150-5

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1988

Часть первая

ТАИНСТВЕННОЕ ИСЧЕЗНОВЕНИЕ СОСЕДСКОГО МАЛЬЧИКА

История, о которой я хочу рассказать, случилась со мной в тот год, когда мне исполнилось двенадцать. Мы с мамой жили тогда в маленьком городке под названием Жеу. В нем сохранилось от прежних времен несколько улиц с добротными старыми домами под крышами из красной черепицы. Каждый дом был окружен просторной верандой с изящными столбами, покрытыми черным лаком. У каждого дома — массивные деревянные двери, украшенные на старинный манер затейливой резьбой. А сады! Не было ни одного дома без сада. Какие только фрукты, какие только ягоды не росли за низкими заборами, позеленевшими от мха! По ту сторону железнодорожного полотна начинались улицы, которые появились сравнительно недавно. В новом районе преобладали двухэтажные дома, выросшие на пустырях. Некоторые из них были построены на сохранившихся кирпичных фундаментах старых домов, разрушенных во время войны Сопротивления против французских колонизаторов¹. Дома побольше соседствовали с совсем крохотными, фасад каждого дома был обязательно украшен балконом или балкончиком с чугунной решеткой, привлекавшей причудливым узором. В этих домах жили главным образом торговцы; в нижних этажах они держали свои лавочки и магазинчики, где можно было купить все что душе угодно: от всевозможных тканей и галантерейных товаров до соусов и приправ, риса и рисовой муки. У самой железной дороги, отделявшей старую часть города от нового района, собирался рынок. На столбе перед рынком развевался красный флаг.

¹ Война Сопротивления против французских колонизаторов продолжалась с 1946 по 1954 год и завершилась победой вьетнамского народа. (Здесь и далее примечания переводчика.)

Каждый раз накануне праздника Тета¹ рыночный сторож Тао заменял новым куском алого шелка изрядно вылинявшее и выцветшее полотнище — целый год его поливали дожди, трепал ветер, опаляло солнце. С этим рынком многие жители городка связывали самые радужные надежды: им казалось, что он принесет им процветание в будущем. Железнодорожная станция была в двух шагах от рынка. Когда поезд прибывал на станцию, из допотопных вагончиков выплескивалась шумная толпа и направлялась к рынку. Пассажиры, которым надо было ехать дальше, высывались из окон и с любопытством глядели на рыночную толчею. А те, что продавали и покупали на рынке, в свою очередь, на миг забывали о своих заботах и таращили глаза на диковинную металлическую змею, которая с пыхтением и сопением трогалась с места и уползала по рельсам, оставляя за собой клубы молочно-белого пара.

Рядом с городком протекала речушка, до нее было не больше полкилометра. Мы называли ее Зеленой речкой, потому что вода в ней была с изумрудным оттенком. На волнах Зеленой речки всегда качалась чья-нибудь лодка под парусом, похожим на крылышко бабочки, но, если не было ветра, лодка застывала на месте, и тогда незадачливому рыболову приходилось прыгать в воду, обвязываться канатом и тащить лодку на виду у ребятишек, которые с любопытством глазели на забавное зрелище. Иногда горе-рыбак ни с того ни с сего затягивал песню с бесконечно повторяющимся припевом. На Зеленой речке был остров, который мы называли Золотым Цветком. В ту пору на острове буйно разрослись кусты зуой, которые были сплошь усыпаны небольшими плодами. Созревая, плоды приобретали золотисто-желтый цвет, как у коконов тутового шелкопряда. Издали казалось, что чья-то озорная рука забрызгала зеленые кусты золотистой краской. На этом острове мы с Лоан прятали свои сокровища. Помнится, там стояла полуразрушенная часовенка, которую все называли часовней Пяти Тигров. Часовенка была совсем крохотная, но одному человеку в ней вполне удалось бы расположиться на ночлег в ненастную погоду. В те дни, когда люди из города отправлялись на остров, чтобы умиловить Пять Тигров, над рекой стелился дымок от курящихся в старинной часовне ароматных палочек, и тогда казалось, что этот благовонный запах источают спелые золотисто-желтые плоды зуой.

---

¹ Праздник Тет — Новый год по лунному календарю. Он считается началом весны и приходится на время с конца января до конца февраля солнечного года.

Уже наступила весна. Новогодние пироги у всех кончились. Но в углу кухни в каждом доме еще стояли полные корзины других пирогов, испеченных по случаю середины первой луны — первого лунного месяца наступившего года. В эти дни рынок в городке отличался особенным многолюдством. Учув выгоду, продавцы сластей бродили среди покупателей, направлявшихся на храмовые праздники через наш городок, и неутомимо предлагали свой товар — разных забавных зверей из сахара или сладкого теста. Откуда-то в эти дни у ворот рынка появился бродячий цирк, сопровождаемый толпой любопытных ребятишек. Закрытая повозка остановилась посредине небольшой площади. Старая гнедая лошадка, засунув морду в корзину и жуя сено, вздрагивала всем телом, отгоняя налетевших слепней. Ноги ее были белы от дорожной пыли. И вот прямо на рыночной площади уже готова арена цирка: ее весьма условно обозначила простая веревка, привязанная к четырем колышкам. Хозяин цирка, он же артист, малорослый, но очень крепкий, коренастый смуглый мужчина, с несоразмерно большой головой и сверкающими глазами, ловко показывал разные номера: глотал огонь, вонзал в свое тело длинные иглы, плясал и прыгал на канате. Затем он завязал себе глаза черным платком и стал метать ножи в деревянную доску, прижавшись спиной к которой и широко расставив руки, с высоко поднятой головой, стояла жена хозяина цирка. Острые ножи один за другим вонзались в мягкое дерево. Редкое бесстрашие женщины приводило зрителей в восторг. Она была загорелой дочерна, казалась огромной и свирепой, будто каменный страж у ворот храма. Женщина равнодушно взирала на сверкавшие вокруг нее стальные молнии, в то время как мы визжали от страха. Закончив свой номер с метанием ножей, мужчина снял с глаз черную повязку и учтиво поклонился зрителям. Потом он обернулся назад и сделал знак рукой, по которому на арену верхом на велосипеде выехали две обезьянки. Обе они были в красных набедренных повязках с черной оборкой по краям, в желтых маечках и черных каскетках. Одна обезьянка сидела за рулем, другая держалась за ее плечи. Когда велосипед сделал по арене с десятков кругов, обезьянка, сидевшая сзади, прыгнула на землю и сняла каскетку, приветствуя зрителей и выпрашивая у них денег. Вторая обезьянка с независимым видом задрала задние лапы на руль. Когда каскетка наполнилась мелочью и бумажными купюрами, обезьянка подбежала и протянула ее хозяину. Циркач сгреб деньги и сунул себе в правый карман, а из левого достал орешки и бананы и угостил животных. Затем артист склонился в низком поклоне, благодаря

зрителей, и скрылся за занавесом, чтобы подготовиться к новому представлению.

На второй день цирк дал пять представлений, но поток зрителей не иссякал. В толпе, возле импровизированной арены, вдруг появился странный незнакомец. Более странного человека нельзя было сыскать ни среди жителей городка или близлежащих деревень, ни среди тех, кто проездом останавливался в городке, направляясь на храмовый праздник. Одет он был в черное — такую одежду обычно носят люди из народности нунг: длиннополый халат с деревяшками вместо пуговиц, просторные широкие штаны. На боку у него висел матерчатый мешок, как у старых китайцев, торгующих на ярмарках разными лекарствами и тигровой мазью. На голове красовалась грязная шляпа из воловьей шкуры. Его длинное лицо было покрыто оспинами. Огромными красными ручищами незнакомец неловко придерживал свою шляпу за поля. Его глаза сверкали из-под густых и черных как смоль бровей. Он стоял позади толпы. Все взгляды были обращены на обезьянок, весело задиравших друг друга, и на незнакомца почти никто не обращал внимания. А его самого цирковое представление несколько не занимало. Он не отрываясь смотрел на городских ребятишек, плотным кольцом окружавших цирковую арену. На его открытой загорелой шее ходуном ходил кадык. Простояв так довольно долго, неизвестный неожиданно исчез.

Под вечер хозяин бродячего цирка и его жена сняли занавес, отвязали и смотали веревки, убрали колышки, разобрали подмости. Все свое нехитрое имущество они уложили в повозку с крытым верхом, корзину с сеном для лошади пристроили сзади. Мартышек посадили в клетку. Потом запрягли лошадь и не спеша тронулись в путь. Мы побежали назад, чихая от дорожной пыли и острого запаха конского пота. Я повернула назад только тогда, когда повозка скрылась за поворотом дороги. На улицах уже зажглись фонари. Возле милицейского участка почему-то толпился народ. Интересно, что могло случиться в нашем городке? Я услышала в толпе женский голос:

- Да вот мальчишка пропал! Беда, да и только!..
- Чей мальчишка? — спросил другой женский голос.
- Сын бывшего капрала¹ Кана.
- Который это?

---

¹ Капрал — младший командир. Здесь имеется в виду капрал марionoеточной армии, созданной французскими колонизаторами для борьбы с освободительным движением.

— Да самый младший. Не знаю, как зовут.

— Значит, это худышка Зунг! Такой щупленький и смуглый. Он, да?

— Да вроде бы.

— Из всех детей Кана худышка Зунг самый послушный и смысленый. Отец небось с ума сошел от горя.

— Не скажите! Вот если бы у бывшего капрала Кана пропали деньги, тогда другое дело... Тогда бы он обезумел...

— Ну и язычок у вас, любезная.

— А вот сами увидите!..

Диалог двух женщин перекрыл громкий голос лейтенанта милиции:

— Граждане, попрошу разойтись! Мы разберемся и сообщим вам, когда нам станет что-нибудь известно.

Но люди не расходились, они стояли группами и тихо обсуждали происшествие. Им хотелось дожидаться, когда из милицейского участка выйдет Кан. Сам бывший капрал Кан ни у кого не вызывал симпатии, но раз у него случилось горе, каждый готов был ему посочувствовать, а заодно и удовлетворить свое любопытство: всем было интересно, как он себя поведет в такую минуту. И вот бывший капрал Кан появился на пороге. Увидев, какое у него непроницаемое лицо, толпа притихла. Я неприязненно рассматривала гладко выбритые щеки и лоснящийся, точно смазанный жиром, лоб капрала. Меня поразило бесстрастное выражение его глаз: можно было подумать, что это не у него пропал сын. Между тем капрал Кан поднял руку.

— Вам, граждане, повезло с детьми,— начал он,— а вот из моего младшего ничего путного не получилось. От безделья потянуло бродяжничать, вот он и убежал. Я и сам не думал, что он такой испорченный мальчишка.

Никто не успел и слова сказать, как капрал Кан удалился торопливой походкой и исчез в тени вековых деревьев банг¹: он явно не был расстроен и не нуждался в утешении. И никто не заметил, как его губы скривились в презрительной усмешке.

---

¹ Банг, или терминалия,— высокое дерево, достигает 10 метров и более, с крупными овальными листьями, дает хорошую тень. Листья используют для окраски тканей в черный цвет.

ПРОГУЛКА С ПРИКЛЮЧЕНИЯМИ

Никто не мог взять в толк, что заставило худышку Зунга убежать из дому. Проще всего было предположить, что мальчишке опостылела жизнь в доме деспотичного и на редкость прижимистого капрала и он сбежал с бродячим цирком. Одни уверяли, что хозяин цирка спрятал мальчика на дне старенькой повозки с ярко размалеванным верхом. Пожалуй, за спиной его великанши-жены можно легко укрыть одного-другого мальчишку! Другие говорили, что парнишку похитила невесть откуда взявшаяся торговка детьми... Наши мамы почему-то сразу поверили в правдоподобность этой версии и начали пугать нас злыми торговками, которые будто бы похищают не только маленьких детей, но и больших тоже. Они дают им понюхать сонного порошка и увозят в горы. Чем дальше, тем больше разыгрывалась фантазия. Говорили, будто девочек лет тринадцати продают в селения горной народности мео: парни мео, мол, берут их себе в жены. Тринадцатилетних мальчишек приспособливают к делу злоумышленники, которые контрабандой переправляют опиум в Китай... Запугать нас было не так-то просто, и нашим мамам пришло в голову установить за нами суровый надзор: теперь детям не разрешалось без спросу отлучаться из дома. Некоторые ретивые мамы даже додумались до того, что держали своих ребят на привязи... А меня целых три недели не пускали гулять: после школы я должна была сразу возвращаться домой. С этим можно было как-нибудь смириться, если бы не зарядили весенние дожди. Право, эти весенние дожди — чудо из чудес. Попробуй-ка усидеть дома, когда с неба сыплются серебряные капли, когда улицы одеваются в шуршащий сказочный наряд из серебристых нитей, сквозь которые пробиваются лучи полуполуденного солнца! Кругом такая красота, а в душе растет тревога. Это, наверно, потому, что мы с Лоан уже давно не наведывались на остров посреди Зеленой реки. Как там наши сокровища? Ведь на острове под бугорком возле старого куста зуой мы с Лоан зарыли большую жестяную банку. В нее мы положили коробку из-под печенья, а в коробке спрятаны деньги — наши сбережения.

Мы копили те деньги, что нам дарили на дни рождения. Получилась целая пачка новеньких, хрустящих бумажек. Помимо них, в коробке лежали тоже новенькие, без единой царапины монеты — одни хао¹. Но в этой коробке уместилась

¹ Хао — десятая часть донга, основной денежной единицы во Вьетнаме. В 1 донге — сто су.

лишь часть наших сокровищ. Остальное мы завернули в кусок толя, и сверток получился увесистый. В свертке была серебряная танцовщица, которую толстуха Лоан получила в подарок от бабушки, туда же мы положили множество разноцветных лоскутков — из них можно было бышить нашим куклам не один десяток великолепных нарядов, — и еще там был мешочек семечек. Мы с Лоан как раз собирались раздобыть кусок прорезиненной ткани, из которой тогда делали плащи, и завернуть в нее сверток, чтобы наши сокровища не отсырели, но тут по милости худышки Зунга нас, будто белых мышей в клетке, стали держать взаперти. Легко представить, как нам с Лоан не терпелось проверить, не отсырели ли наши лоскутки, не испортились ли семечки? Я забыла сказать, что недалеко от того бугорка мы еще закопали сладкие бататы...¹ Мы боялись, как бы они не пустили ростки.

В тот день, придя из школы, я села за уроки и быстро решила все задачки по математике и физике на неделю вперед. Уходя из дому, мама теперь вешала на дверь здоровенный замок. Мамы не было дома, я сидела за учебниками и с тоской поглядывала на запертую дверь. Когда мне надоело сидеть за столом, я подошла к открытому окну и тоскливо посмотрела на облачное небо с ярко-синими просветами. Весеннее солнышко то показывалось, то пряталось за тучку. Прямо перед окном качались ветки гуайявы со спелыми плодами цвета слоновой кости. Птички весело щебетали, шустро перепрыгивая с ветки на ветку, будто поддразнивали девочку, которая угодила под домашний арест. У меня в руке был камешек; с досады я чуть было не запустила им в веселых птах. И как раз в этот момент в окне появилась круглая мордашка моей подружки.

— Бе, ты дома? — спросила Лоан и расплылась в улыбке.

— Ты зачем пришла? — ответила я вопросом на вопрос и высунулась в окно.

Мы прижались друг к другу носами.

— Меня послали в магазин: там сегодня дают по карточкам свинину, — сказала Лоан и показала корзинку, в которой, кроме свинины, была капуста и кокосовый орех. — Я мигом слетала — и скорей к тебе.

— Столько дней подряд шли дожди, как бы чего не случилось с нашим кладом! — сказала я, вздыхая.

Лоан кивнула и поддакнула:

---

¹ Батат — растение с огромными крахмалистыми клубнями (до 10 кг весом), которые в вареном виде напоминают по вкусу картофель. Батат называют сладким картофелем.

— Вот и я боюсь, как бы чего не испортилось. Прорезиненную материю я уже раздобыла, надо только улизнуть из дому... Давай сегодня вечером махнем на наш остров!

— А как?

— А вот как: вечером в молодежном клубе будет концерт. Мы с тобой отпросимся на концерт, а сами побежим на речку, отвяжем лодку тетушки Ан Лак и на лодке доплывем до острова. Здорово придумано?

Я нерешительно проямлила:

— Ой! Выходит, маму придется обмануть...

Я маму никогда не обманывала. Мы с нею жили вдвоем, а отец служил на далекой погранзаставе — где-то на северной границе. В отпуск он приезжал раз в два-три года. Поэтому я особенно была привязана к маме, очень ее уважала и старалась не огорчать. Мама не уставала повторять, что на свете нет ничего отвратительнее лжи. Делать нечего... Придется сказать маме неправду... Но клянусь: это будет первый и последний раз в жизни.

Рассудив так, я кивнула головой и тихо сказала:

— Ладно... Пусть будет по-твоему.

Лоан облегченно вздохнула, немного помолчала, что-то обдумывая, потом быстро проговорила:

— Встретимся в шесть часов на прежнем месте. Хорошо?

— Договорились! Значит, в шесть!

— Не опаздывай! Ну пока, до встречи,— сказала Лоан и убежала.

Когда пришла мама, я сказала ей, что вечером в клубе будет концерт. Ни о чем не подозревая, мама разрешила мне пойти. После ужина она села проверять ученические тетради. Она макала перо в чернильницу с красными чернилами, а у меня уши горели от стыда. «Прости меня, мама, ведь я впервые в жизни сказала тебе неправду. Но больше такого не случится...» — подумала я про себя и выскочила на улицу. Очувтившись в шумной толпе, я почувствовала облегчение. Лоан ждала меня в самом конце улицы под большим деревом, которое называют фыонгви — «хвост феникса», потому что его листья действительно напоминают пышный хвост этой сказочной птицы, а ее изображение мы часто видим и в храмах, и на вышивках, и на картинах.

Лоан потянула меня за рукав:

— Скорее, пока луна не спряталась за тучи.

На небе тускло светила бледно-зеленая весенняя луна. Мы с Лоан пустились бегом к реке. Когда остались позади улицы с мерцающими фонарями, мгла сразу сгустилась. Бледная луна

едва освещала дорогу, пустыри и начинавшиеся сразу за городом рисовые поля. Вот мы уже и на берегу реки. Мы бежали так быстро, что спины у нас взмокли от пота.

Лоан тихо проговорила:

— Ой, как у меня колотится сердце! А у тебя?

— Нет! — ответила я бодрым голосом, хотя сердце у меня готово было выпрыгнуть из груди.

Мы никогда не ходили на реку так поздно. Если бы не эта загадочная история с худышкой Зунгом, нам бы никогда в голову не пришло отправиться на остров после наступления темноты. Ведь до того как исчез худышка Зунг, никто не ограничивал нашей свободы, нас никогда не запирали на ключ, поэтому раз в два-три дня мы бегали на реку, отвязывали лодку и спокойно плыли к острову. В зеленоватой воде отражалось солнце и переливалось всеми цветами радуги, прямо возле нашей лодки порхали бабочки.

Но так бывало днем. А сейчас, при тусклом свете луны, вода в реке выглядела серебристо-серой, а сама река чем-то напоминала диковинного питона. Кусты на берегу, днем такие стройные и живописные, в темноте приобрели очертания каких-то странных чудовищ, подстерегающих сонных уток. Казалось, чудовища готовятся к прыжку и вот-вот схватят свою добычу. Время от времени где-то жутко кричала ночная птица...

Лоан вдруг вцепилась мне в руку и спросила срывающимся от страха голосом:

— Бе, может, лучше вернемся?

— Вот еще! — ответила я с напускным бесстрашием и решительно отстранила руку Лоан.

Толстушка Лоан поплелась за мной, низко опустив голову. Мы спустились к самой воде и впотьмах стали разыскивать лодку тетушки Ан Лак. Вот и колышек, к которому привязана лодка. От ветра темную воду вокруг лодки морщило и рябило; на миг мне почудилось, что в воде кишмя кишат змеи. Со стороны острова донесся какой-то зловещий посвист, от которого у меня мурашки поползли по спине. Когда я выскочила из дома, то думала только о наших сокровищах; мне и в голову не пришло, что в темноте на берегу реки будут мерещиться всякие страхи. «А не повернуть ли и в самом деле назад?» — мелькнуло у меня в голове, но я тут же застыдилась самой этой мысли. Во-первых, вечер уже потерян. Во-вторых, как бы Лоан не подумала, что я такая же трусиха, как и она! Я решительно сжала губы и первая прыгнула в лодку, больно ударившись ногой о весло. Не обращая внимания на боль, я встала весла в уключины, еще раз больно ударив ногу. Толстушка Лоан

превозмогла страх и тоже прыгнула в лодку, но тут же жалобно запричитала:

— Давай оставим эту затею, мне страшно... Ой, как мне страшно!..

У меня еще саднила нога, поэтому я сердито прикрикнула на подругу:

— Ну чего ты трусишь? Сама заварила кашу, из-за тебя я обманула маму, а ты, оказывается, умеешь только ныть... Как тебе только не совестно?

Лоан притихла. Очень может быть, что в эту минуту ее вздернутая верхняя губка задрожала от обиды. Мне стало жаль подругу, но я решила не сдаваться и с ожесточением взялась за весла. Их плеск действовал на меня успокаивающе. Лодка все дальше и дальше удалялась от берега. Когда мы добрались до середины реки, где течение было быстрее, я вдруг с ужасом подумала: «А если Лоан упадет в воду?» Ведь в этом месте много ям и водоворотов. В июне прошлого года на этом месте утонули две сестренки из деревни, что на том берегу. Рассказывали, что много лет назад где-то здесь утопилась одна красивая девушка, которую хотели насильно выдать замуж за нелюбимого. Когда я представила, как здесь глубоко, я вся похолодела, но решила не раскисать, взяла себя в руки и продолжила ритмично работать веслами, лишь бы только Лоан не заподозрила, что за страхи лезут мне в голову... Она смиренно сидела на дне лодки, одной рукой держась за борт, а другой вцепившись в мою ногу. Лодка между тем продолжала скользить по воде, луна светила по-прежнему тускло, но вот уже стали проступать размытые очертания острова.

Вдруг где-то совсем рядом раздался надрывный прерывистый крик, и прямо перед моим носом пронеслось что-то черное и страшное, с шумом рассекая воздух огромными крыльями. На нас пахнуло тяжелым запахом. Лоан испуганно вскрикнула, дернулась и еще крепче вцепилась в мою ногу. Лодка накрепко накренилась, еще чуть-чуть — и она перевернется. Чудом мне удалось вернуть лодке равновесие. Я сообразила, что мы потревожили птицу леньдень: она живет на воде, кричит жутким голосом и тяжело хлопает огромными крыльями. Я вспомнила, как кто-то из местных жителей рассказывал: в здешних краях иногда встречаются эти огромные водоплавающие птицы, от них исходит очень резкий запах, своим криком они наводят ужас на людей. Они качаются на волнах, будто лодка без гребца. Такая леньдень и нагнала на нас страху. Птица никак не могла угомониться: она все кружила где-то рядом, шумно хлопала крыльями и пронзительно кричала. От такого крика любому

станет не по себе... Чувствуя, что бедная Лоан еле жива от страха, я попыталась ее успокоить:

— Не бойся. Это всего-навсего птица леньдень. Она нам не делает ничего плохого.

Лоан не ответила. К счастью, птица тут же куда-то исчезла. Чтобы подбодрить себя, я налегла на весла...

Грести пришлось недолго: мы были уже рядом с островом Золотой Цветок. Привязав лодку, мы пошли искать бугорок, где в тайнике были спрятаны наши сокровища. Теперь все страхи как рукой сняло. Лоан даже запела какую-то веселую песенку.

— Было бы светлее, мы набрали бы плодов зуой,— сказала я.

После долгих весенних дождей наш бугорок размыло с одного края, а камень, который мы положили сверху, скатился вниз. Я огляделась: никого. Весенняя луна, показавшаяся мне зеленой, как молоденькие листочки, висела над темными верхушками бамбука, по ним можно было определить, где находится деревня. «Покарауль-ка!» — сказала я Лоан, а сама принялась шарить под кустом зуой, пока не нашла спрятанный нами заступ. Теперь надо было откопать наши сокровища. На глубине в полметра заступ наткнулся на жестяную банку. Ну и измучилась я с крышкой! Она сильно проржавела. К счастью, коробочка, в которой мы спрятали деньги, была в порядке. Мы долго щупали пачку новеньких денег, долго перебирали монеты. Они так и блестели в темноте. Когда мы налюбовались нашими богатствами, я завернула коробочку в прорезиненную ткань, потом развернула пакет с лоскутками и серебряной статуэткой. Вдруг Лоан закричала:

— Смотри! Тут кто-то есть!

Я обернулась и увидела темную фигурку, которая маячила возле самого берега. Когда Лоан вскрикнула, фигурка замерла на месте. Лоан задрожала мелкой дрожью — я слышала ее прерывистое дыхание.

— Это не вор,— сказала я.— Вор испугался бы и убежал от твоего крика.

— А вдруг это привидение? — спросила Лоан шепотом.

— Все равно нечего бояться! Пойду-ка я посмотрю, а ты пока хорошенько заверни пакет.

С этими словами я пошла к берегу, сорвав по дороге ветку зуой. Я очень кстати вспомнила, что рассказывала мне моя бабушка про привидения. По словам бабушки, привидение можно прогнать, размахивая веткой тутовника или, на худой конец, веткой зуой. Тутовника под рукой не было, и я воору-

жила веткой зуой. Лихо размахивая этим оружием, я подошла к темной фигурке и громко крикнула:

— Эй, ты кто? Человек или привидение?

Темная фигурка отозвалась слабым голосом:

— Это я...

Меня все еще пробирала дрожь, и для храбрости я крикнула еще громче:

— Да кто ты?

Темная фигурка ответила еще тише:

— Я... я...

Тогда я спросила нарочито грозным тоном:

— А ну, говори: кто ты и что здесь делаешь?

— Я... я... ловлю рыбу... Я тут рыбу ловлю...

Я подошла поближе и увидела очень худенького и очень смуглого мальчика. Когда он говорил, у него поблескивали в темноте перламутрово-белые зубы; за спиной висела корзина для рыбы, а в руках он держал вершу.

Мне вдруг стало ужасно жаль мальчишку: такой маленький, такой щуплый, а уже зарабатывает на жизнь. И как только ему не страшно одному в темноте? Похоже, он года на три младше меня. Я подошла к нему совсем близко и смущенно сказала:

— Ты уж прости. Я ведь было приняла тебя за привидение.

Мальчишка искренне изумился:

— За привидение? А что это такое?

— Ты не знаешь? Привидения — это души умерших. Говорят, что они бродят по ночам...

— Я каждый вечер ловлю здесь рыбу. И не только здесь, а еще и на Лотосовом озере, вон там! — мальчик показал рукой. — Только никаких привидений здесь нет... Я их тут сроду не видал...

Мне стало стыдно: маленький рыболов, сам того не ведая, пристыдил меня. Щупленький мальчонка с тоненькими ручками и ножками оказался очень самостоятельным человеком. В корзине у него поблескивала рыба. Окончательно придя в себя, я дружелюбно спросила:

— Много наловил?

— На котелок ухи хватит, а вот на продажу не годится: одна мелюзга.

Голосок у мальчишки был приятный, держался он вежливо и с достоинством. Я вдруг почувствовала к нему большую симпатию. Мне захотелось с ним подружиться.

— А где ты живешь? — спросила я.

— В деревне по ту сторону острова. Там, где озеро. Посмотри вон туда! Видишь?

Я взглянула — там тускло поблескивала гладь озера и виднелись кроны больших деревьев. Со стороны нашего бугорка больше не слышно было звука заступа: видно, Лоан уже успела закопать жестяную банку.

— Лоан, иди-ка сюда!

Когда Лоан подошла к нам, я серьезно сказала:

— Это Лоан, моя подруга. А этот мальчик — рыболов. Кстати, как тебя зовут?

— Заморыш.

— Как смешно!

— Мама называет меня Кау, это мое имя. А в деревне за худобу и малый рост меня прозвали Заморышем. Хотите, пойдем ко мне в гости?

Лоан нерешительно пожала плечами. Я посмотрела в сторону нашего городка: там еще не погасли огни.

— И правда, пошли! — откликнулась я. — Сейчас небось еще только начало восьмого.

Мальчишка с готовностью поддакнул:

— Конечно! Дома у меня только мама. Она очень любит гостей... Как раз бататы будут готовы...

Я порядком продрогла, и мне ужасно захотелось погреться у очага. А если нас еще и угостят горяченькими бататами, так это будет сплошное блаженство!

— Пошли! — сказала я нетерпеливо.

Маленький рыбак проворно зашагал впереди, мы с Лоан двинулись за ним. С этой минуты ни вечерняя мгла, ни плеск реки больше не казались нам зловещими и загадочными. По дороге мы разговорились. Болтали о каких-то пустяках, но отчего-то всем нам было ужасно весело, и мы то и дело громко хохотали.

Хижина, в которой жил Кау с матерью, оказалась совсем крохотной, она была похожа на сторожку возле арбузной бахчи. Вместо ворот — бамбуковые перекладины. Кау открыл калитку, и мы вошли во дворик, где было тихо-тихо.

— У вас нет собаки? — спросила я.

— Зачем нам собака? Ей нечего сторожить! — отозвался Кау и захихикал, будто старичок.

Я подумала, что таким беднякам и впрямь незачем держать собаку. Кау подвел нас к плетеной бамбуковой двери, поставил на землю корзинку с рыбой. Из дома раздался женский голос:

— Это ты, сынок?

Голос был чистый и ласковый.

— Я, мама,— ответил Кау.— Зажги лампу. Я привел гостей! Мать тотчас же отозвалась своим певучим голосом:

— Подожди минутку! Сейчас зажгу!

В хижине послышался легкий шум, потом в шелках плетеной двери заметался свет керосиновой лампы. Легкая рука приподняла плетенку, и я снова услышала приветливый голос:

— Кого же ты привел? Милости просим!

Я опешила, увидев совсем крохотную женщину,— она была не больше, чем ее сын. Не успела я ее как следует разглядеть, как она шмыгнула куда-то в тень.

— Заходите, девочки! Заходите! — услышали мы ее голос и вошли в хижину.

Кау проворно налил нам чаю в чистенькие чашечки с голубыми цветочками. Керосиновая лампа была начищена до блеска, стекло тщательно протерто, так что в нем можно разглядеть крошечные пузырьки. В доме было бедно, зато чисто и уютно.

— Чайник стоял в тлеющей полове, поэтому чай совсем горячий,— сказал Кау и добавил: — Чувствуете, какой душистый чай? Мы добавляем в него высушенные листья и бутоны гвоздичного дерева. И еще мама любит добавлять имбирь.

Чай был очень ароматный, необычный вкус этого чая долго оставался во рту.

— Кау очень любит такой чай. Придет с рыбной ловли весь продрогший, выпьет чашечку и сразу согреется,— послышался из глубины комнаты голос матери Кау.

Тут я вгляделась в ее лицо и изумилась: у нее были огромные голубые глаза с длинными загнутыми ресницами, прямой нос с высокой переносицей — весь в веснушках. Она несколько не походила на деревенских женщин.

Кау принес горшок с бататами.

— Не обожгись! Дай-ка я тебе помогу! — сказала удивительная женщина и суетливо поднялась с места.

Только тут я увидела, что она горбунья: большой горб выпирал у нее откуда-то из-под левой лопатки, отчего вся ее фигурка была перекошена и чем-то напоминала краба с одной клешней.

— Угощайтесь бататами, девочки! — ласково сказала женщина.

Теперь я получше разглядела ее: лицо с удивительно белой кожей обрамляли волнистые рыжие волосы — такие волосы я видела у кинозвезд в зарубежных фильмах. Я поняла, что эта женщина — метиска, метиска-горбунья.

Я с трудом отвела взгляд от женщины и склонилась над пиалой с бататами, от которых шел горячий пар. А женщина уселась на кровать, прикрывшись москитником¹, выкрашенным в коричневый цвет.

— Кау у меня настоящий хозяин,— начала женщина из своего угла.— Он и в школе учится, и рыбачит, и креветок ловит. На деньги от продажи рыбы и креветок мы покупаем керосин, соль, благовония к празднику, одежонку, циновки. Рис нам продает кооператив по дешевой цене. Кау еще собирает бататы в поле и даже колоски риса... Они остаются после уборки. А от меня проку мало...

Кау недовольно нахмурился:

— Опять ты, мама, за свое... Как тебе не надоест!..

Мальчику было неловко перед нами. Мать тихонько вздохнула, подняла на сына свои большие лучистые глаза и ласково сказала:

— Я ведь с девочками разговариваю. Разве я сказала что-то лишнее?..

Кау промолчал, мать все смотрела на него глазами, в которых светилась любовь и гордость.

Когда мы доели бататы, Кау вдруг начал нас торопить.

— Пора,— сказал он,— как бы кто не утащил ваши рыболовные снасти.

Я очень удивилась:

— Какие снасти? О чем это ты?

Кау растерялся:

— Как какие? Обыкновенные... Разве вас не посылали покарать снасти?..

Так вот в чем дело: Кау решил, что нас послали на остров родители. В нашем городке было несколько семей, которые зарабатывали на жизнь рыбной ловлей. Они ставили переметы, которые нужно было время от времени проверять с лодки: снимать с крючков рыбу, насаживать наживку. Ловить рыбу с помощью переметов очень удобно, но, чтобы приобрести снасти, нужно иметь солидные деньги.

Кау бросал на нас нетерпеливые взгляды.

Я сделала Лоан знак глазами, после чего мы быстро распрощались с приветливой хозяйкой. Дорогу назад я запомнила хорошо. У поворота мы расстались с Кау: он спешил на озеро, а нам надо было возвращаться к лодке. Кау показал нам, как

---

¹ Москитник — сетка, которую натягивают над кроватью, чтобы уберечься от укусов moskitov и комаров.

дойти быстрее. Вдруг в деревне прокукарекал петух, и у нас с Лоан сразу испортилось настроение.

— Мы пропали, Бе! — в ужасе прошептала Лоан. — Раз прокукарекал петух, значит, уже полночь.

В городке на другом берегу реки погасли огни. У меня душа ушла в пятки: что-то будет! А тут еще Лоан глухо всхлипнула:

— Мама меня просто убьет...

Я вспылила:

— Не хнычь! Сами кашу заварили, самим и расхлебывать...
Смотри под ноги, тут болото!

Не успела я договорить последнее слово, как Лоан громко вскрикнула: она и в самом деле свалилась в воду и увлекла меня за собой. Я помогла Лоан выбраться на сухое место. Хотя моя одежда по милости Лоан тоже насквозь промокла, я не стала ее упрекать, а постаралась подбодрить:

— Не вешай носа, все уладится.

Лоан перестала хныкать. Она молча плелась рядышком. Когда мы вышли к реке, то увидели, что на противоположном берегу мерцают десятки огней. Из-за ночного тумана сначала трудно было разобрать, что там происходит. Я напрягла зрение и поняла: это множество керосиновых фонарей, которые называют летучими мышами, и длинные тени, вытянутые, словно фонарные столбы, прыгали и метались на том берегу. Я стала машинально считать: выходило, что никак не меньше двадцати фонарей снуют туда и сюда, чего-то разыскивают. Тут нечего и думать: конечно, ищут нас. И на поиски вышло человек двадцать. Наверняка там моя мама и тетя Лыу, мама толстушки Лоан. Я представила, как мама и тетя Лыу хватились нас, как метались по всему городку, как бегали заявлять в милицию, бросились к соседям, моля о помощи. Как же я не подумала об этом раньше?

Лоан схватила меня за руку:

— Что же нам делать?

— Тихо! Не говори никому ни слова. Пусть думают, что нас попутала нечистая сила, а то нам с тобой несдобровать, — ответила я.

Ничего другого в тот момент я придумать не могла. Как выяснилось потом, более удачного объяснения найти было просто невозможно. Люди на том берегу громко звали нас. Я узнала голос мамы и голос тети Лыу, которая плакала навзрыд. У меня тоже глаза были на мокром месте, Лоан громко всхлипывала и утирала слезы мокрым рукавом. Я цыкнула на нее:

— Сейчас же замолчи!

Люди перестали звать нас, но не расходились: они громко обсуждали происшествие. Мы слышали обрывки слов и целые фразы:

— Их здесь нет, пошли назад!

— И где же теперь искать? Уже все облазили! А может, в наших краях и впрямь побывала ловкая торговка детьми? Одно непонятно: как она сманила сразу двух девочек, да еще таких больших!

— А она усыпила их снотворным! Можно взрослого усыпить; не то что ребенка...

— Какой год неудачный! Не успел начаться, а уже столько бед!

— А все потому, что в этом году над землей пролетает комета. Верно говорят старики: если хвост кометы коснется Земли, то от бед спасения не будет... Каждая комета тридцать шесть бед приносит. Ну что ж, пора расходиться...

Огни на том берегу запрыгали, заматались... Вдруг до нас донеслись истошные вопли тетушки Ан Лак:

— Ой, беда-то какая! Моей лодки нет! Я всегда ее к этому колышку привязывала... Утащили ее... Вместе с толстенной цепью утащили! Ох, горе-то, ох, горе!

— Теперь все ясно! Девчонки уплыли на лодке! — раздались звучные голоса.

Тетушка Ан Лак заголосила еще громче:

— Что я без лодки-то делать буду? Как мне теперь доставать рыбку для свиней? Хорошо, если на ней эти озорницы катаются. А вдруг ее нечистая сила утащила?

— А ведь и вправду! Только сумасшедшему придет в голову кататься на лодке в кромешной тьме! Может, они спятили?

— Тут без нечистой силы не обошлось! — уверенно сказал мужской голос. — Если нечистая сила поманит, любой из вас заберется на крышу дома запросто. Уж я-то знаю: когда мне было лет двадцать, как-то поманила меня нечистая сила и всю ночь водила по болоту. Утром люди вышли в поле, смотрят — я на болоте, отвели домой...

Тут вмешался уверенный юношеский тенорок:

— Граждане, без паники! А может быть, девочки отправились на озеро за водяными лилиями? Придется нам с приятелем искупаться...

Мы видели, как две темные фигурки с размаху бросились в воду и поплыли в нашу сторону. Два пловца быстро приближались к берегу.

— А вот и лодка тетушки Ан Лак! — закричал один из них, его голос показался мне очень знакомым.

С того берега кто-то отозвался:

— Ну что там? Нашли девчонок?

— И-ищем! — громко крикнул парень, прыгнул в лодку и начал грести против течения.

Через минуту он заметил нас: мы с Лоан стояли у куста зуй.

— Так вот вы где! — обрадовался парень и направил лодку к берегу.

Я сжала руку Лоан, чтобы она молчала. Наше молчание обескуражило парня, он быстро прыгнул прямо в воду, выскочил на берег и бросился к нам.

— Чего вы молчите? Чего не отзываетесь? Боже мой, да вы промокли до нитки!.. — воскликнул он, сгреб нас в охапку и поволок в лодку.

Я наконец узнала его. Это был Тиен — местная знаменитость... Он великолепно играл в настольный теннис, его знал весь город. Мы с Лоан любили ходить в городской клуб и часто видели там Тиена. Под клуб у нас в городке было отведено самое большое здание, его сразу узнаешь по разноцветным шелковым флажкам... Убедившись, что мы сидим смирно, Тиен приналег на весла и уверенно направил лодку туда, где светились огоньки. Его приятель нагнал нас только посредине реки. Он подержался минуту-другую за борт и поплыл рядом.

Когда мы причалили, Тиен по очереди вытащил нас из лодки. Мама бросилась ко мне и прижала к себе. Тетя Лыу кинулась к своей Лоан, она плакала и смеялась одновременно, была как помешанная.

— Бедная детка! — заголосила она. — Ума не приложу: как дитя оказалось ночью на реке? Тут не обошлось без нечистой силы... Припадаю к стопам святого покровителя нашего Чан Хынг Дао¹ и святой, которой поклоняются у нас в пагоде, Кой... Обещаю, что с этого дня дважды в месяц буду возжигать благовония в пагоде... Знаю: мое дитя не способно на обман.

Мужчина, который только что рассказывал, как нечистая сила заманила его ночью на болото, удовлетворенно поддакнул:

— А я что говорил! Теперь-то вы мне верите?

Никто ему не ответил. Как хорошо, что суеверные люди все свалили на нечистую силу! А то бы нам с Лоан не миновать хорошей трепки!

---

¹ Чан Хынг Дао (1226—1300) — знаменитый вьетнамский полководец, победитель монголов. Впоследствии ему поклонялись, как святому.

КЛАССНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ И НОВЫЙ УЧИТЕЛЬ ФИЗКУЛЬТУРЫ

Недели через две после этого приключения случилось событие, которое перевернуло всю нашу школьную жизнь.

Настало время сказать о моих любимых учителях. Их у меня было два. Первый — наш классный руководитель. За глаза весь класс ласково называл его папашей Тхе. Он значил для нас, учеников, больше чем учитель, — он был для каждого заботливым отцом. Ему минуло уже сорок, но собственных детей у него не было. Дело в том, что в годы войны антифранцузского Сопротивления папаша Тхе и его жена находились на подпольной работе в тылу врага. Случилось так, что их выследили и бросили в тюрьму, где жестоко пытали, после чего они стали инвалидами. Говорят, что у бездетных людей ужасно портится характер, они становятся злыми и сварливыми. Но наш учитель отличался на редкость мягким, добрым нравом. Этот бесхитростный человек был для нас настоящим отцом. Он одинаково относился и к первым ученикам класса, и к второгодникам. Он не допускал ни малейшей несправедливости к кому-нибудь из нас. Благородный и честный, он с искренним добродушием наставлял своих учеников на путь истинный, умел поддержать любого в трудную минуту. И мы это отлично понимали. Твердые жизненные правила, которых придерживался наш учитель, помогли мне впоследствии выстоять в нелегкое для меня время, научили снисходительно относиться к промахам других и не поддаваться чувству мести.

Другой учитель, которого мы очень любили, преподавал у нас физкультуру. В те времена физкультура считалась второстепенным предметом, но, когда у нас появился хороший учитель, да к тому же веселый, этот предмет вдруг всем нам полюбился. Помню, с каким нетерпением ждали мы урока физкультуры. Физкультурник был помоложе папаши Тхе, высоким ростом не отличался, но имел крепкую мускулатуру и казался нам очень смуглым. Мне запомнились его густые черные волосы и строгие глаза, но их взгляд всегда был открытым. С появлением учителя физкультуры на спортплощадке сразу же воцарялась самая непринужденная атмосфера: шутить и смеяться нам разрешалось сколько угодно. Сам учитель говорил очень мало, нудных наставлений никогда не читал, но мы понимали его с полуслова. Озорной блеск в его глазах, его ласковая улыбка помогали нам легко преодолевать и страх и усталость. Какое мы испытывали блаженство, когда собирались на залитой солнцем лужайке! И мягкая, шел-

ковистая травка, и стрекозы, и легкие облачка на голубом небе — все приводило нас в состояние восторга. Нам нравились и гимнастика и спортивные игры. Мы часто и весело смеялись. На уроках физкультуры нас не покидало ощущение радости, такую безотчетную радость можно испытать только в счастливую пору детства. Это ощущение мне запомнилось на всю жизнь, как запомнились огненно-красные цветы фьюнгви с длинными тычинками — хоботками, которые мы рвали в начале лета.

И вот однажды мы узнали, что учитель ушел из нашей школы. Как мы потом выяснили, у него в деревне оставалась семья — жена с тремя маленькими детьми. Жена часто хворала и не могла работать в поле, а потом она и вовсе свалилась: у нее оказалась тяжелая болезнь печени. Вот почему нашего учителя срочно перевели в другую школу, поближе к жене и детям. Физкультурник собрался и уехал так быстро, что не сумел даже попрощаться с нами. Мы очень огорчились и ругали себя за равнодушие: никому из нас раньше и в голову не приходило, что у этого на редкость доброго человека, который так любил свою работу, могли быть свои беды и заботы. Школа, правда, купила и отправила учителю подарки: рубашку и ботинки. Очередной урок физкультуры пропал. А недели через две у нас появился новый учитель физкультуры.

— Он сейчас к вам придет, — сказал папаша Тхе, когда мы пришли утром в школу.

Мы построились и стали ждать. Действительно, скоро появился новый физкультурник. Это был дородный мужчина с волосами, зачесанными назад и уложенными пышными волнами, одетый в белый спортивный костюм. Папаша Тхе с добродушным видом объявил, что нового учителя зовут Жа и что ему двадцать четыре года. А нам-то показалось, что физкультурнику уже все тридцать пять. Пока папаша Тхе говорил, новый учитель стоял с отсутствующим видом — он смотрел поверх наших голов, словно не замечая нас. Дождавшись, когда папаша Тхе наконец уйдет, он наклонил голову и взглянул на нас. Мы с нетерпением ждали, что он нам скажет. Вдруг учитель гаркнул:

— Сми-и-ирно!

От неожиданности мы вздрогнули, распрямили плечи и вытянули шею. Учитель Жа, видимо, остался доволен и перешел к делу.

— Сегодня я даю первый урок в школе, — начал он нудным тоном. — До этого я работал ассистентом в институте физкультуры. Я привык иметь дело со студентами, которые пришли

в институт после средней школы; это крепкие, здоровые и вполне сознательные молодые люди. Теперь мне придется работать в школе. Гм... Меня к этому вынудили особые обстоятельства. Гм... Прошу вас иметь это в виду.

Мы молча слушали. В этот момент, как на грех, откуда-то прилетел здоровенный овод и начал с назойливым гудением кружить вокруг нового физкультурника. Жа досадливо поморщился и замахал на овода руками, тот взмыл ввысь, но не улетел, а продолжал кружить над головой Жа, издавая при этом звуки, напоминавшие свист закипающего чайника. Настороженно следя за оводом, Жа приступил ко второй части своей программы:

— Сейчас мы начнем тренироваться. Для нас с вами время — это золото, а здоровье — бесценный дар. Мы не будем терять попусту ни секунды. Для начала надо размяться, чтобы по телу пошло тепло. Разминка имеет огромное значение, без нее нельзя начинать никакие тренировки. Ее действие подобно действию желудочного сока, который начинает выделяться при виде еды... На мой взгляд... Впрочем, хватит. Раз-два, раз-два! Начинаем бег по кругу!

Мы обменялись тревожными взглядами и побежали. Тяжело сопя, Лоан шепнула мне на ухо:

— Вот долдон! Замучает нас разминками и своими наставлениями. От одного его голоса скулы сводит!

— Помолчи! Посмотрим, что будет дальше,— ответила я.

Наш прежний учитель физкультуры умел обходиться вообще без команд: стоило ему поднять руки над головой, как мы послушно приступали к разминке.

«Как хорошо иметь дело с добрыми и веселыми людьми»,— подумала я, вспомнив прежнего учителя физкультуры.

— Внимание! — Жа взревел вдруг голосом, напоминавшим гудок паровоза.

На этот раз сердце у меня сжалось от испуга, да и у всего класса тоже. Мы незаметно обменивались выразительными взглядами. Между тем этот Жа продолжал резким голосом:

— Соблюдать дистанцию! Каждый из вас должен чувствовать себя составным элементом круга. Даю вам две минуты для контроля: распределитесь равномерно по кругу! Воспитывайте в себе спортивный дух! Внимание и дисциплина! Итак, я засекаю время. В вашем распоряжении две минуты.

Мы бросали друг на друга недоумевающие взгляды.

— Что он сказал? Что нам надо делать?

— Откуда я знаю! Не наступай мне на пятки!

— Не останавливайся, а то он увидит и выплет всем нам!

— Но до меня не дошло, чего он от нас хочет.

Между тем Жа с победоносным видом взглянул на часы, которые висели у него на груди, и начал отсчитывать:

— Тридцать пять, тридцать шесть, сорок две секунды. Осталось шестьдесят секунд...

Все переполошились.

— Черт возьми, чего он от нас хочет? Послушай, Бе! Что нужно делать? — шептали со всех сторон.

Я шепнула на ухо соседу по прозвищу Журавль:

— Надо соблюдать дистанцию и бежать точно по кругу — вот и вся премудрость!

Журавль облегченно вздохнул. Команда была тотчас передана остальным и мигом выполнена.

Раздался долгий свисток: данное нам время истекло. Мы застыли на месте и выжидающе уставились на воцарившееся посреди круга светило, уподобившись внезапно остановившимся планетам.

— Прошу внимания! — молвило светило зычным голосом и напыжилось. — Сегодняшний урок посвящен... посвя...

Жа еще продолжал пыжиться, но вдруг его лицо задергалось и исказилось в страдальческой гримасе, ноздри с мелкими красными прожилками странно раздулись, а глаза тупо уставились вниз; казалось, учитель разглядывает вбитый в землю колышек, не решаясь выдернуть его. В считанные секунды лицо учителя стало похожим на старый полуистлевший парус, внезапно надутый порывом ветра. Мы наблюдали за ним пять-шесть секунд, а потом... Потом грянуло оглушительное «а-а-пчхи-и!...».

Как ни старался учитель Жа удержаться от этого мощного «апчхи», дабы не уронить себя в глазах учеников, ему это не удалось.

Чихая, он непроизвольно задрал лицо вверх и широко разинул рот. Он не успел ни прикрыть рта рукой, ни отвернуться, так что забрызгал Журавля, который стоял ближе всех к физикультурнику.

За считанные секунды торжественное выражение лица Жа сменилось такой комичной, такой уморительной гримасой, что мы, как по команде, разразились дружным хохотом. Даже староста класса и секретарь Союза трудовой молодежи давились от смеха... Некоторое время мы ничего не могли поделать с собой и буквально умирали от смеха. Больше всех веселились

великовозрастные девицы¹: они чуть ли не повалились друг на друга и хохотали так самозабвенно, что у них из глаз потекли слезы.

Оправившись от конфуза, Жа минуто-другую потоптался на месте и вдруг заорал, выкатив глаза:

— Призыва-а-ю всех к порядку!

Мы вытянулись по стойке «смирно», однако смех все еще душил нас, у многих судорожно кривились губы и клокотало в горле. Учитель бросил на нас злобный взгляд и заговорил срывающимся голосом:

— Что вас так рассмешило? Над чем вы, собственно, смеетесь? У нас урок или час смеха? Вас не приучили к дисциплине! Как я понимаю, у вас полностью отсутствует уважение к предметам учебной программы и к своим учителям!

Теперь нам стало не до смеха. Мы притихли и низко опустили головы, будто все вдруг принялись рассматривать собственные ноги. Судя по тому, что лицо учителя физкультуры побагровело от ярости и обиды, дело принимало крутой оборот. Учитель по очереди сверлил нас глазами и вдруг остановил свой взгляд на мне: видимо, ему показалось, что я больше других потешалась над ним и смеялась громче всех.

— Как вас зовут? — спросил он визгливо.

Я похолодела от страха и еле слышно ответила:

— Ву Тхи Бе, уважаемый учитель.

— Извольте ответить: над чем вы смеялись?

— Я... я...

— Я к вам обращаюсь: над чем вы смеялись?

— Я... мне...

— У нас урок или час смеха?

— Урок, уважаемый учитель.

— Разве на уроке можно смеяться?

— Нет-нет, нельзя, уважаемый учитель.

— И все-таки ответьте: почему вы смеялись?

— Я...

— Так вот знайте: вы недисциплинированная, не умеющая достойно вести себя девица! Таким, как вы, не место в социалистической школе!

Я уставилась на свои ноги, не переставая машинально крутить большими пальцами, и вдруг почувствовала, как по спине пробежал холодок, но уже в следующую минуту меня

---

¹ В колониальном Вьетнаме и некоторое время после завоевания независимости не было обязательного образования, поэтому в то время в одном классе обыкновенно учились дети разного возраста.

бросило в жар и я вся покрылась липким потом. И вдруг раздался робкий голосок:

— Уважаемый учитель, можно мне сказать?

Это был голос Ли, самого маленького и самого худенького мальчика в классе. Он поднял руку, и видно было, как она дрожит. У этого мальчика мать умерла после родов, а отец сильно пил. Мальчик жил с пьяницей-отцом, который держал лошадь и занимался извозом, и мачехой, торговавшей на рынке рыбным соусом¹. Бедному Ли жилось несладко: отец и мачеха не знали жалости к заморышу с тонюсенькими ручками и ножками и высохшим личиком. На нем лежала вся работа по дому, делать уроки ему было некогда, поэтому учился он хуже всех в классе.

— Уважаемый учитель,— пролепетал Ли дрожащим от страха голосом,— Ву Тхи Бе не из тех, кто позволяет себе смеяться над учителями, она над вами не смеялась.

Учитель физкультуры окинул бедного Ли грозным взглядом:

— Ах, вот как? Над кем же она смеялась?

Ли глотнул воздуха и выпалил одним духом:

— Уважаемый учитель, раньше на уроках физкультуры нам разрешалось смеяться сколько угодно. Поэтому мы привыкли...

Учитель физкультуры помолчал, потом солидно откашлялся и сказал назидательным тоном:

— Хорошо, забудем про этот случай. Но учтите: я не потерплю разболтанности в стенах социалистической школы и с нарушителями дисциплины буду поступать очень сурово.

Остальная часть урока прошла в такой же тяжелой обстановке. После уроков, когда я проходила через школьный двор, на меня вдруг нахлынули воспоминания. Я замедлила шаг и с удивительной ясностью представила себе приветливое, доброе лицо прежнего учителя физкультуры. Мне вспомнился его добрый голос и радостный звонкий смех мальчишек и девчонок. Увы! Тех уроков физкультуры у нас уже больше не будет. Я вернулась в школу в надежде разыскать папашу Тхе. Но оказалось, что папаша Тхе укатил на велосипеде в гороно. Расстроенная, я побрела домой. В тот день я даже предположить не могла, что ожидает меня в ближайшем будущем. Тогда я еще не знала, какие неприятности в самом скором времени свалятся на голову толстушки Лоан, моей самой близкой подруги, и на мою собственную голову.

---

¹ Рыбный соус — обычная приправа почти ко всем блюдам вьетнамской национальной кухни.

И ВОТ НАЧАЛИСЬ НЕПРИЯТНОСТИ

Едва я переступила порог дома, как мама обернулась ко мне:

— Сегодня такая жара! Сбегай за льдом — будем пить воду с лимоном!

Я схватила кружку для льда и выскочила на улицу. В нашем городке лед продавался только в двух местах. Раньше какой-то француз держал в нашем городке крошечную фабричку по производству льда, у которой было звучное название — фирма «Хоалы»¹. После ухода французов фабричку передали в ведение государства, и теперь там делали мороженое и лед для розничной торговли. Еще лед продавался в доме бывшего капрала Кана. Кан приобрел электрическую мороженицу и добился разрешения на продажу льда. Лед получался очень слабый, он быстро таял и стоил в два раза дороже фабричного, зато дом Кана был в двух шагах от нас, поэтому я предпочла пойти за льдом к Кану. Во дворе человек пять-шесть уже дожидались своей очереди, я было присоединилась к ним, как вдруг из дому выбежал Ли и, увидев меня, затараторил:

— Ты тоже за льдом? Ждать придется не меньше получаса! Холодильник у Кана не справляется. Ты будешь ждать?

«По такой жаре тащиться через весь город за льдом к бывшей фирме «Хоалы»? Ну уж нет», — подумала я, взглянув через ограду на залитую полуденным зноем улицу, и сказала:

— Пожалуй, я подожду.

Ли потянул меня за руку:

— Пойдем со мной! Ты сейчас такое услышишь, такое!..

Ли потащил меня во внутренний дворик. Он дружил с сыном Кана, третьим ребенком в семье, так что запросто приходил в этот дом. Ли подвел меня к завешенному шторой окну, из которого доносились голоса. Я сразу узнала голос тети Лыу, мамы моей толстушки Лоан.

— Мне надо еще подумать! — сказала кому-то тетя Лыу.

— Ты мне не веришь? — услышала я вкрадчивый голос старикашки Кана. — Мне не нужны твои деньги, а тебе — мои, это так, но ведь речь идет не о деньгах, а о чувствах, в которых мы оба так нуждаемся. Ты переедешь в мой дом, положим конец нашему одиночеству. Вместе жить куда веселее: станем делить радости и печали, заботиться друг о друге. О какой семейной жизни может идти речь, если ты останешься в своем

---

¹ Хо а лы — название первой столицы Вьетнама. Хоалы стал столицей в X веке, сразу после завоевания страной независимости.

доме? Верно, твой дом не за тридевять земель, и все же это будет нам мешать.

Тетя Лыу молчала. Наверняка она в задумчивости накручивала на палец прядку волос у виска — такая была у нее привычка. Наконец она сказала со вздохом:

— А как к этому отнесется Лоан? Просто представить не могу, как я ей скажу.

— Конечно, надо все продумать, но не мы первые, не мы последние. Будем считать всех детей общими, придется вдвоем везти этот воз. Разве я хочу твоей Лоан зла? Когда ей плохо, то и тебе плохо. Как ты думаешь: смогу ли я спокойно жить, если тебе будет плохо?

Тетя Лыу опять тяжело вздохнула в ответ...

Ли наморщил носик и презрительно скривил губы:

— Наверняка он лезет к ней со своими нежностями!

Я легонько стукнула Ли по голове:

— Да помолчи ты, дьяволенок!

В это время снова раздался голос капрала Кана:

— Как только ты продашь дом, сыграем свадьбу. А задаток — половину всей суммы — возьми уже сейчас. Когда дом будет переведен на имя покупателя, получишь вторую половину. Сейчас цены на дома растут. А этому отставному подполковнику с новой улицы загорелось купить твой дом. Ему больше нравится старый район. И вообще в этом деле тебе надо положиться на меня...

Тут из кухни выскочил сын капрала Кана, с которым дружил Ли, и многозначительно кашлянул. Мы с Ли метнулись вон из внутреннего дворика. Купив лед, я сразу пошла домой. Когда мы с мамой сели обедать, я тут же выложила ей новость:

— Тетя Лыу собирается замуж за капрала Кана. Я собственными ушами слыхала, как они говорили про свадьбу и про то, что скоро продадут дом тети Лыу. Тетя думает переехать к этому злому старику.

— Тетя Лыу выходит замуж за старика Кана? Она надумала продать свой дом и перебраться к нему? Да быть этого не может! Тут что-то не так! — запричитала мама испуганно, словно ей сообщили, что нашему городу грозит извержение вулкана.

Я подтвердила с самым уверенным видом:

— Нет, так! Я сама слышала их разговор!

Мама словно окаменела, бессмысленно впевив взор в окно, за которым ослепительно сияло солнце. После обеда я вдруг почувствовала сильную усталость, глаза так и слипались. Едва я прилегла, как на меня навалился тяжелый послеобеденный сон.

Во сне мне приснился худышка Зунг: он ел в точности как обезьянка из бродячего цирка. На нем была красная майка с черной окантовкой, а на голове — черная каскетка, он прыгал с ужимками клоуна перед толпой зрителей и выпрашивал деньги. Когда толпа куда-то исчезла, Зунг остановился передо мной и печально сказал: «Послушай, Бе! Ты догадалась, почему я стал бродячим циркачом?» Я покачала головой: «Нет. И никто не догадался». На это худышка Зунг ответил с серьезным видом: «Никому ни за что не догадаться!» — «Но мне-то ты скажешь?» Худышка Зунг окинул меня недоверчивым взглядом: «Нет, не скажу. Я никогда никому не отважусь сказать». Тут у него из кармана посыпались монеты и покатались по дороге. Они катились, катились, пока не исчезли в пыли, клубившейся за повозкой бродячих циркачей. И худышка Зунг тоже исчез...

Меня еще одолевал сон, а мама велела мне вставать и садиться за уроки. После ужина мы с ней пошли к тете Лыу. Мама молчала, но мне было ясно, что новость, которую я ей сообщила, огорчила ее. Дом тети Лыу был на другом конце улицы, в пятнадцати минутах ходьбы от нашего дома. Когда мы пришли, тетя Лыу хлопотала на кухне: она жарила пирожки. Усадив нас за стол, тетя Лыу поставила перед нами блюдо с пирожками.

— Угощайтесь! — сказала она. — С пылу, с жару! Видите, тут пирожки двух сортов: круглые — сладкие, с фасолью и мякотью кокоса, продолговатые — остренькие, с мясом, перцем и луком...

— Ты ведь не часто делаешь пирожки, да? — спросила моя мама.

— Не часто, — отозвалась тетя Лыу. — Сегодня я не торговала на рынке, вот и взялась за пирожки. Захотелось дочку побаловать и угостить одного человека...

Тут тетя Лыу смущенно улыбнулась и замолчала. Мы с мамой сразу догадались, что пирожки она пекла для капрала Кана, своего будущего мужа. Я взглянула на маму: она опустила глаза и помрачнела. Моя мама всегда питала к тете Лыу большую симпатию. Во-первых, я дружила с Лоан, во-вторых, тетя Лыу относилась к той редкой породе людей, которые не делаются хуже от того, что занимаются торговлей: ни доброты, ни искренности тете Лыу было не занимать. Когда-то тетя Лыу жарила пирожки и носила на продажу. Весь наш городок сразу их оценил, потому что пирожки получались у нее на славу: приготовленные из отменной муки, они аппетитно пахли и буквально таяли во рту. У приветливой, улыбчивой молодой женщины пирожки шли нарасхват. Тогда еще был жив ее муж.

Он работал механиком, был очень хорош собой и отличался необыкновенно добрым нравом. Однажды знойным июльским днем он вернулся из гостей, изнемогая от жары, не долго думая облился колодезной водой и вскоре умер от простуды. Из далекого Лаокая вызвали его сестру. Она привезла неожиданно овдовевшей невестке деньги, помогла устроить похороны и вообще очень поддержала ее в трудную минуту. Тетя Лыу умела торговать, и у нее стали водиться деньги. Она не только ни в чем не отказывала дочке, которую растила одна, но и занялась строительством собственного дома. Дом получился всем на загляденье: просторный, с высоким каменным цоколем, с верандой из бетона, с ровными, без единой шероховатости потолками, с полным набором хозяйственных построек во дворе: кухней, душем, курятником. Жители городка хорошо относились к тете Лыу. А когда она выстроила собственный дом, то за ней стали увиваться одинокие мужчины из обеих частей города — старой и новой... Хотя претендентов на ее руку и сердце было предостаточно, она неожиданно остановила свой выбор на отставном капрале Кане, который был не только староват для нее, но и имел в нашем городе репутацию нечистого на руку скряги. Внешность у капрала Кана была далеко не привлекательная: его лысая голова смахивала на арбуз, он всегда носил очки, которые, однако, не могли скрыть недоброго выражения глаз. Он вечно подбирал или выклянчивал всякий хлам, попадавший ему на глаза: от ржавого винтика до велосипедного звонка. Все, что он подбирал на дороге или выпрашивал у людей, капрал Кан рассовывал по карманам. Маленькие дети со страхом пялили глаза на эти оттопыренные карманы, принимая капрала Кана за буку... Всем известно, что бука шарит по сторонам двенадцатью жадными глазами и держит в руках целых девять мешков, в которые засовывает непослушных детей...

Моя мама помрачнела, она словно не замечала улыбки, не сходявшей с лица тети Лыу, которая хлопотала возле стола и уговаривала маму попробовать ее пирожков.

— Послушай, Хань, ешь скорее пирожки, а то ведь остынут,— говорила она.

Мама бросила на меня многозначительный взгляд.

Я поняла мамин намек и потащила Лоан на улицу: надо было дать нашим мамам поговорить по душам, а в нашем присутствии это было невозможно. Лоан тут же сообразила, что от нее требуется, и молча пошла к двери.

Я так торопилась увести Лоан подальше от дома, что споткнулась в темноте о корень раскидистого дерева и чуть не

растянулась на земле. Подняв голову, я неожиданно увидела в тени яркую блузку и знакомую девичью фигурку. Узнав свою одноклассницу, я чуть было не окликнула ее по имени. Да, это была она — девчонка из нашего класса по имени Бой. Она стояла под вековым миробалановым деревом, низко опустив голову. Рядом с ней был дородный мужчина с волосами, зачесанными назад и уложенными пышными волнами. Благодаря грузной фигуре в своем франтоватом белом костюме мужчина походил на большой белый куль с мукой. Лоан вовремя оттащила меня в сторону — за афишную тумбу. Откровенно говоря, у меня душа ушла в пятки от страха, когда я узнала мужчину... Если бы не Лоан, я бы столкнулась нос к носу с этой парочкой.

— Уважаемый учитель, не ходите за мной,— услышали мы дрожащий голос Бой.

Мужчина помолчал, потом вкрадчиво сказал:

— Какое сегодня звездное небо!

Да, это был голос Жа, нового учителя физкультуры. Стало быть, он не терял времени. Бой была недурна собой, отличалась добрым нравом и пользовалась успехом у взрослых парней. Мы не раз перехватывали предназначенные ей любовные письма. Бой тогда краснела и беззлобно ругала нас:

— У-у! Противная мелюзга!

Училась Бой неважно, но больше всего она не ладила с физкультурой. Нам было непонятно, почему она не может выполнить ни одного мало-мальски сложного упражнения на спортивных снарядах.

Может быть, именно поэтому сама мысль о том, что перед нею учитель физкультуры, внушала ей панический страх, и она дрожала как лист на ветру.

— Уважаемый учитель!..— Ее голос звучал умоляюще.

Но на учителя это не произвело никакого впечатления.

— Как я вижу, молодежь валом валит в кино,— сказал он.— Что за фильм идет сегодня?

— «Фатима», уважаемый учитель.

— Ах да... «Фатима». Ты его смотрела?

— Еще на прошлой неделе, уважаемый учитель.

Жа хихикнул и понизил голос:

— Ты сама как Фатима... Волосы и глаза у тебя в точности как у нее. Ах, как хороши твои черные глаза! Они так и манят...

— Уважаемый учитель, вам пора домой. Отсюда далеко...

— Гм-гм!.. Стало быть, ты меня гонишь? Ну что ж. Не буду тебя задерживать.

— Поезжайте домой, уважаемый учитель...

Жа вывел на дорогу велосипед — он у него стоял возле стены. Велосипед издал тонкий жалобный звук. Жа по-медвежьи взгромоздился на велосипед, крепко ухватился за руль и нажал было на педали. Я думала, что он сразу уедет, но он медлил. Немного погодя мы услышали, как он сказал назидательным тоном:

— Тебе, Бой, надо научиться как следует выполнять упражнения на спортивных снарядах, в том числе упражнения на бревне и прыжки через коня. Если ты не исправишь двойку, тебя не переведут в следующий класс. Так что учти на будущее.

— Хорошо, уважаемый учитель, учту,— послушно пролепетала великовозрастная ученица.

Как только учитель физкультуры отъехал, она юркнула к себе в дом. Я уговорила Лоан немного прогуляться по улице, после чего мы пошли назад. Когда мы вошли в дом, трудный разговор между моей мамой и тетей Лыу был окончен. Тетя Лыу сидела в застывшей позе, уставившись на кафельный пол. Когда она о чем-то задумывалась, в уголках глаз у нее собирались морщинки. Толстушка Лоан как-то сказала мне, что ее матери уже исполнилось тридцать восемь. Стало быть, она вдова, которой под сорок, а для вдовы это критический возраст... Так, по крайней мере, утверждала моя бабушка.

Через два дня мы с мамой затеяли уборку в доме — вдруг совсем не к стати к нам заявился 'отставной капрал Кан. Он без приглашения сел на стул, бросая на маму злые взгляды.

— Зачем вы пришли? — сухо спросила мама.

— А вы не догадываетесь? — отпарировал капрал Кан и, язвительно усмехнувшись, добавил: — Не понимаю, почему таким, как вы, доверяют учить детей?

— Представьте себе: доверяют! — спокойно ответила мама. — Правда, я занимаюсь обучением и воспитанием детей, а не взрослых. Взрослыми я не занимаюсь, особенно такими, которые прислуживали колонизаторам.

Отставной капрал помрачнел. Видно было, что слова мамы его сильно задели. До освобождения от французского господства капрал Кан любил распространяться о том, что он является верноподданным Франции, а посему пользуется за столом вилок и ложкой, а не вьетнамскими палочками для еды, и умеет танцевать западные танцы не хуже французов. После обеда он обычно щеголял во французской военной форме. Когда французы убрались восвояси, он спрятал подальше эту форму, надел простую крестьянскую одежду и стал ходить в резиновых сандалиях.

Хотя мама своим намеком вывела его из себя, капрал

прикусил язык. Он сам налил себе чаю, отпил из чашки и только тогда снова заговорил, но уже примирительным тоном:

— До сих пор я относился к вам с уважением, потому что вы, несмотря на молодой возраст, всегда вели себя достойно. С какой стати теперь вы стали вдруг совать нос в чужие дела? Я человек благовоспитанный, другой бы на моем месте проучил вас. Считайте, вам повезло. Я не грубиян, не скандалист...

— Сейчас уже нельзя жить по принципу «моя хата с краю, я ничего не знаю», — отрезала мама.

— Можно подумать, будто все-то вы знаете! — возразил бывший капрал с ехидной улыбкой.

— Не надо пустословить! — сказала мама. — Лучше посмотрите повнимательней на себя, а потом на нее. Что касается меня... Если близкий человек собирается совершить безрассудство, как можно его не предостеречь! Любой порядочный человек поступил бы точно так же.

Кан ухмыльнулся, обнажив при этом тускло поблескивающие золотые зубы.

— Всякой вдове прежде всего нужен муж, а не советы соседок. Так что зря вы себя утруждаете, — буркнул он.

С этими словами капрал Кан поднялся со стула и вышел вон.

Мама тяжело вздохнула с огорченным видом. Потом она еще долго сидела молча перед чашкой с остывшим чаем и встрепенулась только тогда, когда я опустила москитник и улеглась спать.

О СОБЫТИЯХ, СЛУЧИВШИХСЯ В АПРЕЛЕ

Наступил апрель. Первыми ярко-огненными цветами запестрели ветви «хвостов феникса» — огромных деревьев. В начале недели по дороге в школу у меня подвернулась нога, я упала так неловко, что в кровь расшибла колено, а на лбу у меня вскочила шишка величиной с плод гуайявы. Но все это мне показалось пустяком по сравнению с другой бедой: падая, я порвала мои новенькие брючки цвета хаки. На коленке зияла дырка величиной с монетку, сквозь которую сверкала белая кожа. Идти в таком виде в школу было неудобно, можно было бы вернуться домой и переодеться, но тогда я бы наверняка опоздала на урок. Поразмыслив немного, я достала из портфеля зеленоватую промокашку, оторвала от нее маленький клочок, слегка подкрасила черным карандашом, после чего попросила

толстуху То, торговавшую на улице рисовой лапшой, дать мне лапшинок, чтобы заклеить дырку на брюках.

— Больше ты не каталась на лодке? — спросила торговка своим зычным голосом и сунула мне в руку несколько лапшинок.

— Н-нет, меня больше к реке не тянет, — призналась я.

— Смотри будь осторожна, не то затащит тебя на дно водяная фея, никто тогда не спасет. Отец-то у тебя в армии, служит где-то на краю света, его не докличешься, а у матери ты одна. Так что резвись, да знай меру.

Громко пожурив меня, тетушка То сунула мне в руку еще несколько лапшинок. Я торопливо поблагодарила ее, отошла в сторонку, заклеила клочком промокашки дырку на брюках и со спокойным сердцем пошла в школу.

Первым был урок химии. Папаша Тхе вызвал меня к доске. Я бойко изложила теорию, написала на доске формулы, и папаша Тхе поставил мне пятерку. Когда я возвращалась на место, клочок промокашки отклеился от брюк и упал на кафельный пол. Картина была до смешного нелепой! Я сконфузилась и попыталась прикрыть дырку на коленке рукой. Весь класс дружно расхохотался. Папаша Тхе оглядел учеников удивленным взглядом, а когда понял, в чем дело, тоже расхохотался. Так смеются крестьяне, которые продают веники на нашем рынке. После уроков папаша Тхе окликнул меня:

— Ты куда?

— Пойду прогуляюсь во дворе.

— Хм... В таком виде? Чему только вас учат на уроках труда! Как тебе пришло в голову заклеить бумажкой дырку на брюках? Эх ты, неумейка! Некому тебя пороть!

Обычно папаша Тхе обращался к нам на «ты». Он переходил на «вы» только тогда, когда был очень недоволен нами.

Убедившись, что я внимательно слушаю его, папаша Тхе поманил меня рукой:

— Ну-ка иди за мной!

Он повел меня в общежитие учителей нашей школы, раздобыл там кусочек материи под цвет моих брюк, иголку и длинную нитку, потом отвел меня в небольшую комнату рядом с лабораторией — в этой комнате он жил вместе с учителем математики, которого звали Бать.

— Закрой дверь и аккуратно зашей дыру на брюках! — сказал папаша Тхе.

— А... урок биологии? — робко возразила я.

— Пропустишь! Потом возьмешь у кого-нибудь тетрадь, перепишешь. В общем, разберешься сама. Ты уже взрослая,

в твоём возрасте непозволительно ходить неряхой, надо следить за собой. Чтобы больше такое не повторялось, слышишь?

С этими словами папаша Тхе взял со стола табакерку, сунул в карман и вышел из комнаты. Я закрыла дверь, сняла брюки и принялась за работу. Таким строгим тоном папаша Тхе говорил со мной впервые, и мне было не по себе.

Во второй половине дня весь наш класс отправили на рытьё оросительного канала в пригородном сельскохозяйственном кооперативе. Было очень жарко и душно, как перед грозой. Вскоре и в самом деле хлынул ливень. Прятаться было некуда, и все мы мгновенно промокли до нитки. Мальчишки встретили ливень радостными воплями и принялись весело прыгать и плясать под струями, обрушившимися с неба. Я да и все девочки моего возраста старались от них не отставать: мы задирали головы, высовывали языки и пили дождевую воду, с визгом гонялись друг за другом, победоносно поглядывая на старших девочек, которые, в отличие от нас, чувствовали себя очень неловко под облепившей тело мокрой одеждой: они жались друг к другу и смущенно прикрывали лица остроконечными шляпами. Хуже всех чувствовала себя Бой, которая была самой старшей: её крепкое тело уже вполне обрело девичьи формы. В промокнувшей насквозь тонкой блузке она обнаруживала явное сходство с нагими красавицами на полотнах эпохи Возрождения; о них мы имели некоторое представление по репродукциям, которые нам показывал учитель рисования. Бедной Бой было явно не по себе под взглядами старшеклассников, которые не отходили от своих одноклассниц: среди них, конечно, были её воздыхатели. Но больше всего девочку смущало присутствие нового учителя физкультуры. Он стоял в стороне вместе с другими преподавателями, но взгляд его узких глаз непрерывно скользил по прилипшей к телу одежде Бой. Мальчишки, которые первыми смекнули, в чём дело, начали многозначительно перемигиваться и перешептываться:

— Смотрите, этот Жа так и пожирает глазами нашу куколку Бой! Ну дает! Так и окосеть можно!..

— Внимание, не пропустите интересного момента! Сейчас он опять начнет стрелять глазами... Видите? А что я говорил! Он только для виду о чём-то расспрашивает папашу Тхе, а на самом деле занят совсем другим... Видите? Так и ест её глазами...

Я посмотрела на папашу Тхе. Он и в самом деле беседовал с учителем физкультуры, но упорно смотрел куда-то в сторону. Ясное дело: папаша Тхе в курсе... Такое не могло ускользнуть от его внимания...

Как только кончился дождь, сразу ярко засветило солнце. Мы опять принялись за работу — кто копал, кто таскал землю. Худенький и не по возрасту маленький Ли работал наравне со всеми, но вдруг он бессильно опустил на землю. Мы обступили его и попытались помочь ему подняться, но бедняге было совсем худо. Все растерялись и не знали, что делать, но тут подбежал папаша Тхе. Он прижался щекой ко лбу мальчишки и озабоченно пробормотал:

— У мальчика сильный жар! Как видно, он с утра нездоров. Он ни на что не жаловался?

Мы переглянулись.

— Вроде бы нет,— невнятно ответил кто-то из нас.

— Живо бегите в медпункт! Позовите медсестру!

Наш староста, председатель совета отряда и председатель совета дружины помчались в медпункт, но очень быстро вернулись удрученные: оказалось, что медсестра уехала по делам в уездный центр.

Пока ребята бегали в медпункт, папаша Тхе намазал тигровой мазью виски, переносицу, шею и грудь заболевшего мальчика, который все это время лежал с закрытыми глазами у него на руках. Лицо у Ли горело, веки почернели и беспокойно вздрагивали. Узнав, что медсестры на месте нет, папаша Тхе молча взвалил больного мальчишку себе на спину и трусцой побежал через поле в сторону шоссе. По неровному полю бежать было нелегко, папаша Тхе то и дело спотыкался о комья земли. Он ведь был уже немолод, мы это великолепно понимали и не отставали от него.

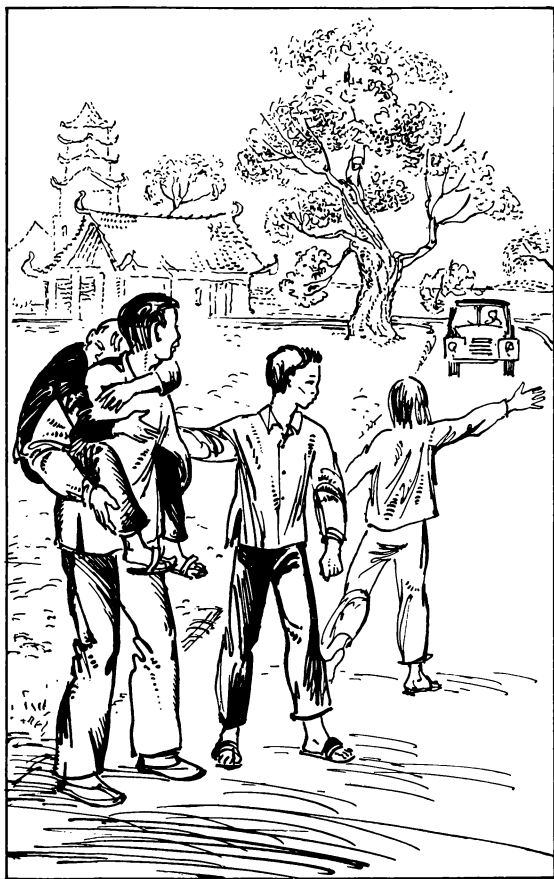
— Давайте поможем! — кричали мы.— Одному вам очень тяжело, вы не донесете...

— Был бы гамак или носилки,— откликнулся папаша Тхе,— а без гамака... Идите работать, а со мной пусть останутся двое.

Само собой получилось так, что этими двумя оказались я и староста класса, а остальные пошли назад. Староста был старше меня и считался рассудительным парнем. Рядом с ним я казалась пигалицей, но смекалки и проворства мне было не занимать, я не сомневалась, что окажусь полезной. К тому же папаша Тхе всегда чуть-чуть выделял меня среди других, что давало мне право остаться с ним, а не повернуть назад. Я заранее знала, что он воспримет это как нечто само собой разумеющееся.

Едва мы вышли на шоссе, как возле нас притормозил армейский джип. Увидев мужчину с ребенком на спине, ехавшие в джипе военные предложили свои услуги. Джип довез нас

до ближайшей больницы. В кабинете неотложной помощи бедняжке Ли сделали целых три укола, потом дали подышать через резиновую трубку кислородом из огромного блестящего металлического баллона. После этого его отвезли в палату с шестью железными кроватями, окрашенными в белый цвет. Жар у него не спадал, и он лежал с закрытыми глазами, а на шее вздулись синенькие жилки. Папаша Тхе сказал нам:

— Боюсь, что у парня тиф. Одному из вас надо подежурить ночью возле него.

Староста тут же ответил:

— Хорошо, учитель, я могу подежурить...

Хотя староста без колебаний согласился остаться на ночь в больнице, но от меня не ускользнуло, что он несколько растерян. Семья его бедна, и по ночам он частенько подрабывает: обжигает кирпичи, продает их, а деньги отдает матери.

Тогда я сказала старосте:

— Ладно, иди домой. Я останусь здесь на ночь. Только по дороге зайди ко мне домой, предупреди мою маму.

Староста медлил с ответом, обдумывая, как быть. Но тут папаша Тхе погладил меня по голове и одобрительно сказал:

— Вот и хорошо! Ты молодчина!

Он достал из кармана кожаный бумажник с несколькими кармашками, обшарил все кармашки и в конце концов извлек четыре донга.

— Держи! Тебе надо поужинать, этого хватит на лепешки и лапшу, а завтра будет видно,— сказал он мне.

После этого папаша Тхе и староста ушли, оставив меня посреди больничного двора. Я долго смотрела им вслед. Когда знакомая фигура папаши Тхе скрылась за воротами, я вернулась в палату и села около Ли. Он спал. Я огляделась по сторонам: остальные пять кроватей были заняты, раньше я не обратила на это внимание. Когда я разглядела больных, мне стало жутко: они либо метались во сне и бредили, либо лежали пластом, не подавая признаков жизни. Лица у больных были какие-то восковые, глаза закрыты или, наоборот, широко открыты. Застывший взгляд широко открытых глаз пугал меня. Окно палаты было наполовину закрыто листвою деревьев, но через него все же можно было разглядеть больничное кладбище, расположившееся на холме. На могилах — пиалы с пеплом от сожженных ароматных палочек и увядшие венки. Под холмом — маленький домик, побеленный известью. Это больничный морг. Я увидела, как два санитары в белых халатах внесли туда носилки с телом, накрытым простыней. Я давно бы удрала из

этого страшного места, если бы не Ли, если бы не слово, данное папаше Тхе и самой себе. К счастью, минут через двадцать пришла дежурная медсестра. Она была такая полненькая, такая румяная, что все мои страхи тут же исчезли, и мрачная палата показалась не такой уж мрачной.

— Ты что-то бледная, — сказала она. — Проголодалась небось?

Я молча кивнула головой.

— Не волнуйся, я здесь присмотрю, а ты пойдешь! Скоро стемнеет, так что поспеши!

Я поблагодарила медсестру и пулей выскочила из палаты, насквозь пропахшей дезинфекцией и другими больничными запахами. На свежем воздухе я почувствовала себя как в раю, а ведь в больничной палате мне довелось пока пробыть каких-нибудь полчаса! За воротами больницы расположилось несколько маленьких харчевен, в которых продавали горячую лапшу, лепешки и пироги, завернутые в листья, разные фрукты. В этих харчевнях оказалось очень неопрятно, а цены были очень дорогими, тем не менее я отважно съела два пирога. В те времена один пирог с начинкой из бобов и мяса стоил пять хао, хотя величиной он был с пиалу для риса. Двух пирогов было достаточно, чтобы у меня раздулся живот, однако я еще купила две большие конфеты, истратив в общей сложности один донг и один хао, так что у меня осталось два донга и девять хао. После этого я разыскала кухню при больнице и попросила напоить меня чаем. Когда я подумала, что мне надо возвращаться в палату, по спине у меня пробежали мурашки... Как бы то ни было, я не могла оставить мальчика в таком тяжелом состоянии одного на ночь. Открыв дверь, я чрезвычайно обрадовалась, увидев пышущую здоровьем медсестру, которая сидела в уголке и преспокойно что-то вязала. Я опустила москитник, устроилась на краешке кровати рядом с Ли и незаметно заснула.

Утром меня разбудил чей-то голос. Но он принадлежал не румяной медсестре, а незнакомому мужчине. На носу у него были очки в оправе из панциря морской черепахи.

— Как появилась в палате эта маленькая куколка? — спросил мужчина и погладил меня по щеке удивительно белой женственной рукой.

Я села и с изумлением уставилась на незнакомца, который говорил со мной полусерьезным тоном.

— Ты пришла к нам из витрины магазина? — повторил мужчина.

Я хорошенько протерла глаза, чтобы окончательно про-

снуться, после чего обстоятельно объяснила, что я одно-классница заболевшего мальчика, что классный руководитель попросил меня подежурить ночью в больнице, поэтому я и оказалась в палате...

— Понятно, понятно... — приговаривал незнакомец, который, конечно, был врачом. Потом он похлопал меня по плечу: — Ты славная девочка! Молодчина!.. В твоём возрасте лично я ни за какие блага не согласился бы провести ночь в такой палате. Молодчина! Какая молодчина!..

Я залилась краской стыда: от таких похвал, да ещё в присутствии других, мне всегда становилось не по себе. Я огляделась: больные молча смотрели на меня, а две медсестры, сопровождавшие врача, понимающе улыбались. И тем не менее я не могла по-настоящему рассердиться, потому что у врача было такое открытое, такое доброе лицо! Я чувствовала, что мне все нравится в нём: и блестящие чёрные глаза за очками с толстыми стеклами, и чисто вымытые белые руки, и торчащий из-под халата воротничок клетчатой рубашки. Осмотрев больных и прописав им лекарства, врач позвал меня в свой кабинет. Я, конечно, тут же пошла за ним.

В кабинете все сияло чистотой. На стенах, покрашенных под светлый мрамор, висели картины, на которых были только одни пейзажи.

— Угощайся! — сказал врач, пододвигая ко мне белую фарфоровую тарелку с разноцветной карамелью. — Во время ночного дежурства у меня на столе всегда лежат конфеты. Ну бери же! Не строй из себя взрослую гостью, чувствуй себя как дома!

Карамель оказалась очень вкусной, внутри она была твердая и прозрачная, а пахла, как засахаренные мандарины. Врач уселся напротив меня, положил в рот карамельку, налил себе чаю и стал отпивать из пиалы маленькими глотками. Он разговаривал со мной, а глаза его светились добротой, и я чувствовала себя очень свободно. За веселой беседой я чуть было не забыла о Ли и мысленно обругала себя за излишнюю беспечность: а вдруг он проснется в чужой больничной палате и испугается? Я положила назад очередную карамельку и решительно направилась к двери.

— Мне надо идти, — твердо сказала я.

Врач удивленно посмотрел на меня:

— А что случилось?

— Извините, мне надо вернуться в палату... А вдруг мой товарищ уже проснулся? — сказала я и тут же вышла из кабинета врача.

Он двинулся вслед за мной по коридору. Дойдя до поворота, я оглянулась и увидела, что он машет мне рукой.

— До свидания, малышка! — услышала я.

Голос врача звучал очень ласково. Больше мы с ним никогда не встречались, но в моей душе навсегда осталась добрая память об этом человеке.

Войдя в палату, я увидела, что Ли лежит с открытыми глазами: пока меня не было, он проснулся. Не успела я спросить у него, как он себя чувствует, а в палату уже ввалился лысый, грузный, дородный мужчина с животиком. В одной руке он держал тетрадь в клетку, в другой — карандаш. Войдя, он сразу же забарабанил карандашом по жестяной табличке на спинке кровати и грубовато спросил:

— Койка номер шесть! Новенький, что собираетесь заказывать в кухне?

Мы с Ли переглянулись.

— Чем вы собираетесь питаться? — повторил мужчина таким резким тоном, что нам с Ли стало не по себе.

— Ка-а-шей... — запинаясь, ответил Ли.

— На сколько дней заказывать?

— Как вы сказали? — испуганно спросил Ли.

Откуда нам было знать, что больному полагалось заказывать и оплачивать питание на несколько дней вперед? Между тем грузный мужчина снова нетерпеливо постучал карандашом по жестяной табличке:

— Живо решайте, на сколько дней вам заказывать питание. Я должен записать вас.

— На три дня, — ответила я наобум.

— Восемь хао помножить на три получится двадцать четыре. Восемь хао в день, за три дня с вас причитается два донга четыре хао, давайте деньги! — сказал мужчина и начал что-то торопливо писать в своей тетради.

Ли вдруг сильно побледнел. Я сообразила, в чем дело: у него не было ни единого су... Тогда я быстро достала из заколотого булавкой кармашка деньги, которые у меня остались, и протянула грубоватому мужчине. Он взял их и тут же вышел из палаты. А меня охватило беспокойство при мысли о том, что от первоначальной суммы осталось не больше пяти хао: я уже успела проголодаться, не говоря уже о Ли, который вчера почти весь день ничего не ел. «Больничную кашу принесут только в девять часов», — подумала я и решительно направилась к выходу. За воротами больницы я купила для Ли несколько бананов, за которые заплатила три хао, а себе взяла

на один хао вареного маниока¹. Вернувшись в палату, я отдала Ли оставшийся у меня один хао.

— Подкрепись бананами и снова спи! А мне надо отлучиться... Ни в коем случае не выходи из палаты — ты еще очень слаб!

Ли послушно кивнул головой.

Съев маниок, я в хорошем настроении вышла из больницы. У меня уже был наготове план. Больница стояла на холме, вокруг тянулись рисовые поля. До города надо было топать километров семь, а до школы — все пятнадцать, зато до пагоды Донгна отсюда рукой подать — немногим больше трех километров. В эту пагоду мы не раз наведывались в воскресные дни, потому что при пагоде был заброшенный сад, в котором росло множество гуайяв, сплошь усыпанных плодами. Были там и папайи — не меньше двух десятков, унаби — около десятка и две карамболы². Настоятельница пагоды было за сорок. Она отличалась очень добрым нравом и любила, когда мы приходили к ней. Стоило нам появиться, как она принималась варить для нас рис, срывала самые сладкие, самые спелые плоды. Когда мы собирались уходить, она совала нам фрукты, чтобы мы угостили ими своих домашних. А как она умела варить рис! Это был не рис, а объеденье — разваристый и ароматный, мы его ели с бобовым соусом и солеными овощами. Беседуя с нами, настоятельница пагоды улыбалась своей на редкость приветливой улыбкой.

— Я очень рада вашему приходу, — неизменно говорила она. — Я весь день одна, дел у меня немного: то двор подмету, то соберу опавшие лепестки орхидей, одной мне очень тоскливо.

Расставаясь с нами, она всегда говорила:

— Недельки через две обязательно приходите снова, ладно? Буду ждать вас, детки!

Мы тоже приносили ей наши скромные подарки: свечи, пакеты с ароматными палочками, нитки с иглками, пуговицы и кнопки для одежды, масло для светильников, лепешки... Настоятельница принимала наши дары с такой непритворной благодарностью, что мы чувствовали себя совершенно счастливыми. Мы весело болтали с нею, и все вокруг казалось нам

¹ М а н и о к — растение с мучнистыми корнями — клубнями продолговатой формы, которые употребляют в пищу в вареном и печеном виде. Из корней маниока получают муку и пищевой продукт — тапиоку.

² П а п а й я — тропическое дерево с большими плодами, по цвету и форме несколько напоминающими дыню, отчего папайю называют также дынным деревом. У н а б и — тропическое дерево со сладкими ароматными плодами. Унаби называют также конфетным деревом. К а р а м б о л а — тропическое дерево с небольшими и довольно кислыми плодами.

таким своим, таким родным: и маленькая старинная пагода с позеленевшими от мха стенами, и скрипучие ворота, и плодовые деревья, сквозь листву которых пробивались веселые солнечные лучи, и порхавшие с ветки на ветку птички, которые иногда оставляли нам свои «визитные карточки».

Я шагала по дороге, и на душе у меня было легко-легко. Мне хотелось поскорее увидеть милую моему сердцу пагоду. Я думала про себя: «Сначала я полакомлюсь рисом, который сварит добрая настоятельница, потом сорву для Ли несколько спелых плодов папайи и отнесу их ему в больницу. Было бы здорово, если бы в большом кувшине для риса оказались моченые плоды унаби...»

День обещал быть очень знойным. Когда я добралась наконец до пагоды, солнце начало сильно припекать, и моя спина взмокла от пота. Деревянные ворота были распахнуты настежь, однако во дворе никого не было. Я несколько раз позвала настоятельница, но она не откликнулась. Тишину нарушал лишь птичий гомон. Я обошла весь сад, но настоятельница нигде не было, в ее покоях тоже было пусто. Рядом с крыльцом в двух больших плоских корзинах сушилась белоснежная рисовая мука, стоял большой кувшин с бобовым соусом, сверху прикрытый куском марли, на открытой веранде на протянутых веревках сушились связки чеснока. Я не была в пагоде больше трех месяцев с того самого дня, когда загадочно исчез худышка Зунг.

На всякий случай я еще несколько раз позвала настоятельница, но результат был тот же. Отчаявшись ее найти, я подняла кусочек красного кирпича и написала на стене пагоды: «Я не застала вас и осмелилась сорвать без вашего ведома несколько спелых плодов папайи для больного мальчика, моего одноклассника. При случае навещу вас. Ваша Бе».

Мне было известно, что настоятельница знает национальное письмо¹, — стало быть, она прочтет и не будет думать, что плоды папайи украл деревенский мальчонка, который пас неподалеку своих буйволов. Я присмотрела несколько самых спелых плодов на самом старом дереве и полезла за ними. Дерево было высокое, оно тянулось вверх, к солнцу, и ствол у него был совсем гладкий. Только смельчак отважился бы забраться на такое дерево. Я давно не лазала по деревьям, поэтому поначалу меня пробирала дрожь, — так мне было страшно, но, когда я добралась до середины ствола, страх вдруг прошел, я уверенно

---

¹ Имеется в виду латинский алфавит, который пришел во Вьетнам на смену иероглифическому письму, используемому до сих пор буддийским духовенством.

полезла дальше и в конце концов без особого труда сорвала два плода, которые росли на самой верхушке дерева. После этого я стала не спеша спускаться вниз. Едва мои ноги коснулись земли, как я услышала грозный окрик, который раздался у меня над самым ухом:

— Ага, попалась! Я тебе покажу! Ты у меня сейчас узнаешь!

В следующее мгновение кто-то крепко схватил меня за запястья. Это был пожилой мужчина с воспаленными мутными глазами, бритой головой, низким лбом и тяжелой челюстью, придававшей ему свирепый вид.

— Ой, мне больно! — пискнула я в испуге.

— Ты, негодная, никуда от меня не убежишь! Ты попалась на месте преступления! — заорал мужчина и куда-то меня потащил.

Не успела я сообразить, что к чему, как мужчина втолкнул меня в большой полутемный чулан, дав мне такого пинка, что я упала на пол, а сам закрыл снаружи дверь на щеколду. Я знала эту огромную щеколду из железного дерева и пришла в отчаяние...

— Дяденька, послушайте, что я вам скажу! — завопила я. — Вы ведь мне не дали даже слова выговорить. Настоятельница хорошо знает меня, она позволяет мне рвать фрукты, когда я прихожу к ней. Если не верите — прочтите, что я написала на стене пагоды! Дяденька, выпустите меня отсюда!

Мои вопли не возымели никакого действия: мужчина не отзывался.

— Дяденька, прочтите, что я там написала! Дяденька... Дя-я-денька!.. — закричала я истошным голосом и заплакала, но и это не тронуло грозного стража: через крошечное оконце я видела, что он преспокойно уселся возле корзин с мукой, а плоды папайи положил рядом.

Горячие, соленые слезы потекли у меня по щекам, я слизывала их языком и громко всхлипывала, но чудовище в образе пожилого мужчины, видимо, уже забыло о моем существовании. Тогда я заревела во весь голос, но этот истукан оставался глухим к моим жалобам. Я поняла, что слезами этого типа не проймешь, и затихла. Мне стало так тоскливо, так одиноко в полутемном чулане, что я невольно начала думать о маме, о папаше Тхе, который, должно быть, уже начал урок, о своих школьных друзьях, которые в эту минуту сидят в светлом, залитом солнцем классе и слушают папашу Тхе... Никому из них и в голову не придет, что меня заперли одну в чулане. В этой тюрьме сколько ни плачь, все равно тебя не услышат...

Вдруг кто-то цапнул меня за пятку. Я вздрогнула от неожиданности и, к великому своему ужасу, увидела огромную крысу, которая нахально кружила возле меня. Крыса преспокойно пристроилась возле моей пятки, явно собираясь вонзить в нее свои зубы. Я изо всех сил наподдала ее ногой, так что она отскочила в сторону и противно пискнула. Потом крыса шмыгнула в какую-то щель и больше не появлялась, а я, чтобы успокоиться, принялась разглядывать покрытые скользкой плесенью кирпичные стены чулана. Это занятие скоро мне наскучило, я вдруг почувствовала сильную усталость, голова моя стала клониться вниз, и я погрузилась в тревожную дрему. Даже во сне меня преследовал запах прокисшего вина и запах плесени: в этот чулан редко заглядывали. В одном углу были свалены в кучу разные корзинки, в другом углу лежала груда таро¹. Раз в году — это случалось перед главным праздником, когда в пагоде стекалось много народу, — в чулане наводилась чистота, на полу устраивался настил, на нем расстилали циновки. Все это делалось для тех паломников, которым захотелось бы полежать, отдохнуть. А в остальное время это помещение использовалось как чулан. Если бы не шеколда из железного дерева, я бы, конечно, убежала отсюда, но, пока дверь закрыта на шеколду, о побеге нечего было и думать. Я открыла глаза и сообразила, что сижу возле крошечного оконца, обняв руками колени. Тогда я прильнула к этому оконцу, которое было не больше шкатулки для бетеля², и стала с тоской смотреть на ветку гуайявы, усыпанную плодами цвета слоновой кости. Ветка слегка раскачивалась на ветру, залитые солнцем плоды так и просились в рот... «Который сейчас час? — подумала я и сама себе ответила: — Верно, уже часа три, если не больше...» В животе у меня урчало от голода. Чем больше я думала о еде, тем мучительней становилось чувство голода. Меня прошиб холодный пот, перед глазами поплыли круги, в голове появилась страшная тяжесть. Я старалась не думать о еде, но, как назло, перед глазами стояла всякая домашняя еда... Я и теперь отлично помню, какие у меня были любимые блюда в ту далекую пору: жареный окунь, заправленный рыбным соусом, бульон из крабов с таро и всякой зеленью, мясо с мякотью кокосового ореха, рыба под томатным

¹ Таро — многолетнее тропическое растение, его крупные клубни употребляются в пищу.

² Бетель — смесь листьев бетеля (кустарник семейства перечных) с кусочками орешков пальмы-ареки и небольшим количеством извести. Используют как жвачку, очищающую полость рта от микробов и имеющую тонизирующее действие.

соусом, вареные бобы, заправленные соусом из креветок, домашние сласти...

Ах, если бы в моей темнице появилась добрая фея, которая протянула бы мне волшебные палочки для еды! Постучишь легонько палочками — перед тобой появится блюдо с изысканными яствами. Но напрасно я ждала добрую фею: она, как назло, не появлялась. Тогда я стала мечтать уже не об изысканных яствах, а о пиале лапши от толстухи То или, уж совсем на худой конец, о вареных бататах. В животе у меня уже не урчало, а булькало, переливалось и кипело. Но в конце концов мой бедный живот устал протестовать и затих...

Солнце уже село, а я все томила в своей темнице. Злодей, упрятавший меня в чулан, возился во дворе — готовил себе ужин. Через некоторое время до меня дошел аромат сваренного на пару риса, и я с тоской подумала о том, как настоятельница пагоды, бывало, угощала меня великолепно приготовленным рисом. Я закрыла глаза и представила себе простые кушанья, которые готовила для своих маленьких друзей настоятельница, и чуть не взывала от голода. Но, как ни странно, я вдруг ясно осознала, что вполне могу потерпеть еще некоторое время. Я даже стала прислушиваться к звукам, которые издавал мой тюремщик, приступивший к ужину: он чавкал, двигая своей тяжелой челюстью, и чмокал, как свинья у корыта с отрубями. Теперь он мне уже не казался таким страшным, теперь я его не боялась, а презирала. Если он вдруг вздумал бы поделиться со мной своим ужином, я с негодованием отвергла бы эту милость.

На дворе стемнело. Когда холм Донгна погрузился в ночной мрак и в моем пропахшем плесенью чулане тоже стало совершенно темно, в голову полезли жуткие мысли.

Что будет со мною, если этот злодей с тупым лицом вообще забудет о моем существовании? А вдруг настоятельница пагоды так и не появится? Тогда мне суждено просто погибнуть в этом чулане. Полно, возможно ли такое? А почему бы нет?.. Очень даже возможно.

Когда я совсем потеряю силы от голода, из всех щелей вылезут огромные крысы, которые сначала отгрызут у меня пальцы на ногах, потом на руках... В конце концов они доберутся до моего сердца, и не будет больше Ву Тхи Бе, единственной дочери учительницы Хань и любимой ученицы папаши Тхе, той самой Ву Тхи Бе, которая выступала на школьных концертах художественной самодеятельности, как настоящая артистка, которая была лучшей спортсменкой школы и не имела себе равных среди гимнасток, которая... От Ву Тхи

Бе останется только скелет — в точности такой, как в школьном кабинете биологии. Отцу дадут увольнительную, и однажды он появится с рюкзаком за спиной на пороге дома. Еще с порога он спросит: «А где моя маленькая Бе? Почему она не встречается меня? Я привез ей коготь тигра! А еще у меня есть для нее мед и персики из Шапа!» Тут навстречу выйдет рыдающая мама и сообщит отцу страшную новость: «Нашей малышки больше нет! Ее загрызли крысы. От нее остался один скелет, теперь он в школьном кабинете биологии».

От таких мыслей мне стало еще больше жаль себя, и я в отчаянии заплакала. Плакала я довольно долго, а затем заснула. Посреди ночи меня разбудила возня крыс. Чтобы отпугнуть их, я стала махать руками и дрыгать ногами, а потом опять заснула, но скоро снова проснулась от противного писка вконец обнаглевших крыс. По-видимому, это были старые крысы, напугать которых было не так-то просто. Я опять завертелась, и все это продолжалось до самого рассвета. Едва я прислонялась к стене и начинала дремать, как тут же просыпалась, хотя глаза у меня слипались, а голова была словно чугунная. Вдруг сквозь полудрему я услышала, как кто-то отодвигает деревянную щеколду, на которую закрывалась изнутри комнатка рядом с моим чуланом, а вслед за этим послышался кроткий ласковый голос настоятельницы пагоды:

— Помоги-ка мне! Такая тяжелая корзина!

Я окончательно проснулась и стала прислушиваться к звукам снаружи.

— Осторожно! А то бананы помнешь... Дальнюю дорожку я одолела! Ты не забыл покормить моих милых дроздов? — говорила с кем-то настоятельница.

Знакомый мне грубый мужской голос односложно ответил:

— Нет.

— А это ритуальный рис. Пока я его несла, он немного подсох, но, если поддержать его над паром, он станет мягким. Хочешь, отведай прямо сейчас.

Потом настоятельница принялась шумно обмахиваться веером, а старый злой монах начал с громким чавканьем уплетать рис. Некоторое время они оба молчали, потом он без всякого перехода выпалил:

— Я поймал девчонку, она воровала плоды папайн. Я ее запер!

Когда до настоятельницы дошел смысл его слов, она испуганно переспросила:

— Что ты сказал?

— Я сказал, что запер ее.

— О Будда, что за наказание! — запричитала настоятельница. — Для кого мне беречь эти папайи? Ты посмел запереть чужого ребенка? Где эта девочка?

— Тут! — раздался односложный ответ.

Настоятельница кинулась к двери чулана и с грохотом отодвинула щеколду. Я затрепетала от радости, но не сразу пришла в себя после ужасной ночи: из моих глаз хлынули слезы и неудержимым потоком потекли по щекам.

— О Будда! — воскликнула добрая настоятельница, узнав меня. — Это ты, Бе? Бедняжка моя! И давно ты тут сидишь?

От обиды и гнева у меня комок подступил к горлу, я уткнулась лицом в стену и молчала. Тогда настоятельница накинута на старого монаха, который стоял у нее за спиной:

— Посмотри, кого ты запер в темном чулане! Совсем маленькую девчушку! Человек ты или дьявол? Да за такое... За такое тебя надо бросить в котел с кипящим маслом!

От таких слов старик совсем опешил. А настоятельница обняла меня и заплакала.

— Прости меня, моя маленькая! Прости, моя хорошая! — приговаривала она сквозь слезы.

Увидев, что настоятельница очень огорчена, я оттаяла и прижалась к ней.

— Вот беда какая! Ну успокойся, моя детка! — продолжала причитать добрая женщина, утирая слезы платком, выкрашенным в такой же коричневый цвет, как и ее одежда, — она его достала из кармана.

Глядя на нее, я почувствовала, как сердце мое переполняется жалостью к ней. «С какой стати такая хорошая, такая добрая женщина должна жить в храме под одной крышей с тупым, злобным стариком? И почему в нашей жизни столько всяких нелепостей?» — думала я со смятением и изумлением. Мне, наивной девчонке, было трудно это понять.

Потом настоятельница стала угощать меня рисом и бананами. Сначала я отнекивалась и только после долгих уговоров съела немного рису и банан, чтобы не огорчить настоятельница. Пока я ела, она завернула для меня в цветной целлофан рис и бананы, уложила свертки в маленькую корзинку и вместе со мною отправилась в путь. Она не давала мне нести легкую корзинку и проводила до самых ворот больницы.

Там меня ждали мама и папаша Тхе, они сидели в комнате дежурного. Оба очень переволновались из-за меня и кинулись наперебой расспрашивать, где я пропадала целую ночь. Мне пришлось рассказать им о моих невеселых приключениях в пагоде Донгна, а потом я заглянула в палату к Ли. Мальчик

с жадностью съел весь рис, который я принесла. Заморив червячка, он заметно оживился и повеселел. Я пообещала ему, что буду его навещать, и мы с мамой отправились домой.

НЕЖДАНАЯ БЕДА

Вечером к нам пришла толстушка Лоан. Против обыкновения, вид у нее был хмурый. Новость, которую она сообщила, и в самом деле была невеселой.

— Мама согласилась продать дом — так хочет капрал Кан, — печально сказала Лоан.

Не зная, чем утешить подругу, я не придумала ничего другого, как пойти с ней погулять по городу. Мы купили тыквенных семечек и цукатов из лакрицы, но от этого нам не стало легче: мы бесцельно бродили по улицам и молча грызли семечки. Около дома великовозрастной Бой наше внимание снова привлекли две темные фигуры под тем же большим деревом с густой кроной.

— Уважаемый учитель, — узнали мы голос Бой.

— Сколько раз я тебе говорил: зови меня просто Жа.

— Уважаемый учитель, мне нельзя...

— Ну почему ты такая боязливая? Девушка в твоём возрасте должна вести себя посмелее!.. Какие у тебя великолепные волосы! Прямо как у Фатимы...

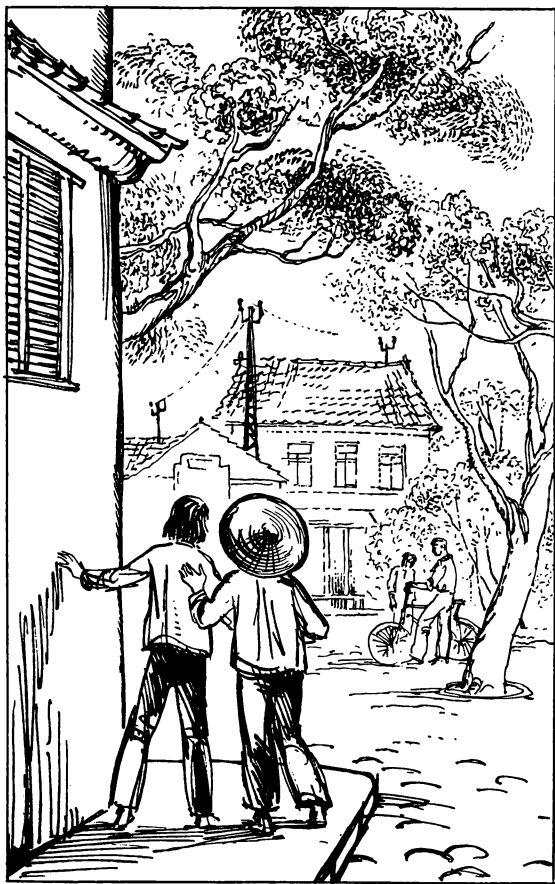
— Что вы, уважаемый учитель...

— И руки у тебя красивые... Только отчего указательный палец такой шершавый?

— Это от иглки. Мама берет заказы, а я вышиваю.

— Ах, бедный пальчик! Весь исколот! Да уж ладно... За руки тебе полагается четыре балла, за волосы пять, за фигуру — пять с плюсом, за глазки — пять с минусом, за губки...

Тут в окне дома показалась голова отца Бой. Он небрежно выплеснул из стакана недопитое вино, чуть не облив им свою дочь. Учитель Жа вынужден был прервать свои словоизлияния, а мы с Лоан легонько ушипнули друг друга и попятились назад. Но, как назло, учитель вдруг повернулся в нашу сторону и увидел нас. От неожиданности глаза у него полезли на лоб, но в следующую минуту лицо перекосилось от гнева. Насмерть перепуганные, мы словно приросли к земле, а когда пришли в себя, то не придумали ничего лучшего, как пробормотать: «Добрый вечер, учитель...» И, что еще хуже, тут же пустились наутек. Пока мы стояли как вкопанные, учитель Жа сверлил нас глазами, в которых мы прочли угрозу: «Ах, так? Вы обе

обнаглели до такой степени, что решили выследить меня? Хорошо, я вам покажу!..»

Если бы это было плодом нашей фантазии! Но, к нашему ужасу, глаза Жа в тот момент действительно налились такой злобой, что нам стало жутко. С той самой минуты в моей душе поселился страх, он парализовал меня, не давал мне свободно дышать. Когда мы подошли к моему дому, Лоан потянула меня за рукав:

— Что теперь будет? Мы пропали...— сказала она замогильным голосом.

Я приняла независимый вид.

— Чего нам бояться? В чем мы провинились?

Лоан печально покачала головой:

— Даже если ни в чем не виноваты, все равно пропали! Теперь он нас и вовсе возненавидит.

Я прикрикнула на Лоан:

— Да будет тебе! Ничего не бойся!..

Лоан умолкла, вид у нее был совсем сникший.

Ночью я увидела страшный сон. Мне приснилось, будто я стою на дне моря, крепко привязанная к подводной скале. Веревки больно впились в мои руки и ноги, но выпутаться из них невозможно. Вода вокруг меня прозрачная, холодная, у меня даже кости заломило. А навстречу мне медленно плывет огромная рыба. Между двумя рядами острых-преострых белых зубов — жадная рыба глотка, похожая на темную пещеру в скале. Она медленно надвигается на меня...

Утром я проснулась поздно, вялая и расслабленная от кошмарного сна. Позавтракать не успела, помчалась в школу натошак. Первой была физкультура — урок, который мы раньше так любили и который теперь внушал нам панический страх.

Когда я пришла на спортивную площадку, Журавль подбежал ко мне и зашептал в ухо: «Будь начеку! Сегодня у этого Жа зверское лицо. Он орал сейчас на старосту. Велел приготовиться к бегу на сто и двести метров».

Я промолчала, но сердце у меня так и екнуло. По программе сегодня у нас должны были быть гимнастические упражнения на коне, но Жа почему-то заменил их бегом. Он вышел со свистком, засвистел — и мы выстроились перед ним в две шеренги.

— Разминка! Бег по кругу! — скомандовал Жа.

На этот раз он уже не читал нудных наставлений, а только резким голосом бросал короткие команды.

Мы начали бег по кругу, Жа отошел в сторону и наблюдал за нами, заложив руки за спину. Глаза у него были злые-

презлые. Ничего хорошего это не предвещало. Великовозрастная Бой бежала, низко опустив голову. Толстушка Лоан мне показалась очень бледной: в лице у нее не было ни кровинки. Я бежала и про себя считала до ста, чтобы успокоиться.

— Выходите на беговую дорожку! — неожиданно заорал Жа, затем повернулся и быстро пошел впереди, на ходу извлекая из кармана брюк хронометр.

Сзади мы наблюдали, как тряслись при ходьбе его телеса.

На посыпанной мелким песком беговой дорожке были проведены известью стартовые линии. Один ученик, ассистент учителя физкультуры, поставил стартовые тумбочки. Дежурный протянул учителю классный журнал. Жа открыл его, пробежал глазами список учеников и ткнул своим толстым пальцем туда, где стояла моя фамилия.

— Ву Тхи Бе! — громко прочитал он.

Я привыкла, что моя фамилия всегда значилась первой в списке победителей спортивных состязаний, и не удивлялась, если меня называли первой, но на этот раз мое сердце заколотилось от испуга. Я встала на старт и почувствовала, что меня бросило в жар. Жа вызвал еще нескольких учеников и учениц: Нгуен Суан Бао, Фам Ты Бинь, Кханг Куок Бинь, Чан Тхе Бинь.

Мы пятеро приготовились к старту, а остальные растерянно смотрели на нас: дело в том, что раньше девочки и мальчики выходили на старт раздельно... Ведь нормы для девочек были ниже, чем для мальчиков. Но ни у кого не хватило духу вступить в спор с учителем.

— Приготовиться! Ста-а-арт! — скомандовал Жа и одновременно взмахнул флажком.

Мы дружно взяли старт, но тут же услышали за спиной резкий окрик:

— Назад! Фальстарт.

Каждый из нас снова вернулся к стартовой линии и точно по инструкции наклонил туловище вперед, изготовившись к бегу.

— Старт! Опять нарушили... Во второй раз возвращаю вас назад! — крикнул Жа.

Тяжело дыша, все пятеро вернулись на линию. В момент старта, не сговариваясь, мы строго следили друг за другом и знали: никаких нарушений не было, но Жа со строгим видом постучал ногтем по хронометру и снова закричал:

— Я засекаю время. Приготовиться! Ста-а-арт!

Взмах флажка — и мы снова срываемся с места. На этот раз нас не останавливают, и мы устремляемся к финишу.

Председатель совета отряда, у которого были ручные часы, радостно закричал:

— Молодцы! Все пришли минимум на полторы секунды раньше нормы!

Пробежав дистанцию наравне с мальчиками, я очень устала и никак не могла перевести дух. Пот с меня катился градом. И вдруг я услышала полный злорадства голос Жа:

— Ву Тхи Бе! У вас опять фальстарт... Повторить!

Я сначала оторопела, потом почувствовала странную легкость во всем теле. Все замерли и стали с любопытством ждать, что будет дальше.

— Объясните, уважаемый учитель, в чем моя ошибка! — сказала я.

— Вы неправильно поставили ногу на стартовую тумбочку. Не под тем углом... — невозмутимо ответил Жа.

Моим товарищам стало до того стыдно за него, что они смущенно отводили глаза: теперь каждому было ясно, что учитель попросту придирается ко мне, он решил поиздеваться надо мной. Я это тоже отлично поняла и одновременно почувствовала, что больше не боюсь Жа. Я стиснула зубы и заняла стартовую позицию, уверенная в том, что не сделаю ни одного неверного движения.

— Старт! — скомандовал Жа, взмахнув флажком.

Я рванулась вперед, но за спиной уже раздался грубый окрик:

— Назад! Не умеете держать стартовую позицию. Повторить! — скомандовал Жа, выделяя каждое слово.

Я вернулась назад, стараясь не видеть багрового, жирного лица Жа.

— Приготовиться! Старт! — услышала я и, словно по инерции, рванулась вперед, обливаясь потом.

Мое тело напряглось, как пружина, а глаза стали безразличны ко всему на свете: к красному стартовому флажку, к растерянному моргавшим глазам Бой, к слезинкам, катившимся по щекам Лоан. Все вокруг словно исчезло в тумане. Не помню, как я после урока физкультуры добралась до своего класса. Помню только, как уронила голову на парту и почувствовала, что меня сильно лихорадит.

Вся эта история сразу же стала известна папаше Тхе. Непонятно только, кто ему об этом сказал. Папаша Тхе сам проводил меня домой.

— Вот тебе лекарство, прими его, чтобы поскорее поправиться. Сейчас нельзя пропускать уроки — экзамены на носу! — озабоченно сказал папаша Тхе. Вид у него был невеселый.

Я с головой накрылась одеялом: меня знобило, будто в доме было холодно, как в зимнюю пору. Потом я забылась тяжелым сном, а папаша Тхе уехал на своем велосипеде. Некоторое время я еще слышала сквозь сон, как постепенно затихает знакомое дребезжание. Это дребезжал треснувший посередине щиток у велосипеда папаши Тхе. Помню, как-то раз я даже сказала ему: «Ваш велосипед все равно что старуха со сломанным зубом». Папаша Тхе улыбнулся своей доброй улыбкой и сокрушенно проговорил: «Да и сам я уже не юноша, а старик со сломанным зубом». — «Ой, у вас и правда зуб сломан!» — не удержалась я.

Проболев пять дней, я в первый раз отправилась в школу во вторник. Друзья встретили меня радостными возгласами. Никто из них ни словом не обмолвился о том, что произошло на уроке физкультуры, потому что меня никто не хотел расстраивать. Но на первой же перемене Журавль вытащил меня в коридор и сказал на ухо:

— Я вчера видел, как Жа повел скромницу Бой в парк.

Бой стояла неподалеку. Я посмотрела в ее сторону и встретила с ее смущенным взглядом.

— Держи язык за зубами! — сказала я Журавлю. — Если об этом кто-нибудь узнает, ей придется так же несладко, как и мне.

Журавль сразу притих.

Ли тоже уже поправился и пришел в школу. Он принес мне огромный пирог с фасолью. К нему приезжала тетя, родная сестра его покойной матери, она-то и приготовила пироги. Потянулась вереница школьных будней. Я старательно переписывала пропущенные уроки — мне хотелось поскорее догнать класс, поэтому в те дни я забыла обо всем на свете, кроме уроков. В субботу у нас неожиданно пропал урок папаши Тхе. Как выяснилось, папаша Тхе получил телеграмму, что у него тяжело заболела мать. Он тут же собрался и уехал. Папашу Тхе никто не заменял, поэтому весь класс веселой гурьбой отправился на футбольное поле. Я еще не совсем оправилась от болезни и не пошла. Побродив по школьному двору, я оказалась в конце концов около резервуара для сбора дождевой воды и забралась на его крышку. Да, совсем забыла сказать, что наша школа стояла на невысоком холме. Это было двухэтажное здание, к которому примыкал огромный, сделанный из бетона резервуар для сбора дождевой воды. Этот резервуар был зарыт в землю, над землей, примерно на полметра, выступала лишь верхняя часть его толстых стенок. Крышка у резервуара тоже была очень прочная. Когда шли дожди, вода

шумным потоком стекала с крыши в резервуар по двум водосточным трубам. Когда же в резервуаре не было воды, нам нравилось громко кричать в него, чтобы услышать в ответ глухое эхо. Эхо звучало так жутко, будто на наши крики отзывался дьявол из преисподней. Сейчас резервуар был почти наполовину заполнен водой, поэтому сторож тщательно закрывал крышку — обе ее половинки. Нам почему-то нравилось прыгать на этих крышках и играть в классы. От резервуара шла тропинка к уборной. По обеим сторонам тропинки росли плакучие ивы, они склоняли свои зеленые ветви до самой земли. Забравшись на крышку резервуара, я взглянула на тропинку, спрятавшуюся под плакучими ивами, и вдруг увидела мужчину в белом костюме, который явно направлялся в уборную. Меня так и бросило в жар: я вспомнила тот злополучный урок физкультуры, и беговую дорожку с белыми стартовыми линиями, и стартовые тумбочки, и даже флажок, которым Жа размахивал перед моим носом. И тут мне в голову пришла дикая идея. Я огляделась по сторонам: ни души. Класс еще не скоро вернется с футбольного поля. Никто, кроме меня, не знает, куда исчез этот всем ненавистный Жа. Только я одна видела, куда он пошел. Надо сказать, что школьная уборная представляла собой довольно солидную кирпичную постройку с четырьмя кабинками. Я кинулась к навесу из жести, под которым были свалены в кучу поломанные школьные стулья, схватила массивный стул без ножки и поволокла его к уборной. В считанные секунды я подперла стулом плотно закрытую дверь кабинки, в которую вошел Жа, стул уперся в щит перед уборной, так что открыть дверь изнутри было невозможно, а повалить тяжелый щит — дело нелегкое даже для двух сильных мужчин.

Потом я вернулась в класс, взяла портфель и пошла домой. Когда я проходила мимо футбольного поля, подруги окликнули меня:

— Бе, ты чего так рано собралась домой? Иди сюда, посмотри, как наши мальчишки играют в футбол.

— Мне нездоровится. Проводите меня, ладно? — ответила я.

Несколько девочек подбежали ко мне, за ними потянулись другие, после чего мальчишки бросили играть в футбол и ушли с футбольного поля.

После обеда я сразу отправилась к Лоан. Она с порога сообщила мне новость:

— Завтра мама и капрал Кан играют свадьбу.

Мне стало очень жаль мою Лоан. Если бы ее мама вышла замуж за хорошего человека, то Лоан стала бы называть его

отцом. Но назвать отцом такого типа, как капрал Кан, она никогда не сможет. С этим капралом мама Лоан еще натерпится... Неожиданно для самой себя я предложила:

— Давай отправимся на наш остров!

Лоан покорно кивнула головой. Сейчас она пошла бы куда угодно, лишь бы не видеть рядом с матерью капрала Кана, который беспрестанно смеялся своим недобрым смехом, открывая рот, полный золотых зубов.

Когда мы с Лоан спустились к реке, то увидели, что лодка тетушки Ан Лак привязана все к тому же колышку на том же самом месте. В лодке мы увидели еще не успевшие засохнуть водоросли и немного японской ряски. Значит, тетушка Ан Лак уже набрала корма для своих свиней и мы с Лоан можем спокойно попользоваться ее суденышком. Пока Лоан устранивалась поудобнее, я оттолкнула лодку от берега, потом сама прыгнула в нее и взялась за весла. По воде скользили ласковые лучи предвечернего солнца, под веслами искрились и переливались водяные брызги. Небосклон на западе едва окрасился в багровый цвет, но жара уже спала, к тому же со стороны лotosового озера на противоположном берегу реки дул прохладный ветерок, он приносил с собой тонкое благоухание лотосов.

У меня вдруг стало легко на душе.

— Вот это красота! — невольно вырвалось у меня.

И в ответ услышала — Лоан отозвалась с тяжким вздохом:

— А мне все на свете опротивело. Завтра мы с мамой перебираемся в дом к капралу Кану.

У меня совсем вылетело из головы, что завтра у тети Лыу и капрала Кана свадьба. В доме тети Лыу поселится новый хозяин, а она с дочерью переедет к капралу: в его доме целых шесть комнат. Скорее всего тетя Лыу и Лоан будут жить в средней комнате на нижнем этаже — эту комнату капрал Кан велел побелить и вообще привести в порядок, для чего даже нанял человека. Жители нашего городка были уверены, что отвратительные сыновья капрала ни за что не пустят тетю Лыу и Лоан наверх. Все уже месяц следили за развитием событий и ждали развязки, всем было интересно, как поведет себя капрал Кан, когда приберет к рукам денежки, вырученные от продажи дома тети Лыу.

— Ну что ты так расстраиваешься? Если этот капрал станет тебя доводить, ты всегда сможешь перебраться ко мне, — попыталась я утешить подругу.

Лоан молчала, задумчиво уставившись на воду, плескавшуюся за бортом.

Ступив на наш остров, мы первым делом проверили, целы ли наши сокровища. Все было в полном порядке, разве что бататы пустили ростки. Опасаясь, что они совсем испортятся, мы решили отнести их домой и перетащили в лодку. Прежде чем пуститься в обратный путь, я предложила Лоан навестить нашего знакомого маленького рыбака, но Лоан решительно отказалась. Мы вернулись в город, когда на небосклоне уже сияла Венера. Закат позолотил деревья фыонгви, издали казалось, что они припудрены золотистой пылью. На улицах резвились и громко перекликались ребяташки, степенно прохаживались старики, вышедшие на вечернюю прогулку.

У меня дома мы с Лоан поужинали и вместе улеглись спать. Утром моя мама разбудила нас:

— Как бы там ни было, у твоей мамы, Лоан, сегодня праздник, так что собирайся домой. А ты, Бе, отнесешь тете Лыу подарок от меня и извинишься перед нею от моего имени. Скажи ей, что я не смогу быть у нее на свадьбе, у меня дел непроворот.

Мама протянула мне шелковый отрез, завернутый в тонкую бумагу, и мы с Лоан вышли из дому. Не буду описывать странную свадьбу, на которую я попала. Что это за свадьба, если невеста выходит к гостям, принужденно улыбаясь, а потом уходит к себе в комнату и там рыдает, как на похоронах! С лица же капрала Кана не сходит нехорошая ухмылочка, иногда он начинает деланно хихикать, демонстрируя гостям свои золотые зубы. Едва мы с Лоан появились, как тетя Лыу увела нас от гостей в свою комнату. Держа в одной руке подарок моей мамы, она обняла другой рукой свою дочь и заплакала, как обиженный ребенок, роняя слезы на голову своей Лоан, которая тоже громко всхлипывала. В конце концов и я не выдержала и разревелась. Подружки невесты позвали тетю Лыу, она вытерла слезы и пошла к гостям, а мы с Лоан опять отправились ко мне, где нас ждал приготовленный мамой обед. Вот такая была свадьба у тети Лыу.

В понедельник мы с Лоан вместе отправились в школу. По дороге я вспомнила о Жа и о своей проделке, сердце у меня екнуло от страха, но к страху примешивалось и чувство удовлетворения. Зайдя в класс, я стала прислушиваться к болтовне моих одноклассников: интересно, дошла ли до них новость о том, что в субботу кто-то запер учителя Жа в туалете?

Оказалось, что новость уже многим известна, а через полчаса об этом говорила уже вся школа. Ученики младших классов испуганно перешептывались. Ученики девятых и десятых классов громко хохотали, не скрывая своего восторга.

— Вот смех! — услышала я на переменке. — Надо же такое придумать! Беда в том, что у этого Жа на редкость мстительный нрав. Слыхали, как он расправился с Ситом из девятого «Б»?

— Что-то слыхали... Расскажи!

— Этот Сит никогда не был тихоней, но учителям не грубил. Во всей истории хуже всех выглядит Жа, учителю не пристало так себя вести. На прошлой неделе их класс на уроке физкультуры отрабатывал прыжки через коня, и Жа оказывал «любезности» одной девчонке. Ее зовут Бить. Сит громко расхохотался, а Жа затаил неприязнь к парню. На следующем уроке он выместил на нем свою злобу: заставил Сита почти пол-урока прыгать через коня под палящим солнцем. Сит не из тех, кто оставит обидчика в покое. Очень даже может быть, что это он проучил Жа...

Вот какие разговоры велись на переменах в школьных коридорах. Все были необычайно возбуждены и наперебой высказывали свои версии. Я вернулась в класс и уселась за свою парту. Около меня тут же оказался Журавль.

— Послушай, Бе, ты знаешь Сита? — спросил он.

— Вроде знаю...

— У него совсем убитый вид. А вдруг его выгонят из школы?

— Как знать... — сказала я с безучастным видом, хотя меня бросило в жар: дело принимало неожиданный оборот. Кто бы мог подумать, что за мой проступок, возможно, придется очень дорого заплатить другому? Без вины виноватому... Теперь меня мучил не страх, а стыд. Мне стало совестно, потому что я была похожа на воришку, который залез в чужой карман и не попался, а теперь молча наблюдает, как на другого по ошибке надели наручники, чтобы препроводить в тюрьму.

Раздался барабанный бой: закончился пятый урок. Из классов шумными стайками выбегали ученики. Я смешалась с веселой толпой, на душе у меня было тошно, лоб покрылся испариной. Проходя мимо учительской, я задержалась у неплотно прикрытой двери и заглянула в щелку. В просторной комнате с широко распахнутыми окнами я увидела директора. Она сидела за столом, на котором стоял глобус, а напротив стоял ученик в синих брюках и белой рубашке. Он что-то объяснял, вытирая при этом слезы рукавом. За стеклами очков у директора холодно поблескивали глаза. А парень был бледен как смерть.

«Это Сит, — подумала я. — Его накажут, хотя он ни в чем не виноват. Надо набраться мужества, войти туда и во всем признаться». Я взялась за ручку двери, но тут за моей спиной раздался голосок толстушки Лоан:

— Послушай, Бе! Почему ты не дождалась меня? И зачем ты бродишь здесь одна... как привидение?

Ничего не ответив, я быстро пошла домой.

После обеда мне потребовалось немало усилий, чтобы сосредоточиться и сесть за уроки, я с трудом улавливала смысл прочитанного и ничего не могла запомнить. С грехом пополам покончив с уроками, я уселась у окна и стала рассеянно смотреть на прохожих. В углу окна сплел паутину большущий паук, но мне было не до него. У меня перед глазами стояло бледное заплаканное лицо ученика, который стоял напротив директора. Он, наверное, сейчас сочиняет объяснительную записку. Бедняга понятия не имеет о том, кто виновник этой истории, но директриса, конечно, припрет его к стенке и заставит признаться. Вся наша школа до сих пор помнит, как обошлась она в прошлом году с Дао Ка.

Дао Ка учился тогда в восьмом «Г». Его мать, худая, изможденная женщина, торговала на рынке нитками и иголками и прочей мелочью, а отец плотничал, но весь свой заработок пропивал, а в семье было шестеро едоков. Дао Ка немного прирабатывал тем, что продавал конфеты из жженого сахара. У парня всегда был понурый, озабоченный вид. Однажды в школе пропало пять кило сахара, купленного накануне школьного вечера, по случаю конкурса участников художественной самодеятельности. Кому-то пришло в голову, что сахар украл Дао Ка, потому что он живет в нужде и к тому же сахар позарез необходим ему, чтобы варить конфеты. Слухи дошли до ушей директора. Надо сказать, что она слыла человеком с железным характером. Она решила, что не оставит Дао Ка в покое до тех пор, пока тот не признает свою вину. И вот парень начал писать бесконечные объяснительные записки и совсем запутался: то он полностью отрицал свою вину, то признавал ее и при этом подробно описывал, каким образом ему удалось украсть этот сахар, в какое время он совершил кражу и т. д. и т. п. За те три недели, что он писал и переписывал объяснительные записки, Дао Ка отупел и стал походить на душевнобольного. Поскольку парень признал свою вину, он понес сравнительно легкое наказание: получил выговор с занесением в личное дело и был оставлен на второй год. Но после всей этой истории Дао Ка потерял всякий интерес к учебе, стал злостным прогульщиком и еще больше отупел. А через некоторое время в школу пришел милиционер и сообщил, что воришку нашли. Им оказался взрослый сын школьного сторожа. Этот двадцатипятилетний увалень был каменотесом — делал могильные плиты. Каменотес он был никудышный, зато набил

руку на мелких кражах и в конце концов оказался на подозрении у милиции. Когда его поймали с поличным на другой краже и приперли к стенке, он во всем сознался.

А беднягу Дао Ка все жалели, все чувствовали себя перед ним неловко, впрочем, все, кроме директора. Эту женщину со строгим холодным взглядом вообще невозможно ничем пронять. Посмотрели бы вы на ее лицо: оно словно высечено из камня. Я вдруг подумала, что властолюбивые женщины куда опаснее властолюбивых мужчин. Лично у меня при встрече с директрисой душа уходила в пятки: я всегда инстинктивно чувствовала, что от этой женщины нельзя ждать ничего хорошего. И, как выяснилось, я не ошиблась.

Впрочем, пора вернуться к моей собственной истории. Мысль о том, что Сит из-за меня попал в беду и может понести незаслуженное наказание, не выходила у меня из головы, меня мучили угрызения совести. Директор вынудит Сита признать свою вину, она заставит его написать пятьсот объяснительных записок и в конце концов добьется своего. А кто протянет руку помощи Ситу, кто снимет с него необоснованные подозрения? Это должна сделать я. Только я одна должна понести наказание.

Все это так, но у меня кровь леденеет в жилах, стоит лишь мне представить грозный директорский взгляд. От этой женщины нельзя ждать пощады: она живет на свете лишь для того, чтобы карать. В этом она нашла свое призвание, так говорят о ней ученики десятых классов. Как только я сознаюсь, меня тут же выгонят из школы. Что будет с мамой? Подумать только: дочь учительницы Хань исключена из школы! Что скажет мама своим коллегам?..

А что будет с матерью Сита, если ее сына выгонят из школы? Она этого не переживет. Худая как щепка, она целыми днями вяжет, сидя возле застекленного шкафчика с мотками шерсти. У нее болезненно-бледная кожа в голубых прожилках. Овдовев в тридцать лет, она одна растила своего Сита, а лет шесть-семь назад у нее обнаружилась тяжелая болезнь сердца. Разве можно обрекать на страдания эту болезненную женщину?

Правда, Сит самый обыкновенный ученик, а я... я совсем другое дело. Меня знает вся школа. Отличница, звезда школьного театра, лучшая гимнастка школы — вот кто такая я. И к тому же привыкла к славе и почестям... И все это рухнет, как только я предстану перед ней. Ее приговор будет суров...

От этих мыслей голова пошла у меня кругом. Я не выдержала и выскочила на улицу.

Было около четырех часов, солнце светило не очень ярко.

По дороге двигался целый обоз конских упряжек. Мерно позванивали бубенчики. Усталые, запыленные лошади встряхивали гривами — то ли безучастно, то ли игриво. Целая ватага детей с восторженными криками бежала за ними до самого перекрестка. «Я подставила под удар другого и все ищу себе оправданий», — подумала я, повернулась и пошла домой. На встречу мне попала Лоан — она шла ко мне.

— Тебе нездоровится? Ты ужасно бледная! — всполошилась Лоан.

Я нехотя ответила:

— У меня что-то кружится голова...

— Сразу видно, что ты больна. Наверно, простудилась. В этом году что-то творится с погодой, оттого старики и дети без конца болеют.

Лоан уложила меня в постель и натерла мазью от простуды. Я не сопротивлялась, потому что и в самом деле чувствовала себя совершенно разбитой. Ухаживая за мной, Лоан как бы невзначай обронила:

— Мне только что встретился этот Жа.

— Где?

— В харчевне, где готовят лапшу. Какая у этого Жа откормленная морда! Я так перепугалась, что пулей вылетела из харчевни и потащилась со своей миской на рынок. Вместо лапши принесла матери кашу с требухой.

— А чего ты испугалась?

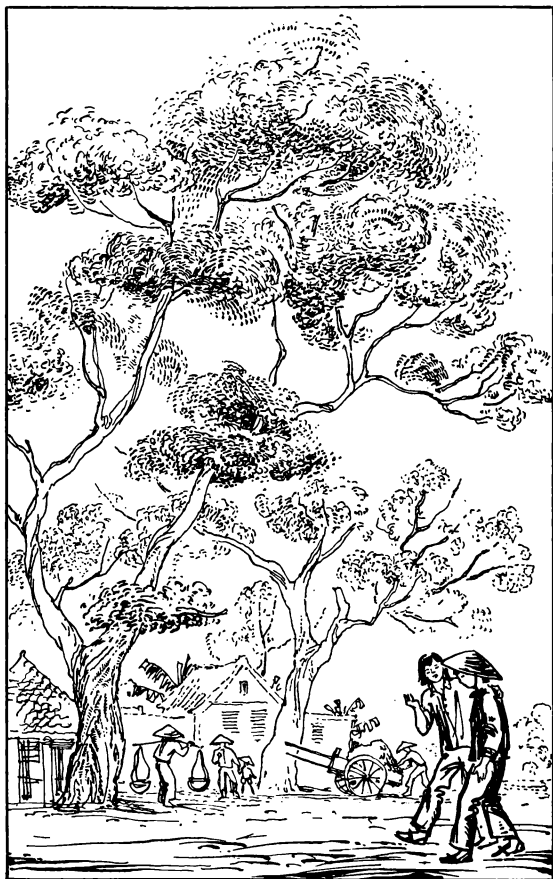
— Наш вездесущий Журавль сказал, что этот Жа заявил на педсовете, что не будет вести занятий до тех пор, пока не найдут хулигана, который запер его в уборной.

— Подумаешь! Подыщут другого учителя физкультуры. Эка невидаль...

— Как бы не так! Ведь Жа — брат мужа нашей директорши, понятно? Родственник у нашего Журавля работает в облоно. Он-то и сказал Журавлю, что этому Жа пришлось распрощаться с институтом, где он раньше работал, после того, как ему закатали там выговор. Его должны были загнать на границу — в Лаокай, но наша директорша сумела устроить его к себе в школу. Видно, имеет большие связи. Директора других школ ее побаиваются и не хотят с нею ссориться.

Я промолчала, а про себя подумала, что все равно не изменю своего решения, даже если на мою голову обрушатся самые страшные кары.

Утром я отправилась в школу. Там меня ждала хорошая новость: вернулся папаша Тхе. Он угощал нас мандаринами и бататами, сваренными в мундире, которые привез из деревни.

Обступив папашу Тхе тесной толпой, мы засыпали его вопросами:

— Ваша мама поправилась?

— Поправилась, все хорошо. А была очень плоха. Ее спасли иглоукалыванием. И еще она пила настои из трав. А как вы тут без меня? Не проказничали? Все живы-здоровы?

— А яблоки у вас в саду уродились? Почему вы нам не привезли для пробы?

Папаша Тхе с довольной улыбкой отвечал на вопросы своих питомцев. Потом он вдруг всмотрелся в мое лицо и с недоумением спросил:

— У тебя, Бе, что-нибудь случилось? Почему ты как в воду опущенная?

Лоан быстро ответила за меня:

— Ей нездоровится со вчерашнего дня.

Папаша Тхе приложил к моему лбу свою грубую крестьянскую руку.

— У тебя немного горячий лоб. Ты лечишься? Принимаешь лекарство? — озабоченно спросил он, заглядывая мне в глаза.

Такая у него была манера — заглядывать нам в глаза. Сердечности и надежности ему было не занимать. Я подумала про себя: такому человеку, как папаша Тхе, язык не повернется сказать неправду, на это может решиться разве только отпетая дрянь. Я поежилась, будто на меня вдруг повеяло ледяным ветром, потом собрала все свое мужество, посмотрела папаше Тхе прямо в глаза и сказала:

— Я расскажу вам... Потом...

Мой классный руководитель, по-видимому, сразу догадался, что мне очень надо с ним поговорить. Он перестал улыбаться, взял меня за руку, и мы пошли к нему. Мои одноклассники разинули рты от удивления и молча смотрели нам вслед.

Едва папаша Тхе открыл дверь своей комнаты и усадил меня на стул, я разрыдалась. Долго сдерживаемые слезы полились из моих глаз неудержимым потоком. Рыдания ослабляли мое тело и туманили сознание. Я билась в истерике, как несправедливо наказанный ребенок, который впал в беспамятство и уже не видит ничего вокруг. У меня осип голос и распухли глаза, а ладони, которыми я закрывала лицо, и рукава кофты стали мокры от слез. Так я, пожалуй, не плакала никогда в жизни. В конце концов слезы иссякли. Я почувствовала страшную усталость и незаметно для себя заснула, а когда проснулась, то обнаружила, что папаша Тхе уложил меня на кровать и я укрыта до самого подбородка тонким цветным одеялом. На другой кровати громко храпел

учитель математики Бать. А папаша Тхе сидел за столом и проверял тетради. На краю стола стояла кастрюлька с едой. Увидев, что я зашевелилась и собираюсь встать, папаша Тхе сказал дружелюбно:

— Пойди умойся да присаживайся за еду, а то совсем сил не останется.

— Хорошо,— покорно ответила я.

Но есть мне не хотелось. Я подумала, что мама, наверное, уже пришла с работы. Если я приходила домой позже обычного, она оставляла для меня еду.

Папаша Тхе напоил меня сладким горячим чаем, потом отложил в сторону стопку тетрадей и уселся напротив.

— Во сне ты разговаривала... Похоже, бредила... Пришлось положить тебе на лоб мокрое полотенце. Ну, а теперь рассказывай, что с тобой приключилось.

Я начала рассказывать обо всем по порядку: как мы с Лоан нечаянно налетели на этого Жа в тот момент, когда он приставал к Бой, как он потом всласть поиздевался надо мной на уроке физкультуры, заставив бегать до полного изнеможения, и, наконец, о том, как в прошлую субботу я, не помня себя, совершила этот дурацкий поступок.

Выслушав меня до конца, папаша Тхе поднялся и сказал:

— Первым делом нам надо снять вину с бедного Сита. Идем! Как действовать — решим потом. Что-нибудь придумаем.

Мы пошли прямо к директору и застали в директорском кабинете Сита. Он сидел за столом и что-то писал на листе бумаги. Вид у него был совершенно подавленный и жалкий. На виске у бедняги билась голубая жилка. Директор восседала в кресле за столом, делая какие-то пометки в толстой записной книжке в кожаном переплете. Стояла такая тишина, что было слышно, как точит ножку стола жук-древоточец. Когда мы с папашей Тхе появились на пороге, директор произнесла, не поднимая головы:

— Что там у вас?

— Я к вам по личному вопросу,— ответил папаша Тхе.

Она вскинула на папашу Тхе свои холодные глаза, от одного взгляда которых у меня все оборвалось внутри. Папаша Тхе заметил это и, повернувшись, бросил мне:

— А ты пока погуляй во дворе. Мы тебя позovem.

Я вежливо поклонилась, вышла во двор и уселась под деревом фыонгви. Минут через пять появился Сит. Он робко подошел и недоверчиво спросил:

— Выходит, это ты заперла физкультурника Жа?

Я молча кивнула в ответ.

Сит потоптался возле меня, вид у него по-прежнему был испуганный, потом тяжело вздохнул, что-то соображая. Потом он набрался решимости.

— Послушай,— сказал он,— можно тебя спросить?

— О чем?

Сит несмело присел рядом со мной:

— Ты отчаянная девчонка. Как ты на такое решилась? А если вдруг тебя выгонят из школы? Неужели ты не боишься?

— Боюсь, да еще как!

— Тогда зачем же ты призналась?

— Не хочу, чтобы из школы выгнали тебя. Ведь твоя мама не перенесет такого горя.

Некоторое время Сит молчал, потом еле слышно проговорил:

— Спасибо тебе...

— Что ты! За что же меня благодарить?

— А может, мы вместе придумаем какой-нибудь выход...— предложил Сит нерешительно.

— Не надо ничего придумывать. Я натворила дел, мне и отвечать.

— А знаешь какой у нее скверный характер? Ты, наверно, не знаешь, что физкультурник Жа приходится ей родственником?

— Раньше не знала, а теперь знаю.

Сит перешел на шепот:

— А ты знаешь, как она изводит допросами? Жилы все вытянет! Меня, пожалуй, хватило бы на неделю, не больше, а после я просто бы отдал концы.

— Допросов мне бояться незачем: я ведь уже созналась.

Сит сочувственно взглянул на меня и страдальчески вздохнул:

— Хоть ты и сама созналась, тебя все равно исключат из школы. Выгонят! И на этой же неделе. Она с тобой церемониться не станет.

— Будь что будет,— ответила я и отвернулась от Сита: мне не хотелось, чтобы он увидел мои слезы.

Сит это понял и отошел в сторону. Некоторое время он с растерянным видом прохаживался поодаль, потом попрощался и ушел.

Примерно через полчаса меня окликнул папаша Тхе:

— Пойди и расскажи обо всем директору.

В кабинете директора папаша Тхе сел рядом со мной и, чтобы подбодрить, положил мне на плечо руку. У меня хватило самообладания на то, чтобы вразумительно объяснить, какие обстоятельства толкнули меня на неразумный поступок. Ди-

ректор слушала, стуча карандашом по столу. Когда я кончила говорить, мне приказали выйти.

Я вышла, а папаша Тхе остался. Он беседовал с директоршей до наступления темноты. Уже выпала вечерняя роса, уже вечерняя дымка окутала окрестные поля, а папаша Тхе все не появлялся. Я еле его дождалась. Ничего не объясняя, он отвез меня на своем велосипеде домой, а на прощание велел пока ничего не говорить маме...

Вечером я сидела у лампы и размышляла о своей судьбе, на душе у меня скребли кошки. Неужели из-за этого Жа перевернется вся моя жизнь? Еще сегодня я числилась отличной ученицей, меня приводят в пример другим, у меня великолепные спортивные данные, я певица и плясунья, известная на весь район... Еще сегодня мое имя можно прочесть на школьной Доске почета, а завтра... Откуда берутся такие мерзкие люди, как этот физкультурник Жа? И зачем я позволила себе ожесточиться до такой степени, что совершила этот неумный поступок? Как жаль, что ни одна добрая фея не слышит меня и не спешит мне на помощь.

НЕПРИЯТНЫЕ И ПРИЯТНЫЕ СЮРПРИЗЫ

В объяснительной записке я указала два мотива своего поступка: во-первых, протест против несправедливых придирок учителя физкультуры; во-вторых, его ухаживание за ученицами. Директор пробежала глазами мое объяснение и никак на него не отреагировала. Ей нужно было поразмыслить и уточнить кое-какие детали. Однако она заранее, до выяснения всех обстоятельств дела, запретила мне ходить в школу. Как ни протестовали, как ни просили папаша Тхе и учитель математики, она не переменяла своего решения — хотела показать всем, что она, и только она, держит в школе бразды правления и любое ее решение имеет силу закона. Из-за того что мне запретили появляться в школе, я прямо извелась. Представьте себе, что станет с вами, если однажды вам объявят: поить и кормить вас будут, но до конца жизни все пути перед вами закрыты... Такое чувство владело мною в те злополучные дни.

Мама не находила оправдания моему поступку и не желала слушать объяснений. Она твердила одно:

— Как бы там ни было, учитель остается учителем, а ученик — учеником, между ними должна быть дистанция. Ученику, который посягнул на авторитет учителя, нет оправдания. — И это еще не все. — Ты — разрушительница наших семейных

устоев, — отчитывала меня мама. — Да знаешь ли ты, что у нас в роду четыре поколения учителей? Таких строптивых, как ты, надо поискать! Заруби себе на носу: хороший ученик — это тот, кто умеет слушать учителя и учится у него...

От таких нравоучений я совсем сникла. Сколько можно терпеть такое? Я вдруг очень рассердилась на маму и с жаром возразила ей:

— Чему можно научиться у этого Жа? Ну, если бы я была мальчиком... Послушать тебя, так мне нужно было бы волочиться за всеми хорошенькими ученицами, как физкультурник Жа. Только этим он и занимается! Так, по-твоему?

Мои слова вывели маму из себя, и она громко прикрикнула:

— Невоспитанная девчонка! Кто тебе позволил вступать в пререкания с матерью?

Но я продолжала гнуть свое:

— Ты же сама сказала, что нужно учиться у учителя! Хочешь, я расскажу тебе, какие пошлости говорил Жа нашей Бой?..

Я рассказала маме, в каких выражениях физкультурник Жа объяснялся своей ученице. После минутного замешательства мама закричала еще громче:

— Ах ты, негодница! Тебе дали деньги на мороженое, а ты... ты подслушивала. Наслушалась всяких гадостей! Если тебе не выпать, то совсем отобьешься от рук! Сейчас я тебе покажу!.. Ну-ка иди сюда!

Мама схватила палку и, задыхаясь от злости, стала колотить меня. Сначала я взывала от боли, но дух противоречия так разыграл во мне, что я перестала кричать, но не смирилась. Я считала удары и упрямо твердила:

— Этот Жа — злодей! Хоть бы он сдох! Хоть бы он сдох!

А на маму я не очень рассердилась, хотя она обошлась со мной очень круто. Бросив палку, мама закрыла лицо руками и безутешно заплакала. Она плакала так горько, будто каждый удар по моей спине теперь отзывался в ее сердце болью. Лицо ее исказила страдальческая гримаса. Ночью она на цыпочках подошла ко мне и помазала мазью ушибленные места. Я делала вид, что крепко сплю и ничего не слышу, хотя слезы снова потекли у меня из глаз и намочили подушку. Мне было жаль и мою бедную маму, и себя тоже. Потом я проспала двенадцать часов подряд. Я проснулась на другой день чуть ли не в полдень — в половине двенадцатого. Мамы дома не было. Уходя, она заперла дверь снаружи. За окном светило солнце, солнечные лучи пробились сквозь шторы на окне. Я стала разглядывать знакомую обстановку: стол, стулья, платяной шкаф, шкафчик для чайной

посуды, куклу на этажерке, львиную голову на стене, купленную по случаю праздника Средины осени¹, мне тогда было семь лет... Все показалось мне каким-то серым, обыденным.

Полутемная комната вдруг показалась мне тюрьмой, в которую заточили меня и накрепко заперли. Тут я стала фантазировать: а что, если впрямь буду считать себя узницей? Но арестована я, конечно, не за уголовное дело: грабители, карманные воры и всякие мошенники всегда вызывали у меня отвращение. Попробую вообразить себя политзаключенной во времена колонизаторов. Ну почему я не появилась на свет задолго до революции?² Тогда бы, став взрослой, я последовала бы примеру таких отважных революционеров, как То Хьеу, Ли Ты Чонг, я приняла бы участие в восстании в Южном Вьетнаме³. Революционеры боролись с французскими колонизаторами, ну а мне с кем прикажете бороться? Ведь колонизаторов давно уже изгнали из страны, революция давно победила! Так вот: я боролась со злодеем Жа, который издевается над детьми и оскорбляет девичье достоинство. Как бы то ни было, но благодаря моему поступку у Жа поубавится спеси. Разве этот поступок не вызвал скрытого одобрения моих школьных товарищей?! Если я способна бороться со злом и ненавижу его, то из меня вырастет боец, какие бывают нужны родине в минуту опасности.

Вот так я утешала себя, и мне сделалось легче. Я встрепенулась и решила подниматься, ведь я все еще лежала в постели, но тут услышала шум поворачиваемого ключа: это пришла мама. Вспомнив про выволочку, которую она мне устроила накануне, я опять нырнула под одеяло и закрыла глаза.

— Дочка, ты встала? — спросила мама.

Я не отозвалась.

Мама повторила свой вопрос, в голосе у нее звучала тревога. Я молчала.

— О небо! Моя девочка заболела! — закричала мама не своим голосом. — Бедный ребенок!

Я сжалась в комок, чтобы мама не увидела моего лица: из глаз у меня снова потекли на подушку горячие слезы.

---

¹ Праздник Средины осени — традиционный детский праздник.

² Имеется в виду Августовская революция 1945 года во Вьетнаме, в результате которой была провозглашена Демократическая Республика Вьетнам — первое в Юго-Восточной Азии государство рабочих и крестьян.

³ Имеется в виду восстание 1940 года, которое было жестоко подавлено колонизаторами.

«Не реви! — сказала я себе. — Настоящие революционеры в тюрьме не плачут... Возьми себя в руки!»

Мама обнимала и тормошила меня.

— Доченька, я принесла клейкого риса, сваренного на пару, а еще я купила для тебя каши с мясом, она совсем горяченькая...

А я внушала себе: «Если я соглашусь поесть, мама подумает, что я трусиха. Она решит, что убедила меня в своей правоте. Нет, я не согласна с тем, что Жа достоин уважения только за то, что работает учителем. Мама хочет, чтобы я полностью повинулась...»

Как ни уговаривала меня мама поесть, я продолжала лежать, повернувшись лицом к стене. Потом мне вдруг пришло на ум: а что, если объявить голодовку? Я знаю из книг, что брошенные в тюрьмы участники восстания в Южном Вьетнаме по пятнадцати дней кряду ничего не ели. Они лежали без движения в тюремных камерах и мужественно ждали смерти. А разве не объявляли длительных голодовок политзаключенные в тюрьме Шонла? Они голодали до тех пор, пока французские колонизаторы не удовлетворили их требований... Вот и я поучусь стойкости у этих мужественных людей!

Я вдруг обрела силу и уверенность неустрашимого борца за справедливость, отвернулась от стены и отчеканила:

— Тебе меня не подкупить. Я объявляю голодовку.

— Что ты сказала? — всполошилась мама, и глаза у нее полезли на лоб. — Что ты сказала? — повторила она, словно не веря своим ушам.

Я сказала громко, отдельно произнося каждое слово:

— Я объявляю голодовку. Я буду голодать, чтобы защитить правду.

Мама посмотрела на меня так ошеломленно, словно перед ней был пришелец из другого мира: до ее сознания просто не дошел смысл сказанных мною слов. Тогда я решила объяснить ей свою позицию:

— Я буду лежать на кровати и голодать до тех пор, пока не истлеет на мне одежда. Я решила умереть, как умирали революционеры в застенках колонизаторов.

Минуту-другую мама молчала, пытаюсь понять сказанное мною, потом заплакала.

— О небо! За что мне такое наказание? — громко всхлипывая, причитала она. — Тогда и я тоже умру...

Мама плакала, как маленький ребенок, которого наказали непонятно за что. Мне было жаль маму, хотелось приласкаться к ней и успокоить ее, но я вовремя вспомнила о своем решении до конца бороться за правду и опять повернулась лицом

к стене. Наплакавшись, мама привела к нам Лоан, чтобы она как-то подействовала на меня. Я торжествовала: мне удалось одержать победу над собой, устоять перед такими соблазнами, как каша с мясом, каша с курятиной, лапша с говядиной и сваренный на пару клейкий рис...

Часам к пяти я устала от борьбы и задремала. Сквозь дрему я услышала знакомое дребезжание расколовшегося надвое алюминиевого щитка — это на велосипеде подъехал папаша Тхе. Через минуту послышался его голос:

— Хань, вы дома?

Мама выбежала из кухни и с плачем кинулась к папаше Тхе:

— Я давно вас жду. Весь день она ничего не ест. Она сказала, что объявляет голодовку, дабы защитить справедливость. Еще она сказала, что будет лежать, повернувшись лицом к стене, до тех пор, пока на ней не истлеет одежда. Она хочет принять смерть, как принимали ее революционеры. Соседки мне сказали... Они говорят, что надо позвать монашек, чтобы они изгнали из девочки злого духа... Но я боюсь, как бы...

Тут папаша Тхе перебил маму:

— Спокойнее, спокойнее! К чему столько эмоций?..

Я услышала шум и догадалась, что папаша Тхе опустил на пол свою большущую сумку и сел на стул. Мама засуетилась вокруг него: это она заваривает зеленый чай.

— Выпейте чашечку чаю! — сказала мама. — Это чай с зернами лотоса из лавочки барышни Ван Ань.

Папаша Тхе выпил чай, шумно крякнул, мы знали эту его привычку, потом сказал, растягивая слова:

— Вы сами-то ели? А что, если я попрошу вас купить нам с Бе несколько пирожных? Мне надо сказать ей пару слов...

— Хорошо, я сейчас, — согласилась мама, быстренько собралась и уехала на велосипеде.

Я приоткрыла глаза и увидела на стене тень, которую отбрасывали плечи папаши Тхе. За те несколько дней, что я не ходила в школу, я очень по нему соскучилась. Я скучала не только по любимому учителю, но и по своему классу и вообще по школе.

— Ну-ка, Бе, поднимайся! — сказал папаша Тхе.

Я тотчас же села и захлюпала носом. Папаша Тхе прижал меня к своей груди, достал из кармана пропахший табаком носовой платок и утер мне слезы.

— Чего ради ты отказываешься от еды? Это глупо, — спокойно, но с укоризной сказал папаша Тхе.

От этих заботливых слов я совсем раскисла.

— Неожиданно для себя узнаю от Лоан, что ты объявила голодовку,— продолжал папаша Тхе и понимающе улыбнулся.— Вот глупышка. Когда-то я тоже объявлял голодовку. Правда, я тогда сидел в тюрьме, меня туда бросили враги. Кто же объявляет голодовку в своем собственном доме, да еще таком уютном! Ты хоть понимаешь, для чего объявляют голодовку? Это один из способов борьбы с врагом. А ты с кем борешься? С собственной мамой, которая любит тебя больше всех на свете? Так поступают только ненормальные.

Я сидела, уткнувшись лицом в грудь папаши Тхе, и не могла видеть, что он улыбается, однако я хорошо себе представила и его добрую улыбку, и его редкие зубы, темные от курения. Я возразила папаше Тхе, но только для виду:

— Поймите, ведь мама требует от меня уважения к таким, как Жа...

— Вообще-то говоря, к учителям надо относиться с уважением, и учиться у них тоже надо,— перебил меня папаша Тхе.— Однако среди тех, кому поручено это благородное дело, к сожалению, встречаются иногда недостойные люди.

Я с удивлением подняла голову и заглянула в добрые глаза папаши Тхе: в них была тоска...

— Я знаю, на что способен этот Жа,— вдруг сказал папаша Тхе.

Я доверчиво прижалась к своему любимому учителю. Мне стало ясно, что он все отлично понимает и что он, как всегда, справедлив,— мне только этого и надо было.

Папаша Тхе погладил меня по голове и сказал укоризненно:

— И все же ты действовала неправильно. Прежде всего надо было обо всем рассказать мне. Ты могла бы подождать, пока я вернусь из деревни.

Папаша Тхе тяжело вздохнул. Глаза у него были печальные-печальные. Сердце мое сжалось от страха за себя и за папашу Тхе. Он это понял и тихо сказал:

— Что было, того не вернешь, а сейчас тебе надо подкрепиться. Эх ты! Лягушонок решил сразиться со слоном! Хорошо еще, что ты не заболела по-настоящему.

Как раз в это время послышался шум — это мама ворочалась назад на своем велосипеде. Она вошла в дом и положила на стол коробочку с пирожными.

— Вот вам пирожные к чаю. Совсем свеженькие! Угощайтесь! — с напускной веселостью сказала мама.

Папаша Тхе вдруг поднялся и вскинул на плечо сумку.

— Спасибо, в другой раз,— вежливо отказался он.— Если вы не возражаете, мы с Бе пойдем прогуляемся по городу.

Папаша Тхе повел меня в харчевню, где кормили лапшой, потом мы пили с ним горячий чай с конфетами. Провожая меня домой, папаша Тхе рассказывал всякие веселые истории. Только у самого дома он вдруг коротко бросил:

— Завтра после обеда тебе надо быть у директора.

Папаша Тхе ушел, оставив меня наедине с моими мыслями о завтрашнем разговоре. Завтра будет решена моя судьба.

Тот страшный день я запомнила на всю жизнь. Стоял невыносимый послеполуденный зной, словно уже наступил июнь. В кабинете директора назойливо и сердито тикали старинные часы. Тупо уставясь на позеленевший от времени медный маятник, который мерно раскачивался перед моими глазами, я обмирала от страха, покорно дожидаясь, когда директриса займется мною. Папаша Тхе с угрюмым видом сидел рядом. Судя по всему, он заранее предвидел исход дела, который не сулил мне ничего хорошего. Я это чувствовала и оттого еще больше волновалась. Сердце билось в моей груди, как попавшая в сеть птичка. Я сидела, судорожно вцепившись в край стола, а директор тем временем молча перебирала бумаги, которые она доставала из толстой-толстой папки. Это продолжалось мучительно долго. Наконец она вытащила мою объяснительную записку:

— Прочти еще раз.

Это было сказано таким ледяным тоном, что душа у меня ушла в пятки. Папаша Тхе, который все это время смотрел в окно на убегающие вдаль поля, даже не пошевелился, он словно воды в рот набрал. И вообще у папаши Тхе был такой вид, словно ему нет дела ни до директора, ни до моей объяснительной записки, ни до всего того, что происходит в этой комнате. Я чувствовала себя одинокой и беззащитной и дрожала от страха, как ребенок, которого оставили на кладбище в ночную пору.

Я не могла прочесть ни одного слова из написанной мною же объяснительной записки: строчки прыгали и плясали у меня перед глазами. Я видела только кляксу, удивительно похожую на паука, а моя собственная подпись внизу под текстом показалась мне совершенно незнакомой, словно за меня подписался кто-то другой...

— Прочитала? — вдруг спросила директор.

От неожиданности я вздрогнула всем телом. Директор положила указательным пальцем очки, которые у нее сползли на нос, и посмотрела на меня. Ее неподвижные глаза источали холод: в них не было ни укоризны, ни сострадания, ни ненависти. Даже ехидства, и то в них не было! Под этим бесстрастным

взглядом я почувствовала себя совершенно раздавленной. Никогда и ни у кого я не видела такого колючего, такого жестокого и одновременно такого бесстрастного взгляда.

— Ты хорошо помнишь, что написала в объяснительной? — спросила директор холодным, безучастным тоном.

— Да,— пролепетала я.

Она слегка скривила губы и изобразила подобие улыбки, затем постучала пальцем по столу и отчетливо произнесла:

— Пусть войдет Нгуен Тхи Бой.

Тут, словно по волшебству, тихо приоткрылась боковая дверь. Сначала показалась маленькая белая рука, которая вцепилась в дверную раму, и только после этого перед директором предстала сама Бой.

— Я здесь,— сказала она.

Да, это была Бой, но ее я узнала с великим трудом: лицо у нее стало мертвенно-бледным, черные глаза ввалились и казались незрячими оттого, что в них застыл испуг, как у слепого бродячего певца, который боится сделать неверный шаг.

— Садись,— сказала директор.— Мы пригласили тебя, чтобы уточнить кое-какие подробности. Но сразу предупреждаю: ты должна говорить правду, только правду. Ты поняла?

— Поняла,— ответила Бой дрожащим голосом, а лицо у нее сделалось блее бумаги.

Директор снова постучала пальцем по столу:

— Очень хорошо. А теперь внимательно послушай мой вопрос: учитель Жа ухаживал за тобой? Скажи, не допускал ли он вольностей?

— Нет.

— Были случаи, когда он вел себя некорректно?

— Не было.

— Приглашал он тебя посмотреть фильм «Фатима»?

— Нет, не приглашал.

— Он не пытался гладить твои волосы? Не обнимал тебя за талию?

— Нет...

Ответив на очередной вопрос, Бой еще ниже опускала голову. Когда она ответила на последний, ее лица уже не было видно.

Односложные ответы Бой разили меня в самое сердце. Я почувствовала себя уничтоженной, стертой в порошок, мои мысли смешались, кровь отлила от лица, руки соскользнули с края стола на колени и дрожали мелкой дрожью. А маятник у старых часов словно увеличился в размерах и стал похож на лысую голову злого старика из пагоды Донгна, который

запер меня в чулане. Не знаю, каким образом я вдруг набралась духу и изо всех сил крикнула:

— Бой говорит неправду! Она лжет!..

У директора глаза полезли на лоб, но она сказала все тем же холодным, бесстрастным тоном:

— Не вскакивай с места! Веди себя прилично! — Потом она обратилась к Бой: — Последний раз тебя спрашиваю: ты сказала правду?

— Да, правду,— ответила Бой, ни на кого не глядя.

Щеки у нее были белые, как мука, и вся она дрожала.

Во мне вдруг что-то перевернулось. Внутри жгло от нестерпимой боли, я почувствовала страшную слабость. Я не смогла бы даже позвать на помощь кого-нибудь из близких. Мне показалось, что кафельный пол начал уходить из-под моих ног, цветные круги на нем закрутились, завертелись, сначала медленно, потом быстрее, быстрее. В ушах раздался паровозный гудок, и я рухнула на кафель.

Пять дней я болела, а на шестой узнала о решении педсовета. По рекомендации директора школы педсовет вынес самый суровый приговор: исключить меня из школы с оценкой ноль по поведению и уведомить об этом руководство всех школ нашей провинции. Основания для такого сурового наказания выглядели внушительно: распространение клеветы и непонятная месть преподавателю.

Мои школьные товарищи все время держали меня в курсе событий. Они рассказали, что папаша Тхе выступил против директора и между ними разгорелся ожесточенный спор, но в конце концов директор настояла на своем, воспользовавшись своей властью, тем более что мнения разделились: половина членов педсовета выступила за то, чтобы исключить меня из школы, другая половина — за то, чтобы оставить. К этому времени я уже успела подготовиться к самому худшему, то есть к исключению. Но я никак не ожидала, что директор разошлет решение педсовета нашей школы всем средним школам нашей провинции.

Директор решила лишить меня будущего, она заранее рассчитала, что я непременно попытаюсь устроиться в другую школу, пусть в другом городе. Она лишала меня возможности продолжить учебу.

Узнав о решении педсовета, я долго смотрела себе под ноги, меня душили слезы отчаяния и обиды, слова застряли в горле. Потом в моей душе шевельнулось мстительное чувство, и я осторожно поинтересовалась:

— А как поступили с этим Жа?

Мои одноклассники не поняли.

— Что ты имеешь в виду? — удивился кто-то из них.

— Разве он не получил взыскания? — спросила я с тайной надеждой.

— Как бы не так! — ответили мне. — Он даже пожаловался, что в нашей школе его замучили работой, и просил перевести его в другое место. Многие учителя его терпеть не могут, но помалкивают. Только папаша Тхе и математик Бать напрямую высказали все, что о нем думают, но директорша их одернула. Она обвинила обоих в том, что они слишком уж нянчатся с учениками и предвзято относятся к своим коллегам. Этот мерзкий Жа теперь ходит с видом победителя.

Я ничего не сказала в ответ. У меня запершило в горле, словно я наглоталась едкого дыма. Потому что в тот момент я вдруг представила себе знакомую дорогу, по которой каждый день ходила в школу. Ярко светит солнце. Я иду по этой дороге и люблюсь желтыми цветами цезальпинии¹ и огненно-красными цветами «хвост феникса», которые весело смотрят на меня из своего зеленого царства. Школьный двор зарос травой, над травянистым ковром кружат стрекозы, неподалеку — эстрада с двумя гирляндами электрических лампочек. Как нам нравились наши школьные вечера! У нас многие занимались музыкой, поэтому на вечерах можно было услышать и гитару, и аккордеон, и скрипку, и флейту... Девочки в юбочках и блузочках из блестящего голубого и розового шелка превращались в сказочных фей. Самодельные шляпы из цветной фольги при свете лампочек излучали волшебное сияние... Неужели мне больше не придется петь и танцевать на таких вечерах? Я вспомнила школьный стол для игры в пинг-понг, покоровившийся с одной стороны и треснувший с другой. Как я огорчалась, когда не могла правильно отразить косых ударов! А школьная лаборатория! Я бы не вылезала из нее, если бы нас не выдворял оттуда сердитый с виду старик в белом халате. На самом деле это был добрейший человек, а страшал он нас для порядка. Я могла часами разглядывать диковинные банки и бутылки с химикалиями, колбы и пробирки для химических реакций, в том числе и бутылку с серной кислотой, которая должна была отпугивать нас наклейкой с изображением костей и черепа. В темном углу скалил зубы человеческий скелет из гипса, в формалине плавал человеческий эмбрион... Мне нравились школьные коридоры, в которых пол был выложен красивым желтым кафелем, нравились стеклянные двери — в них

---

¹ Цезальпиния — декоративный кустарник с перистыми листьями.

можно было увидеть свое отражение, нравились заляпанные чернилами и усердно разрисованные столы с выдвижными ящиками, в которых мы прятали початки печеной кукурузы, — мы потихоньку грызли их прямо на уроках, мне нравилась даже черная классная доска с клеточками в верхней части: в этих клеточках проставлялась дата... Неужели для меня перестанет существовать этот светлый мир с его радостями и печалью? Неужели не будет больше летних каникул, веселых увлекательных игр? Удивительное дело: я не забывала школу даже за играми! Мне все там нравилось, вплоть до запаха мела и запаха пыли в лаборатории! А суматоха перед контрольными... Впрочем, это уже прошлое. Память обо мне останется во многих уголках школы. Вот, например, сетка для игры в пинг-понг. Я ее выпросила в комитете по делам физкультуры и спорта провинции. А вот пара ракеток, которые мне достались как приз. Самая большая ваза, которую выставляют в школе по праздникам, была подарена мне провинциальным управлением культуры за успехи в школьной самодеятельности. А над цветочной клумбой перед окнами канцелярии мы трудились всем классом прошлой осенью. Я так усердствовала, что меня хватил тогда солнечный удар.

От нахлынувших воспоминаний на душе у меня стало то-скливо-тоскливо, я горько заплакала, не обращая внимания на то, что слезы каплют на кофточку...

На другой день было воскресенье. Утром меня разбудили голоса школьных товарищей. Я услышала, как они громко кричат под дверью:

— Бе, вставай скорей! Есть хорошие новости!

— Бе, есть важное сообщение!

Я пошла открывать дверь: мама спозаранок ушла на рынок. Уходя, она велела мне закрыть дверь на щеколду. В дом ввалилась целая ватага моих одноклассников, все они были очень возбуждены и стали наперебой рассказывать о том, что произошло в школе в мое отсутствие. А случилось вот что. На пятом уроке появилась директор с отпечатанным на машинке приказом, подлежащим рассылке во все школы провинции. Когда директор зачитала приказ, неожиданно со своего места поднялся Ли и сказал, что это он запер физкультурника Жа в уборной. Ву Тхи Бе, правда, помогла ему дотащить до уборной тяжелый стул, но она не знала, зачем это ему понадобилось. Еще Ли сказал, что Ву Тхи Бе взяла на себя чужую вину, потому что она жалостливая девочка. Она испугалась, что отец забьет его, Ли, до смерти. Пьяница отец, само собой, не посмотрит на то, что он худ и слаб...

Выложив свою новость, ребята с любопытством уставились на меня. Они ждали, что я им отвечу, но я молчала. Я никак не ожидала, что запуганный заморыш с озабоченным высохшим личиком окажется способным на такое благородство! Как я была ему благодарна в тот момент!

Первой не выдержала Лоан.

— Ты рада? — спросила она.

— Конечно!

— Значит, ты пострадала зря! — сердито сказала Лоан.

— Это не совсем так.

— Почему? — хором спросили ребята.

— Пока я не скажу. Но все равно вы меня очень обрадовали...

Вечером я отправилась к Ли. Еще у двери я услышала гнусавый пьяный голос его папаши. Я робко заглянула в дом и стала свидетельницей отвратительной сцены. Пьяный хозяин дома валялся на массивном сапе¹ из железного дерева, тупо смотрел в потолок и хриплым голосом орал песню. Тут же крутился мальчонка лет пяти с лицом маленького старичка. Неожиданно пьяница перестал горланить и грубо спросил малыша:

— А куда подевалась эта чертова кукла?

— Мама пошла к соседям. Позвать ее? Но сначала гони пять хао! — услышала я ответ малыша и внутренне содрогнулась.

Пьяный папаша порылся в кармане, нашел пять хао и бросил малышу, потом заорал:

— С кем она водит хороводы?

Загибая пальцы с грязью под ногтями, малыш начал перечислять:

— С тетей Нам Нгиа, с тетей Ты, с тетей Нян... с дядей, которого зовут Лой... Еще с...

В ответ раздался звериный рев, глаза пьяного чудовища налились кровью.

— Где она разгуливает? До мужа ей, видите ли, дела нет! Самогон хреновый, нет в нем крепости, соус из креветок дрянь, не кислый и не острый... Муж тут мается, а она развлекается с этим... как его... Допрыгаются они у меня!

Вот какой монолог услышала я.

Пьяный схватил стакан и изо всех сил грохнул им о топчан. Стакан разбился вдребезги, острые осколки впились в руку пьяницы, из руки ручьем потекла кровь.

---

¹Сап — широкий топчан из дорогих пород дерева. На нем спят и едят.

— Эй, Ли! Где тебя носит? Поди сюда! — раздался зычный голос.

Я стояла за приоткрытой дверью и со страхом смотрела, как алая кровь заливает топчан. Отец нашего Ли и его жена вызывали у всего нашего городка омерзение своей разнузданностью. Многие были свидетелями безобразных драк, которые они затевали друг с другом. Все жалели бедного Ли, которому здорово доставалось от садиста отца и такой же жестокой мачехи. И тем не менее для меня было открытием, что на свете существуют такие отцы, как этот пьянчуга. «Это же чудовище, а не человек», — подумала я.

— Куда запропастился этот ублюдок? Ли! Ли-и-и! — снова зарычал пьяный папаша.

Как раз в эту минуту откуда-то прибежал Ли.

— Вы звали меня, отец? — робко спросил Ли.

— Звал, звал! Ты думал, я зову собаку? — заорал пьяный и с силой пнул ногой несчастного мальчика, сопроводив пинок непристойной бранью.

Если бы Ли не изогнулся, пинок пришелся бы ему в живот, однако он привык к подобному обращению и научился ловко увертываться от пинков и затрещин, поэтому отцовский башмак лишь слегка задел его бедро. Мне бы ни за что не удалось так ловко изогнуться, и если бы я оказалась на месте Ли, то непременно попала бы в больницу.

— Эй, ты, щенок! Найди тряпку и перевяжи мне руку! — гремел пьяный голос...

Ли молча ушел в другую комнату и вернулся с тряпочкой и баночкой с какой-то мазью. Он вытер кровь, смазал ранки мазью и ловко перевязал отцовскую руку. Расходившийся папаша придирчиво оглядел повязку. Он, видимо, остался доволен и успокоился. Ли вытер сап, собрал осколки и намеревался вынести их во двор, но тут заметил меня. Я все это время стояла за дверью.

— Ты давно пришла? — спросил Ли встревоженно.

Я ответила вопросом на вопрос:

— Тебе больно?

— Да нет... Я успел увернуться, — сказал Ли с запинкой.

Я нахмурилась:

— Ну и отец у тебя!.. Какой он злой!

— Какой есть... Ему тоже не очень повезло в жизни. А пьет он с горя, — мягко ответил Ли.

— Но он тебя совсем не любит!

— Почему же? Любит по-своему, — тихо возразил Ли и опустил голову.

Некоторое время мы молчали.

— Ты зачем пришла? — нарушил молчание Ли.

Мне вдруг стало неловко, и из моей головы вылетели слова, которые я хотела сказать Ли, когда собиралась к нему.

Я не нашла ничего лучшего, как спросить:

— Почему ты взял на себя мою вину?

— Так будет лучше, — сдержанно ответил Ли и засмеялся. — А откуда ты узнала? Как быстро тебе рассказали! Это, конечно, твоя подруга Лоан, да?

— Кто тебя надоумил так поступить?

— Никто.

— Тогда как же ты додумался до этого?

— Неужели тебе не понятно? Я учусь плохо и продолжать учебу мне бесполезно, а ты — лучшая ученица в классе. Папаша Тхе не раз говорил, что у тебя есть все данные, тебя даже могут послать учиться за границу. Но сначала надо закончить школу...

— А ты не боишься, что отец и мать тебя приберут?

— Ясное дело, мне достанется. Ничего, я привык, — сказал Ли и смущенно улыбнулся.

— Ли, когда ты решил пострадать за меня, тебе не пришло в голову, что мне это может не понравиться? — спросила я, глядя мальчишке в глаза.

Он не ответил взгляда, и я вдруг почувствовала, что и у меня и у него глаза на мокром месте: еще немного, и мы разревемся. Тогда я резко повернулась и не оглядываясь побежала домой.

В понедельник я явилась к директору и сказала, чтобы она оставила в прежнем виде приказ о моем исключении, потому что Ли взял вину на себя единственно из добрых чувств ко мне, а на самом деле он абсолютно ни в чем не виноват: я действовала одна. На этот раз в кабинете директора меня уже не трясло от страха, я вообще нисколько не нервничала. Испытав однажды на собственной шкуре бесчеловечность и коварство этой женщины, я перестала ее бояться. Я ее теперь презирала. Мы, несовершеннолетние ученики, оказывается, были куда благороднее этой дамы! Мы были способны и на чувство локтя и даже на самопожертвование ради другого, не говоря уже о том, что мы смело смотрели правде в глаза. Я получила свой дневник: под колонкой выведенных красными чернилами пятерок красовался ноль за поведение, а ниже была сделана запись об исключении меня из школы. Дневник мне директор вручила сама. Я взяла его с безучастным видом: за это время мне довелось так много выстрадать, что я перестала чувствовать боль.

НОВЫЕ БЕДЫ

«Как я буду жить завтра? И что вообще со мной будет? Какое я найду себе занятие?» — думала я, покидая директорский кабинет. Возле школьных ворот сердце у меня екнуло. Эти ворота были очень внушительными. Их створки держались на мощных столбах, когда их открывали, они издавали негодующий скрип. Возле ворот стояло дерево фыонгви с кроной, похожей на гигантский абажур. Мне было грустно видеть учеников, которые попадались мне навстречу. Они шли в школу, а я... Интересно, что их ожидает впереди? Я завидовала им. Я готова была позавидовать любому второгоднику за то, что его, несмотря на слабую успеваемость и озорство, все-таки не выгнали из школы, а оставили учиться. «Любой такой второгодник в тысячу раз счастливее меня», — думала я с тоской. Какой-нибудь тупица и лодырь ходит в школу и не понимает, как это здорово — каждый день узнавать новое: то новое математическое уравнение, то новую химическую реакцию, то еще один закон физики, то новое стихотворение. Какой-нибудь лоботряс будет по-прежнему ходить в лабораторию, где я могла часами разглядывать человеческий скелет из гипса или изображение динозавра на стене. Отпетый двоечник будет запросто пользоваться моими ракетками, бегать возле растрескавшегося стола для игры в пинг-понг или ради забавы рвать цветы на нашей клумбе... Все эти счастливицы шли в школу, которая совсем недавно была и моей, а я... я иду домой с дневником, который теперь страшно открыть. При мысли об этом я залилась краской стыда и свернула с дороги на безлюдную тропинку, что вилась у края поля.

Вот уже начались людные улицы. Домой мне идти не хотелось. Я побродила по магазинам, потом все-таки свернула на свою улицу. С того дня когда я объявила голодовку, мама меня ни разу не тронула пальцем, но она не разговаривала со мной и даже избегала смотреть в мою сторону. Она просто не замечала меня, словно я для нее перестала существовать. Мне и самой казалось, что меня больше нет, раз мама молчит. Такая негодница, как я, недостойна называться дочерью учительницы Хань... Ей не нужна дочь, которую исключили из школы за безобразное поведение...

У дома капрала Кана я увидела толпу. «Что-то случилось», — подумала я.

В нашем маленьком городке о любом происшествии люди узнавали мгновенно. Стоило чему-либо случиться, как на улице собиралась толпа. Моя мама строго наказывала мне обходить

стороной любопытных зевак, жадных до скандалов в чужих домах. Но на этот раз мне надо было чем-то себя занять, поэтому я подошла поближе и столкнулась нос к носу с Рыжей Жабой, дочерью рыночного сторожа, которая была на год младше меня. Рыжей Жабой прозвал ее отец за то, что у нее на лице всегда была какая-то сыпь, а кожа была грубая и шелушилась. Училась она из рук вон плохо, просидела в начальных классах лишних три года, но ее так и не перевели в школу второй ступени. Виновата была в этом не только она: дело в том, что отец все время отрывал ее от учебы и заставлял помогать ему на рынке, она даже собирала с торговек плату за место. Кроме того, она постоянно занимала сразу по нескольку мест в очередях за продуктами, например за мясом, а потом брала с людей деньги за очередь. Она принаровилась отмечать свою очередь с помощью кирпичей, старых корзинок, рваных нонов¹, — она оставляла их еще с вечера, поэтому утром оказывалась одной из первых. Она продавала за деньги свою очередь тем, кто не мог долго ждать. За место поближе к прилавку она брала один хао, за место подальше — пять су. Занимаясь такими делами, Рыжая Жаба привыкла дерзить другим и вообще слыла большой нахалкой и грубиянкой. Она могла в любой момент наглубить какой-нибудь старухе или затеять драку с большими мальчишками. Рыжая Жаба целыми днями была на солнце, поэтому ее и без того смуглая кожа приобрела цвет закопченной сковородки, а реденькие волосы выгорели и порыжели. Эта самая Жаба с ее рыжими волосами казалась добропорядочным мамашам до того невоспитанной и уродливой, что они при случае пугали ею своих чад, особенно мальчиков. Если какой-нибудь мальчишка выходил из повиновения, то мамаша его предупреждала: «Будешь плохо себя вести, так и знай: вырастешь — женю тебя на Рыжей Жабе...» Такая угроза моментально приводила в чувство любого озорника.

Но ко мне Рыжая Жаба явно благоволила. Непонятно почему, она называла меня на «вы», а всем другим девочкам моего возраста «тыкала». Однажды я пошла за мясом и встала в конце очереди. Увидев меня, Рыжая Жаба тут же поставила меня вместо себя, растолкав при этом других. Купив мясо, я протянула Рыжей Жабе пять су и вежливо сказала: «Спасибо!»

Рыжая Жаба вылупила на меня глаза.

— Зачем вы так? Не надо обо мне думать только плохо.

---

¹ Но н — остроконечная шляпа из бамбуковой дранки или из другого материала.

Стала бы я уступать вам очередь, если бы знала, что вы будете совать мне эти поганые пять су! — Она похлопала себя по карману, в котором звенели монеты, и сказала: — Я поведу вас в лучшую харчевню и угощу вкусной лапшой с говядиной.

Я стала отказываться, но Рыжая Жаба схватила меня за руку и потащила за собой на виду у знакомых и незнакомых людей, которые раскрыли рты от изумления...

И вот сейчас я встретила Рыжую Жабу у дома капрала Кана. Там только что разразился скандал, и она спешила поделиться со мной тем, что узнала от любопытных зевак.

— Так вы ничего не знаете? — с ходу начала она. — Капрал Кан поколотил свою новую жену. Его старшим сыновьям это пришлось по вкусу, и они тоже полезли с кулаками на тетю Лыу. Милиционер отвел капрала Кана в отделение милиции, а обоим этим вырождакам здорово досталось от младшего брата тети Лыу, они вопили на весь дом.

— За что он избил тетю Лыу? И это через месяц после свадьбы!..

— Из-за денег... Из-за золота. Через них все это! — сказала Рыжая Жаба, презрительно скривив губы и воздев руки к небу; такой жест я видела у торговцев целебными снадобьями, расхваливающими свой товар — ментоловое масло, например. В выражении лица Рыжей Жабы было столько презрения и искушенности, что можно было не сомневаться: она-то знает цену деньгам. — Этот капрал Кан самым бессовестным образом обманул легковурную тетю Лыу, — продолжала Рыжая Жаба. — Еще до свадьбы он уговорил ее продать дом. Прибрав к рукам деньги и шесть унций¹ золота, вырученные от продажи дома тети Лыу, этот тип стал уговаривать ее вложить капитал в прибыльное дело — торговлю опиумом. Она развесила уши... Капрал Кан куда-то укатил вместе с деньгами. Через неделю он появился и сказал, что его надули и никаких денег теперь у него нет. Тетя Лыу, конечно, вышла из себя, подняла крик, тогда муженек избил ее.

Я молча слушала Рыжую Жабу, а в душе у меня росло беспокойство за мою подругу Лоан: и на нее свалилась беда. Не зря в старину говорили: как придет напасть, так хоть вовсе пропасть.

Заметив мое удрученное состояние, Рыжая Жаба сказала с уверенностью:

— Если бы этот старый хрыч так обошелся со мной, я бы

---

¹ У н ц и я — мера веса, около 28 граммов.

ему все кости переломала! Уж я-то бы получила назад свои денежки!..

В это время высокая старуха, которая неизвестно когда оказалась возле нас, окликнула Рыжую Жабу:

— Эй, ты, разбойница! Твой папаша орет на весь дом, тебя ищет.

Рыжая Жаба как-то вся съежилась и сразу ушла, кивнув мне на прощание.

Поразмыслив, я повернула назад. Когда я дошла до чайной, у меня возник план действий. Я зашла в чайную, нашла удобное местечко и стала ждать, когда Лоан пойдет из школы. В чайной оживленно обсуждались подробности драки в доме капрала Кана. Это событие дало людям повод лишний раз выволочь на свет божий темное прошлое капрала Кана, начиная с дурно пахнувших торговых делишек в былые времена и кончая сравнительно недавней махинацией, благодаря которой он получил у властей разрешение на торговлю пищевым льдом. Я слушала про все это до тех пор, пока не увидела стайку своих одноклассников, возвращавшихся из школы. Лоан была среди них. В отличие от других, вид у нее был понурый: мы ведь с нею жили душа в душу и почти никогда не разлучались. Без меня ей стало сиротливо. Увидев меня, Лоан затараторила:

— Сегодня вечером к вам придет папаша Тхе. Утром он был в роно, он заезжал на велосипеде к тебе, но вы разминулись...

Я была уверена, что папаша Тхе очень хорошо относится ко мне, но после всех этих событий мне не хотелось с ним встречаться. Он ведь тоже натерпелся из-за меня от директрши: ему даже объявили выговор. Я и так навлекла на его голову столько неприятностей! Сейчас я не смогла бы смотреть ему в глаза. У папаши Тхе всегда был вид доброго, честного человека, но, с тех пор как я заварила эту кашу, с его лица не сходила печать озабоченности и тревоги.

— Домой я не пойду,— вдруг вырвалось у меня. Не дав изумленной Лоан открыть рот, я добавила: — Тебе тоже надо кое-что обмозговать. Давай где-нибудь обо всем потолкуем!

Лоан послушно пошла за мной. Я вспомнила про старинную пагоду на тихой улочке, куда редко заглядывали школьники. Мы уселись под большим деревом, которое росло во дворе, и я рассказала подруге о том, что произошло в доме капрала Кана. Я не утаила от нее и того, что ее мама попала в больницу.

— Сейчас ты отправляйся к нам,— посоветовала я Лоан.— После обеда моя мама отведет тебя в дом капрала. Ей ведь придется взять там одежду тети Лыу. Мне будет спокойнее, если рядом с тобой будет моя мама. Да и тебе самой это нужно.

Лоан ничего не ответила, но я знала, что она сделает так, как я сказала. Немного собравшись с мыслями, Лоан робко спросила:

— А ты, Бе... ты-то куда пойдешь?

— Пока я тебе этого не скажу. Давай в пять часов встретимся на старом месте, около лодки тетушки Ан Лак. Только ты ни в коем случае не проговоришься об этом моей маме или папаше Тхе! Поняла? А теперь тебе надо идти.

Лоан совсем расстроилась, но не решилась мне возразить. Низко наклонив голову, она пошла прочь.

Я осталась сидеть под большим деревом. Мне надо было собраться с мыслями и решить, что делать дальше, куда идти... Пока я не могла ответить на этот вопрос.

«А может быть, мне вообще уехать из этого города?» — вдруг пришло мне в голову. Все учителя нашего городка хорошо знали мою маму. Здесь, в нашем маленьком городке, мне от них никуда не спрятаться: меня очень быстро найдут и приведут к маме. А мама окинет меня отчужденным взглядом и молча отвернется. Потом она будет целыми днями молчать... Что может быть страшнее этого молчания? От сурового, осуждающего взгляда материнских глаз и ее упорного молчания все в душе у меня переворачивалось. Это было куда хуже любой порки.

А не поехать ли в деревню к бабушке? Нет, слишком далеко. К тому же мама об этом быстро узнает. Но самое ужасное в том, что в деревне никуда не скроешься от многочисленной бабушкиной родни, от соседей и всех бабушкиных односельчан. Меня ведь всегда ставили в пример другим детям. «Посмотрите на нашу Бе, — с гордостью говорила бабушка. — В школу она пошла на два года раньше, а ведь все годы занимается лучше всех в классе». Или: «Наша Бе — чудо-ребенок. А у вас на уме одно озорство! Брали бы пример с нашей Бе...» И вот все узнают о том, что меня исключили из школы. Эта новость поразит их как громом, а я буду понуро молчать. Какими глазами я взгляну на бабушкиных односельчан? Мне и без того несладко. У меня, в конце концов, есть гордость... Неужели из-за обрушившейся на меня беды я должна отказаться от чувства собственного достоинства? Я и так казню себя за дурацкий поступок. В нашем городе мне теперь нигде нельзя показаться: будут смотреть как на заклеявленную. На мне теперь печать позора...

От таких дум стало совсем невозможно. Оказывается, слезы давно текли у меня по щекам. Размышляя о том, что делать дальше, я вдруг решила навестить Кау, маленького рыбака из деревни, что на том берегу реки.

Стенные часы в доме рядом с пагодой пробили двенадцать ударов. Еще только двенадцать часов дня. Школьники разошлись по домам¹. На улицах стало меньше народу. Я быстро пошла к реке, стараясь не попадаться на глаза прохожим: мне не хотелось, чтобы меня остановил кто-нибудь из маминих знакомых. На берегу никого не было. Вода в реке сверкала и искрилась, кое-где плавали зеленые островки японской ряски с крупными бледно-лиловыми цветами да порхали большеголовые голубые зимородки — они добывали себе корм. Я собралась было войти в воду и переплыть на другой берег, но вовремя вспомнила, что нельзя лезть в воду на голодный желудок: ногу может свести судорога. Тогда я сделала крюк и перешла на ту сторону по мосту. Миновав дамбу, я пошла в сторону деревушки, в которой мы с Лоан были ночью. Ориентиром служило лotosовое озеро. Я без труда разыскала покосившуюся лачужку за бамбуковой изгородью. Вот тот самый крошечный дворик, вот индийские хризантемы, вот петиушиные гребешки.

— Кау, где ты? Ка-а-у! Замо-о-рыш!..

— Кто там? Заходите... — услышала я высокий чистый голос матери Кау, а потом увидела ее на пороге хижины.

Только теперь, при дневном свете, я разглядела эту необычную женщину как следует. Большой горб придавал ей сходство с крабом. А лицо, обрамленное волнистыми рыжими волосами, и в самом деле было красиво, однако благодаря огромным голубым глазам оно казалось до странного маленьким.

— Ты — та самая девочка, которая была у нас как-то поздно вечером? — спросила женщина с приветливой улыбкой.

Приветливость этой женщины меня так обескуражила и растрогала, что я ответила еле слышно:

— Да, это я...

— Входи в дом, а то на солнце очень жарко.

— А где Кау?

Хозяйка присела на бамбуковую скамейку, протянула руку за чашкой, налила мне чаю и только после этого ответила:

— Кау ушел в школу. А ты посиди со мной!

Когда я подняла к губам чашку с чаем, хозяйка не спеша пошла в кухню и скоро вернулась с котелком вареной кукурузы.

---

¹ Во Вьетнаме занятия в школе в первую смену начинаются очень рано, поэтому и кончаются тоже рано.

— Угощайся! — сказала она. — Мы с Кау уже поели.

Сколько доброты было во взгляде голубых лучистых глаз этой удивительной женщины! Обезображенное горбом тело и доброе сердце... Мне так захотелось рассказать ей о своих бедах.

— Благодарю вас, — тихо сказала я.

— О, не стоит благодарности, — сказала она и опять приветливо улыбнулась.

Сама не помню, как я вдруг набралась храбрости и рассказала ей про все, что накопилось у меня на душе. Удивительное дело: этой женщине я доверилась как самому близкому человеку. Она слушала меня с очень серьезным видом, в глазах ее было сочувствие и понимание. Когда я закончила, она сказала проникновенно:

— Поверь мне, в конце концов все уладится. Вот увидишь — все будет хорошо.

Выговорившись, я почувствовала облегчение и сильную усталость: сказалось страшное напряжение последних дней. Глаза у меня слипались. Я заснула и проспала до половины шестого; меня разбудил Кау, возвратившийся из школы.

— Вставай! — сказал он. — Рис сварился.

Я вскочила и сразу сообразила, что уже близок закат. На западе алел багряный закат: в лучах заходящего солнца словно плавилась медь. По дому поползли вечерние тени. Только индийские хризантемы и петушинные гребешки в саду стали еще ярче, еще наряднее. Я вдруг вспомнила про наш уговор с Лоан и переполошилась.

— Который сейчас час, Кау? — спросила я.

— Скоро шесть, — ответил он, взглянув на закатное небо.

— Ой, мне нужно бежать!

— Никуда ты не побежишь. Рис готов. Сначала поужинай! — сказал Кау, удерживая меня за руку.

— Не могу, я обещала.

Кау окинул меня серьезным взглядом:

— Если у тебя важное дело, то тем более надо подкрепиться.

Тут из кухни вышла раскрасневшаяся мама Кау и тоже стала меня уговаривать:

— Добрые слова не заменят доброго угощения. Поешь, детка.

Пришлось сесть и поужинать вместе с хозяевами. Поднос с едой вынесли во дворик. На подносе в большой миске дымилась вареная бататы, в миске поменьше лежали соленые баклажаны, маринованный чеснок и стручки перца.

— А про рыбный соус ты забыл? — напомнила мать сыну.

— Сейчас принесу,— быстро ответил Кау, взял чистую пиалу и пошел в угол дворика, где стоял большой блестящий кувшин, прикрытый фаянсовым тазиком.

Кау осторожно снял тазик, под которым оказался слой сухих банановых листьев, а под листьями — марля. Отодвинув марлю в сторону, Кау зачерпнул пиалой рыбный соус и слизнул языком капли на донышке пиалы. Я еле удержалась от смеха.

Когда мы кончили ужинать, стали надвигаться сумерки. Бамбуковые листочки и нежные зубчатые листья мелии мелко дрожали и еле слышно перешептывались между собой, за верхушками деревьев слабо вспыхивали последние лучи заходящего солнца. Где-то за бамбуковой изгородью стали подавать голос жабы, которым пора было вылезать из своих сырых норок и щелей. Время от времени на меня с размаху садился заблудившийся кузнечик, их было видимо-невидимо в поле за деревней. Своими цепкими лапками кузнечик больно царапал и щекотал мне шею и ухо. Я слыхала, что вечером лягушка может неожиданно прыгнуть в пиалу с соусом или в блюдо с рыбой, однако ничего подобного не случилось. Кау и его мама, оказывается, имели обыкновение ужинать под открытым небом, так что можно было не сомневаться в том, что неприятных сюрпризов не будет.

Поеживав, я побежала к реке. Толстушки Лоан в условленном месте не было. Я уселась возле лодки тетюшки Ан Лак и стала ожидать. Лоан появилась только после семи часов.

— Твоя мама не пускала меня,— объяснила Лоан.

— Почему?

— Она просила меня не уходить, потому что со мною ей не так тоскливо. Пришлось соврать ей. Я сказала, что мне надо сбежать к Журавлю за тетрадь по физике.

— Мама разыскивает меня?

— Да. Она обошла всех знакомых.

— Ну и что?

— Не найдя, она решила, что ты уехала к бабушке в деревню.

— Надо же...— пробормотала я, очень довольная тем, что все так правильно рассчитала.

— Мы вместе с тетей Хань были в больнице у моей мамы, потом взяли в доме капрала Кана мамину одежду,— сказала Лоан.

— Как себя чувствует тетя Лыу?

— Ничего, хотя все тело у нее болит. Она все время плачет, простить себе не может, что не послушалась совета твоей мамы.

— Она согласна, чтобы ты пожила у нас?

— Конечно. Она сказала, что, когда выйдет из больницы, ни за что не вернется к капралу.

Мы помолчали. Потом я спросила:

— Ты ужинала?

— Да. Я съела вареное яйцо и рис с водяным вьюнком¹.

— А я ела вареные бататы с солеными баклажанами. Очень вкусно, хотя и непривычно.

Лоан встревоженно посмотрела.

— Ты голодная? Вот, возьми! — Лоан извлекла что-то из кармана.

Это оказался кулек с конфетами. Не успела я положить в рот конфету, как Лоан достала из другого кармана какой-то пакет и протянула мне.

Я взяла пакет и поднесла к носу — уже было темно.

— Что это? — спросила я.

— Деньги, — тихо ответила Лоан.

Я изумленно вскрикнула и сказала с укором:

— Когда ты успела побывать без меня на острове и взять наши деньги?

— Я там не была, — ответила Лоан, покачав головой. — Это совсем другие деньги. Их тут очень много. Намного больше, чем мы с тобой закопали на острове...

Оглядевшись по сторонам, Лоан прошептала мне на ухо:

— Здесь двести донгов. Одни десятидонговые бумажки.

Я остолбенела. В те годы это была немалая сумма. Наши капиталы, которые мы хранили в тайнике на острове, составляли только пятьдесят донгов. Пачка новеньких бумажек по одному донгу и по пять хао. Даже пятидонговых бумажек мы никогда не держали в руках, а тут десятидонговые... В те годы на три хао можно было купить не так-то мало. Например, один хао стоили три спелых банана, дюжина конфет из жженого сахара или пара пончиков. Одно куриное яйцо тогда продавали за шесть-семь су, а утиное — за донг и один хао. За три хао можно было купить большую пиалу горячей лапши с говядиной. Отсюда легко понять, что двести донгов для нас с Лоан были огромной суммой.

— Откуда у тебя эти деньги? — спросила я. — Кто тебе их дал?

— Никто.

— Тогда где ты их взяла?

---

¹ Листья и стебли водяной ипомеи (водяного вьюнка) широко употребляются вьетнамцами в пищу в сыром и вареном виде.

Мой строгий тон смутил Лоан.

— Напрасно ты меня подозреваешь в чем-то дурном,— сказала Лоан.— Я не сделала ничего плохого. Завтра я тебе все расскажу, а сейчас мне пора, а то тетя Хань будет ругаться.

С этими словами Лоан повернулась ко мне спиной и не оглядываясь побежала назад.

Я засунула деньги в карман брюк. Я всегда была сладкоежкой и носила с собой что-нибудь вкусненькое: жареный арахис, каштаны, кукурузные хлопья, жареный клейкий рис. Именно поэтому я пришивала к брюкам специальный кармашек для сладостей. Никак не думала, что сейчас этот кармашек мне очень пригодится. Я тщательно ощупала швы и убедилась, что кармашек пришит очень крепко, но для большей надежности заколола его булавкой.

Потом я вернулась в бедную хижину Кау и его матери. Кау собиравшийся на рыбную ловлю.

— Возьми меня с собой,— попросила я.

Кау отрицательно покачал головой.

— Нет. Мама сказала, что ты очень устала и ночью тебе надо хорошенько выспаться. Как-нибудь в другой раз пойдешь со мной рыбачить. А сейчас ночная роса может причинить тебе вред,— объяснил Кау и вопросительно посмотрел на мать.

Та с улыбкой подтвердила:

— Он верно говорит. Тебе лучше остаться дома.

Кау посмотрел на меня с победоносным видом.

— Мама, наша гостья — городская жительница, она не привыкла есть бататы, сваренные в мундире,— сказал Кау, обращаясь к матери.— Приготовь для нее и для меня бататы по-городскому, ладно?

Мать Кау ответила своим чистым молодым голосом:

— Не беспокойся, сынок. Иди на рыбалку. Я сделаю, как ты просишь.

Кау взял сачок, удочку, корзину, в которой поместились разные баночки с приманкой. Вид у него был важный и недоступный, как у военачальника перед сражением. Я вдруг позавидовала этому мальчишке. Я тоже хотела бы быть такой же самостоятельной, как он. Мне тоже захотелось научиться какому-нибудь полезному делу, чтобы помогать маме, доставлять радость близким и стать опорой семьи.

Кау ушел, а я долго сидела молча, погрузившись в свои думы. Мои размышления прервал легкий шум: это мама Кау поднялась и пошла на кухню готовить бататы так, как велел

сын. Я пошла за ней. Она отодвинула в сторону котелок с пареными отрубями для поросенка и поставила котелок с бататами. В плите весело трещала горящая полова. Мы держали котелок с бататами на огне до тех пор, пока из него почти не выкипела вода, после чего сунули его в тлеющую полову. Потом мы долго беседовали у теплой плиты. Спать я легла поздно. Я не привыкла ночевать в чужом доме, поэтому мне всю ночь снились сны. Я снова была участницей недавних событий, только во сне в них причудливо вплетались самые фантастические видения. И все-таки я хорошо выпалась. Сон подкрепил меня и принес душевное равновесие, без которого я вряд ли смогла бы спокойно продумать план действий на будущее.

ВСТРЕЧА СО СТАРИКОМ, КОТОРЫЙ ПАС УТОК

Я проснулась в половине девятого. В доме было тихо, разве что шелкали своими длинными язычками геккончики¹, которые бегали по потолку. Вот-вот снова пропоют петухи. Во дворе бродячий кот поймал большого жука и играл с ним. Ни Кау, ни его матери дома не было: они куда-то ушли еще до того, как я проснулась. Они оставили для меня на бамбуковом топчане миску с вареными бататами. Умывшись во дворе, я вернулась в дом и принялась за бататы, потом медленно прошла по деревенской улице, разглядывая дома, сады и огороды. В такое время на деревенской улице всегда безлюдно: все работают в поле. В деревне остаются лишь старухи с маленькими детишками и играющая ребятня. Рядом с общинным домом² и отличным колодцем я увидела детский сад. На веревках сушились детские полотенца. Я понаблюдала за тем, как воспитательница занимается с детишками из подготовительной группы. Один малыш, который сидел в стороне, громко ревел, — видимо, он был наказан воспитательницей. Своим ревом он заглушал ее голос. В конце концов мне надоело бесцельно бродить по деревенской улице, и я решила пойти на поле. Я двинулась по неширокой дороге, которая бежала рядом с оросительным каналом. По этой дороге на поля возили удобрения, а с полей — рис. Передо мной до самого горизонта тянулись зеленые рисовые посадки, залитые водой, на них

---

¹ Геккон — пресмыкающееся из семейства ящериц.

² Общинный дом — дом во вьетнамской деревне, где хранились местные святыни. Служил местом собраний.

белели точками утки, добывавшие себе корм. День был не очень солнечный. По небу плыли легкие облачка, сквозь которые пробивались солнечные лучи, похожие на золотые нити. На меже у края дороги по соседству с зеленой травкой росли бледно-лиловые гелиотропы, они источали нежный аромат, который перемешивался с медвяным травяным запахом. Эти запахи опьяняли, от них кружилась голова. Оросительный канал тянулся через поля ровной-ровной линией.

Глядя на подернутую рябью воду, я вдруг вспомнила одну старинную легенду.

Жил-был на свете маленький принц, который очень любил кататься на лодке. Король подарил принцу красивую лодку с драконом на носу, а солдатам велел вырыть для принца в императорском «запретном городе»¹ небольшой канал. Принцу очень нравилось кататься на своей лодке. Как-то раз одному важному сановнику захотелось подшутить над маленьким принцем. Он сказал принцу: «Любезный принц, на вашей лодке вы доплыли до самого моря». Принц не поверил своим ушам. «Неужели я доплыл до самого моря?» — недоверчиво спросил он. «Так оно и есть», — подтвердил шутник, решивший потешиться над принцем. Но принц засмеялся в ответ счастливым смехом: он в самом деле поверил, что маленький канал посреди императорской столицы — это и впрямь море...

— Наивный маленький принц! — сказала я вслух и с грустью подумала: совсем недавно я была такой же наивной, как этот принц. Теперь я стала куда взрослее, куда сильнее. Размышляя о своей судьбе, я не заметила, как свернула на тропку и оказалась у подножья невысокого холма, на котором стояло старое хлопковое дерево² с толстым шершавым стволом и могучими ветвями. Я подумала, что взрослому человеку не обхватить и полствола. Пора цветения уже прошла, и сейчас дерево было покрыто бледно-зелеными плодами — коробочками с шелковистым пухом. Я вспомнила, что на этом дереве сначала появляются цветы, а потом уже листья. При каждом порыве ветра по листве пробегал задумчивый шепот: одинокий великан тихонько разговаривал сам с собой на своем, только ему одному ведомом языке. Какой у него величественный, царственный вид! А может быть, это вовсе не дерево, а великан из волшебной сказки?

---

¹ «Запретный город» — императорская резиденция, окруженная каменными стенами.

² Хлопковое дерево растет в тропиках, высота его достигает 15 метров и более. Его плоды несколько напоминают коробочки хлопка: внутри коробочек — пух, похожий на тополиный.

Я с благоговением смотрела на чудо-дерево, а в душу снова закрадывалось горькое чувство. Отчего мне так одиноко, так сиротливо среди изумрудного великолепия полей, залитых веселыми лучами утреннего солнца? Все забыли про меня. Я всем чужая... Вон блестит, искрится на солнце вода в арыке. Она торопится куда-то, бежит мимо меня, тихонько что-то бормоча про себя. Ей некогда. А вон гелиотропы наклонили свои нежно-лиловые головки. Им не до меня: они о чем-то шепчутся с пчелами. Я опять взглянула на могучего зеленого великана и на этот раз подумала, что ему совсем не одиноко на этом холме: он о чем-то беседует с небом, с солнышком. А я... С такими думами я стала подниматься на холм, решив посидеть в тени и дожидаться, когда Кау придет из школы. Добравшись до вершины холма, я вдруг увидела на другой его стороне сухонького старичка. Издали старичок чем-то напоминал одного из семи гномов «Белоснежки». На старичке была солдатская гимнастерка времен Сопротивления против французских колонизаторов, надетая поверх коричневых крестьянских штанов с высоко засученными штанинами. Сходство с гномом старичку придавала остроконечная плетеная шляпа. Он сидел в глубокой задумчивости, спокойно положив руки на колени. Рядом с ним лежала длинная палка, к одному концу которой были привязаны сухие банановые листья. «Ясно, этот старичок пасет уток»,— догадалась я, увидев внизу крошечное болотце, в котором ныряли и плескались утки; их было по крайней мере несколько десятков. Уткам явно нравилось это раздолье.

Я направилась туда, где сидел старичок. Он оглянулся, услышав мои шаги.

— Здравствуйте! — вежливо сказала я.

— Здравствуй, девочка,— откликнулся старичок на мое приветствие.

Из-под густых седых бровей на меня с любопытством смотрели живые внимательные глаза.

— Ты откуда взялась?

— Из города,— ответила я и села на травку поодаль.

Утки между тем почувствовали себя настолько вольготно, что стали шумно хлопать крыльями, пытаясь перебраться на рисовое поле. Старичок тут же поднялся, взял свою палку с банановыми листьями и начал ею размахивать и хлопать. Утки с испуганным криканьем тут же повернули назад, на свое болотце. Через минуту они снова с удовольствием плавали и ныряли на отведенном им весьма скромном водном пространстве. Старичок опять уселся и положил палку рядом с собой. Потом он достал из кармана пачку сигарет «Тхудо»—

«столичные». Порывшись в другом кармане, он извлек оттуда блестящую металлическую зажигалку. Мне никогда не приходилось видеть таких миниатюрных зажигалок. Старичок неторопливо вынул сигарету и прикурил от зажигалки. Своими манерами старичок не походил на обычного деревенского жителя, занятого своими утками. И вообще... разве деревенские жители курят сигареты? Конечно же, они курят табак. Когда крестьянину хочется курить, он сначала вынимает табакерку, которую носит в кармане рубахи, потом достает бамбуковую трубку — ее он носит за поясом вместе с трутом и огнивом. Запалив искру, крестьянин, раскуривая трубку, делает несколько глубоких затяжек, потом уже пыхтит трубкой, блаженно прикрыв глаза. Он может дымить своей трубкой так долго, что невольно возникает желание заглянуть ему в горло и посмотреть, не прячет ли он там запас половы? Уж не она ли дымится у него в горле? Когда клубы дыма перестают наконец выходить у крестьянина из горла, он вдруг открывает глаза и начинает разглядывать свою трубку. Он смотрит на нее как на друга, с которым неожиданно встретился после долгой разлуки. Только после этого он ее хорошенько вытряхивает, при этом пепел из нее высыпается хлопьями. Эти хлопья почему-то кажутся мне похожими на жаб, которые выскакивают из рта злой колдуньи.

Такие сцены я наблюдала, когда ездила в деревню к бабушке. Вместе со своими двоюродными братьями и сестрами я бродила по полям, бегала по деревне.

В деревне я видела довольно много интересных вещей. Вот почему старичок, который пас уток, показался мне очень странным, прямо-таки удивительным. Помимо того, что он управлял своими утками весьма своеобразным способом и курил совсем по-городскому, этот старичок еще был очень хорошо воспитан, держался он прямо-таки изысканно. И еще я обратила внимание на то, что руки у него небольшие, изящные, — не то что у крестьян.

«Кто он? Почему он здесь?» — думала я, поглядывая краешком глаза на длинные седые волосы необыкновенного старца, а тот делал вид, что не замечает моих любопытных взглядов, и преспокойно курил сигаретку, изящно пуская колечки дыма. Лицо у него было изборозжено морщинами, морщинки расходились лучиками от уголков глаз.

Вдруг старец повернулся в мою сторону.

— Ну-ка, девочка, садись поближе ко мне! — сказал он дружжелюбным тоном.

Погруженная в свои раздумья, я не шелохнулась.

— Ты слышишь меня? Иди сюда! — повторил он тихо, но настойчиво.

Я подняла голову, и наши глаза встретились. Станный незнакомец смотрел на меня так доброжелательно, что я сразу поднялась и подошла к нему. Он потянул меня за руку, предлагая сесть рядом с ним. Я покорно уселась напротив него.

— Ну, а теперь выкладывай, что с тобой стряслось, — сказал старец очень серьезным тоном. — Что ты здесь делаешь одна? Почему ты не в школе? По твоему лицу видно, что у тебя беда... Не стесняйся, рассказывай по порядку! А вдруг я смогу тебе помочь? Если же я не смогу быть тебе полезен, то по крайней мере твердо обещаю держать язык за зубами. Не беспокойся, твоих секретов никому не выдам.

Я разинула рот от удивления и снова заглянула в глаза необыкновенного незнакомца: они по-прежнему светились добротой и сочувствием. Затянувшись еще раз сигаретой, загадочный незнакомец с рассеянным видом пускал колечки дыма, они медленно уплывали в лазурное небо. Внимательное, сосредоточенное молчание незнакомца действовало на меня сильнее всяких слов: у меня вдруг возникло такое чувство, что этому человеку можно смело довериться. В этом мягком с виду человеке была какая-то особая притягательная сила, он внушал доверие и желание раскрыть перед ним душу. Я уже знала, что расскажу ему обо всем без утайки, но мне надо было собраться с духом. Я молчала, не зная, с чего начать, а когда наконец заговорила, то сама удивилась: на сей раз я рассказывала о своих злоключениях четко и ясно, без лишних подробностей, но и не опуская важных деталей. Возможно, к этому времени я настолько устала от своих переживаний, что теперь могла рассказывать о них спокойно. Незнакомец слушал меня, не перебивая и не задавая вопросов. Пока я говорила, он дважды доставал сигаретку и сосредоточенно курил. Его умные глаза сидели глубоко, прикрытые густыми седыми бровями. Взглядом он как будто подбадривал меня.

Когда я закончила свой рассказ, незнакомец ласково погладил меня по голове и мягко спросил:

— А теперь скажи мне, девочка, правильно ли ты поступила?

— Это вы насчет того, что я заперла Жа в уборной? Конечно, неправильно, но ведь...

— Но ведь он того заслужил? Это ты хотела сказать? — перебил меня незнакомец и засмеялся.

— Я хотела сказать... Я хотела...

— Не надо объяснять, и так все ясно. Я внимательно слушал тебя, а теперь ты послушай, что я тебе скажу. Ты слыхала когда-нибудь такие слова: «Если тебя ударили по левой щеке, подставь правую?» Христиане считают, что эти слова принадлежат Христу, который внушал обездоленным, что они должны покорно и безропотно переносить тяготы жизни, отказаться от всякой борьбы. Представь себе, что было б, если бы наш народ подставил французским колонизаторам правую щеку после того, как они ударили нас по левой щеке? Мы бы потеряли Родину. В книгах по истории нашей страны были бы вымараны имена наших национальных героев. Вы бы ничего не узнали о сестрах Чынг, о воительнице Чьеу, о нашем прославленном Нгуен Хюэ¹. Вас бы заставили заучить фразу: «Наши предки были галлы»². Хочешь верь, хочешь нет, но я запомнил эту фразу еще со школьной скамьи.

Увидев, что я в недоумении вытаращила глаза, незнакомец невесело усмехнулся.

— Ты мне не веришь? При господстве французских колонизаторов в наши головы буквально вдальбливали эту фразу, нас заставляли постоянно твердить: «Наши предки были галлы». Я говорю это тебе для того, чтобы ты усвоила одну истину: и целая нация, и отдельная личность должны уметь постоять за себя, уметь бороться, но... — Здесь незнакомец остановился и окинул меня изучающим взглядом.

Только теперь я заметила, что глаза у него были с хитринкой. В них светились и прыгали веселые огоньки.

— Но... но бороться можно по-разному, — продолжал мой собеседник, — и борьба бывает разная. Борьба с врагом — это одно дело, борьба с ошибками окружающих нас людей — совсем другое. Особенно трудно приходится в тех случаях, когда нужно возразить человеку, который старше тебя по возрасту и занимает более высокое положение. Словом, очень это непросто — бороться с теми, к кому тебе положено относиться уважительно.

— Значит, я должна была молча терпеть издевательства?

---

¹ Имеются в виду сестры Чынг Чак и Чынг Ни — вьетнамские национальные героини. Руководили восстанием лаквьетов (предков вьетнамцев) в 40—43 гг. против китайской империи Хань. Погибли в сражении в 43 г. Воительница Чьеу — национальная героиня Вьетнама. В 248 г. подняла восстание против ига китайских феодалов. Погибла в бою. Нгуен Хюэ — младший из трех братьев Тэйшонов — вождей крестьянского восстания 1771—1802 гг. во Вьетнаме.

² Галлы — римское название кельтов, древних индоевропейских племен, обитавших во 2-й половине 1-го тысячелетия до н. э. на большей части территории Западной Европы и на Британских островах.

Значит, у меня нет никаких прав, кроме права пожаловаться классному руководителю?

— погоди, не спеши,— сказал мой собеседник, положив мне руку на голову.— Разве я сказал, что ты должна была молча сносить оскорбления? Просто надо было вести себя более осмотрительно, от этого ты бы только выиграла.

— А как бы вы поступили на моем месте?

— Я бы потерпел еще немного, чтобы не надеться сгоряча глупостей и чтобы иметь доказательства своей правоты. Недаром говорят: «Не зная броду, не суйся в воду».

Я снова вспомнила, как повела себя у директорши великовозрастная Бой, как она начисто все отрицала, и подумала, что мой собеседник абсолютно прав. Не зная броду, не суйся в воду... В самом деле: разве можно было разоблачить недостойное, позорящее звание учителя поведение Жа, действуя столь наивно и необдуманно?

Мой собеседник между тем продолжал:

— Хочешь доказать свою правоту — наберись терпения, а не лезь на рожон. Я бы на твоём месте прежде всего рассказал о недостойном поведении Жа матери и классному руководителю, поговорил бы с умным, знающим жизнь человеком.

— Но этот Жа открыто издевался надо мной! — воскликнула я в негодовании.

— Согласен,— сдержанно сказал мой собеседник,— но все же если действовать необдуманно, если не припереть такого к стенке, то сам попадешь впросак, сам окажешься виноватым. Ты оказалась именно в такой ситуации: тебя исключили из школы, а этот Жа вышел сухим из воды.

— Сколько в жизни несправедливостей! — воскликнула я со злостью и отчаянием.

Мой собеседник погладил меня по голове и добродушно засмеялся.

— Перестань размахивать руками! Того и гляди стукнешь меня по голове, сделаешь мне больно. Я ведь старый, а ты вон какая сильная! Как бы там ни было, а отчаиваться не надо. Ты права: в жизни много несправедливостей, но ведь много и хорошего. Разве твоя мама не любит тебя? Любит, конечно, но она, по-видимому, относится к разряду людей, которые мыслят слишком прямолинейно и не отдают себе отчета в том, что в жизни встречаются такие сложные ситуации, когда нельзя рубить сплеча. Мама не нашла к тебе подхода — вот ты и убежала из дома. Но все равно мама у тебя хорошая. Что же касается твоего классного руководителя, то он просто замечательный человек. Ты со мной согласна? А этот мальчик,

у которого отец пьяница?.. Забыл, как его зовут. Ах, да, у него девчачье имя Ли. Этот мальчик поступил благородно, ничего не скажешь. А маленький рыбак и его мама? Они оба тоже очень хорошие. Славных людей очень много, они — соль земли. Если бы их не было, то не стоило бы жить. Плохих людей, правда, тоже немало. Но ведь без зла не было бы добра, как без тьмы не было бы света. Если нет ночи, то что такое день? В любом обществе наряду с хорошими людьми обязательно существуют плохие, вот хорошим и приходится с ними бороться. К тому же иным негодяям все сходит с рук! Взять хотя бы вконец распустившегося учителя физкультуры, который решил, что ему все можно. Безобразничает, а прикидывается овечкой. Такие, как он, на все способны. Из чувства мести он может ослабить твою маму и спалить твой дом.

— Тогда... тогда таких надо убивать! — в запальчивости закричала я. — Если бы я жила в те революционные годы, я бы... я бы...

— Погоди, не кипятись! — прервал меня мой собеседник и громко засмеялся. — И не говори глупостей! Не надо путать личные обиды с праведным гневом целого народа, у которого отняли свободу и независимость. Это разные вещи. По сравнению с бедствиями, в которые был ввергнут наш народ, твои злоключения — легкие царапины. Они заживут. Но от тебя все-таки потребуются мужество, чтобы справиться с потрясением. Сейчас тебе надо подумать о будущем. Что ты собираешься делать дальше?

— У меня нет будущего, — убежденно ответила я. — Директорша разослала копии приказа во все школы нашей провинции, так что на моей учебе можно поставить точку. Это конец всего.

— Конец всего? — спросил мой собеседник язвительным и вместе с тем сочувственным тоном. — Моя юность прошла в колониальные времена, при полицейском режиме. Когда мне было семнадцать лет, жизнь казалась беспросветной, и все-таки я считал, что она только начинается.

«Чем же мне теперь заниматься? Продавать мороженое? Или занимать места в очередях и продавать их по пять су, как это делает Рыжая Жаба?» — собралась было я сказать, но тут у меня задрожали губы, лицо исказилось гримасой, а из глаз ручьем потекли слезы.

Удивительный старик ласково погладил меня по голове.

— Не разводи сырости! — сказал он. — Только дождя нам и не хватало... Лучше наберись терпения и выслушай одну историю. Когда-то в пору далекой юности мне попалась книжка

на французском языке, я прочитал ее залпом. В ней рассказывается история одного юноши, которого по ошибке бросили в тюрьму, хотя за ним не было никакой вины. Жизнь в тюрьме не сломила юношу, а, наоборот, закалила его волю. Он стал необыкновенно бесстрашным и дерзким. Он много раз убегал из тюрьмы. Его ловили и возвращали назад и каждый раз подвергали еще более жестоким наказаниям и унижениям. Он получил прозвище «Мотылек». Этот когда-то тихий и робкий юноша не потерял присутствия духа, он не пропал даже тогда, когда оказался на непроходимом болоте, ему был нипочем самый страшный шторм. У этого человека была нестигаемая воля, благодаря которой он сохранял мужество в любой ситуации. Когда все его товарищи отказались от борьбы и смирились с жалкой участью узников, он один вышел в море на плоту, который смастерил из высушенной скорлупы кокосовых орехов, и добрался до берегов Америки. К тому времени он уже успел состариться и поседеть. О своей истории он правдиво рассказал в книге, которую написал на склоне лет. Эта книга принесла ему популярность. Тогда французское правительство — то самое, которое держало его в тюрьме на острове, хотя он не совершил ничего дурного,— предложило ему вернуться на родину — уже в качестве писателя... Вот какие истории случаются на белом свете.

Увидев, что я слушаю, раскрыв рот, необыкновенный старец со смехом спросил:

— Ну что ты на это скажешь?

Я смущенно опустила глаза. Тогда мой новый знакомый спросил:

— А ты читала Горького?

— Конечно! В хрестоматии для девятого класса я читала «Песню о Буревестнике».

— А «Детство» и «Мои университеты» ты читала?

— Не-ет,— в замешательстве призналась я.

— Жаль! Если бы ты прочитала эти книги, ты бы очень многое поняла. Горький — это псевдоним, потому что в жизни писателя было много горького. Когда он осиротел, ему пришлось бродяжничать, с ранних лет он сам добывал себе на хлеб. А книги читал по ночам при свете лампы. Он даже пытался читать при свете луны, отраженного от медной кастрюли,— из этого, правда, ничего не вышло. А вот ты небось читаешь при яркой электрической лампочке, да? Горький освоил множество разных профессий, он не чурался тех, кто оказался на дне общества. Пройдя через эти университеты жизни, Горький научился быть чут-

ким к страданиям других, он научился благородству и великодушию. Он стал писателем с мировым именем.

Я молча слушала необыкновенного старика. Он вдруг заглянул мне в глаза и сказал:

— Думаю, что Горький даже в самую трудную минуту его жизни не сказал бы: «Это конец всего». Никогда не говори и не думай так, даже когда... состаришься.

Мой собеседник стал задумчиво смотреть куда-то вдаль, а я продолжала молчать. Я поняла, что он думает о чем-то своем, и не хотела ему мешать. Да и сама я еще была под впечатлением того, что рассказал мне этот удивительный человек, словно распахнул передо мной двери в будущее, полное героических свершений и светлых радостей. Мои недавние злоключения показались мне пустяковыми. У меня вдруг стало легко на сердце. «Нет худа без добра,— решила я.— По крайней мере, теперь мне не страшны настоящие беды и испытания. Что бы там ни было, надо уверенно идти к своей цели».

На небе ярко светило солнце, оно стало ослепительным. На полях стояла тишина, только тихо веял ветер. Далеко на горизонте медленно плыли легкие белые облачка, словно сказочные овечки вышли попасть на необъятных лугах небесного пространства. Ах, как хочется прикоснуться рукой к их мягкой, прохладной, легкой, как пух, шерстке! Солнечные лучи пробивались сквозь листву могучего хлопкового дерева, мне стало припекать затылок. Я сообразила, что уже полдень и Кау, наверное, пришел из школы. Я вскочила и стала прощаться с необыкновенным старцем, который уже давно пребывал в состоянии глубокой задумчивости. Он словно очнулся от сна.

— Ты пойдешь обратно в деревню? Ну иди, иди...— сказал он.

Я уже собралась уходить, как он вдруг остановил меня:

— Подожди... Чуть было не забыл о самом главном.— С этими словами он достал из кармана своей старой гимнастерки миниатюрную авторучку, она была не больше сигареты.— Скажи мне, как зовут тебя и твою маму, какой у вас адрес, в какой школе ты училась, как зовут твоего классного руководителя. Я постараюсь тебе помочь. Я сделаю все, что в моих силах...

И он записал мелким почерком на пачке сигарет то, что я ему продиктовала.

— Будь мужественной, малышка! Надеюсь, мы с тобой еще встретимся. Обязательно встретимся. Земля ведь круглая. Ты согласна со мной?

Я ответила, запинаясь от волнения:

— От всей души благодарю вас. До свидания. Еще раз огромное вам спасибо.

Старик протянул мне свою сухую, сморщенную руку.

— До свидания, малыш. Желаю тебе счастья и удачи. Запомни то, что я тебе говорил. Это пригодится в жизни.

После этого старик пожал мне руку, как взрослой. Я пошла назад, а он уселся на прежнее место. Я несколько раз оглядывалась, чтобы еще раз увидеть старичка с седыми волосами, казавшегося совсем маленьким на фоне могучего дерева. Издали он был очень похож на доброго старого гнома из сказки «Белоснежка и семь гномов».

КАК МЫ С ЛОАН РЕШИЛИ УБЕЖАТЬ ИЗ ДОМУ

Когда я вернулась в деревню, было около полудня. Оказывается, я беседовала с удивительным старцем по крайней мере три часа.

Кау суетился возле плиты.

— Сегодня мы с тобой будем обедать вдвоем,— сказал он.— У соседки свадьба, мама пошла помочь ей и к обеду не придет.

Он послал меня в огород за перечными листьями.

— Перечные листья нужны для супа с лягушачьим мясом,— объяснил Кау.— Ты когда-нибудь ела такой суп?

— Что ты! — ответила я.

— Ну и зря! — сказал Кау.— Суп с лягушачьим мясом — очень вкусное блюдо. У нас ведь съедобных лягушек называют полевыми курочками.

Когда я принесла перечных листьев, мы с Кау уселись возле плиты, на которой стоял глиняный котелок. В котелке кипело и булькало. Кау объяснил мне, что рыбу, крабы, угря, лягушачьи лапки лучше готовить в глиняном котелке, а не в медном или алюминиевом, потому что глина отбивает неприятные запахи.

— У нас в деревне очень любят суп с крабами, угрем и лягушачьими лапками, но надо знать, какую зелень, какие специи класть в такие супы,— сказал Кау.— Самое главное — это чтобы суп был горячий, только что с огня. Откроешь крышку — из котелка пар пойдет, запахнет разными травками и корешками. Вот что по душе крестьянину. Ну а теперь смотри...

С этими словами Кау открыл крышку котелка. В кипящей воде я увидела кусочки белого лягушачьего мяса и какие-то корешки. Кау заправил суп ложкой соевого соуса, потом бросил

в него горсть мелко нарезанных перечных листьев, убрал котелок с огня и плотно закрыл крышкой. Теперь осталось положить в пиалы рис и приступить к трапезе.

Кау снова открыл крышку котелка и стал угощать меня супом, от которого исходил приятный аромат. Лягушачьи лапки оказались на редкость нежными и вкусными. Правда, я не привыкла есть суп, в котором так много перца, и даже закашлялась.

Пообедав, Кау тут же ушел по делам, а я осталась в доме одна. Я слушала, как точит дерево жучок-древоточец, как цокают язычками гекконы, и думала о своем. Я перебирала в памяти подробности встречи с удивительным стариком, который пас уток. Какие у него добрые и мудрые глаза! «Будь мужественной, малышка, и уверенно иди к своей цели!» — вспомнила я его напутствие.

Я пойду к своей цели. Но какой путь избрать мне сейчас? Бесполезно пытаться поступить в школу в каком-нибудь отдаленном уезде нашей провинции: с моей характеристикой меня нигде не примут. Остаться в родном городе и каждый день видеть, как мои товарищи идут с книжками в школу? Нет, этого я не перенесу. О моем поступке не скоро забудут, меня еще долго будут терзать нравоучениями. Поехать к бабушке в деревню, где я считаюсь примером для подражания? Ну уж нет... Пойти работать на какую-нибудь фабрику? А кто меня возьмет на работу? Ведь для этого я еще слишком мала. И вдруг я подумала: «Как я могла забыть про отца? Вот кто меня защитит!» Отца я всегда очень любила, но погранзастава, на которой он служит, так далеко отсюда, что его не позовешь на помощь в трудную минуту. Почему я вдруг вспомнила об отце только сейчас? А, понятно: с улицы донесся плач какого-то сорванца. Он звал на помощь своего отца: другой сорванец, его же приятель, расквасил ему нос. У меня, как и у этого сорванца, тоже есть отец, мне тоже позарез нужна его помощь. «Папа, папочка, мне так плохо сейчас, — чуть не закричала я. — Папочка, посоветуй: что мне делать? Ты ведь любишь свою маленькую дочурку? Ты не дашь ее в обиду?» Как только отец услышит от меня эти слова, он крепко прижмет меня к своей груди и скажет: «Дорогая моя дочурка, моя маленькая Бе, разве я могу дать тебя в обиду? Я не брошу тебя в беде».

Приезжая в отпуск, отец всегда был со мною очень ласков. Ему хотелось меня обнять, приласкать, а я вырывалась из его рук и убегала к своим друзьям: мне не терпелось похвалиться отцовскими подарками. Я с гордостью показывала им коготь тигра, который висел на шнурочке у меня на шее, что не мешало

мне, между прочим, выговаривать отцу за то, что он курит крепкий табак.

Мама ругала меня:

— Ты плохая дочь!

А отец лишь улыбался своей доброй улыбкой и говорил: — Моя маленькая Бе, пойдешь со мной на речку? Давай искупаемся! Мама писала, что ты научилась запросто переплывать на тот берег. Какая ты у меня молодчина! На нашей заставе все знают, что моя дочурка отлично плавает. Давай посмотрим, кто из нас быстрее доплывет до того берега?

Увы! Отец не часто приезжал домой, а если и приезжал, то ненадолго, и эти счастливые мгновения нельзя было продлить. Интересно, что он сейчас делает на своей погранзаставе среди гор и лесов? Неужели сердце ему не подсказывает, что его дочурка попала в беду, что ей нужна его помощь?

С улицы снова донесся жалобный крик обиженного мальчишки:

— Папа, папочка! А он дерется...

И теперь я уже больше не сомневалась: надо ехать к отцу! Я пробуду у него до конца лета. Мы с ним решим, что делать дальше — в новом учебном году. Я должна набраться мужества и отправиться в далекое путешествие. Я обязательно разыщу погранзаставу, на которой служит отец. «Отец! — закричу я. — Иди встречай свою маленькую Бе!» Отец выбежит мне навстречу. «Уж не сон ли это? — радостно скажет он. — Как это ты догадалась приехать ко мне? Ну и молодчина!»

По-другому я просто не могла представить себе встречу с отцом. На душе у меня вдруг стало легко-легко. Размечтавшись о том, как я приеду к отцу на границу, я незаметно заснула, счастливая и умиротворенная.

Когда я проснулась, было около пяти часов. Уже пришла мама маленького рыбака, она принесла клейкий рис.

— Половину съешь сама, а половину оставь для Кау, — сказала она. — Я порядком устала, зато сыта. Не хочется возиться с ужином.

Рис, сваренный с плодами спелой бальзамки, был очень хорош. Поев, я побежала к реке: в условленном месте я должна была ждать мою верную Лоан. Она пришла минут через пять.

— Как мама? Ей лучше? — спросила я. — Почему у тебя такой унылый вид?

— Маме лучше. Из деревни приехали два маминых брата, они явились к капралу Кану и потребовали, чтобы он вернул ей деньги за дом, но капрал Кан с бранью выставил их вон.

Тогда они стали грозиться, что спалят дом капрала. Дело дошло до того, что кто-то вызвал милицию. В общем, пахнет большим скандалом. Мне очень стыдно за маму и ее братьев.

— Взрослые часто ссорятся и даже затевают драки! — попыталась я утешить подругу. — Они разберутся сами.

Мне не терпелось поделиться с Лоан моими планами. Когда я сказала ей о моем решении, она против всякого ожидания завизжала от восторга. А я-то боялась, что Лоан начнет меня отговаривать!

— Мы поедem вместе! — радостно воскликнула она. — Ты ведь возьмешь меня с собой, да? Здорово придумано!

Я покачала головой:

— Нет, тебе нельзя никуда ехать. Ты должна хорошо закончить учебный год.

— Разве я теперь могу спокойно учиться? Ты превратилась в бродягу, мама лежит в больнице, да тут еще этот скандал... О нем говорит весь город. Мне стыдно смотреть людям в глаза. Даже папашу Тхе я теперь обхожу стороной.

— Не глупи! Как можно ни с того ни с сего бросить школу! Так поступают только сумасшедшие.

— Не надо меня отговаривать, — сказала Лоан и упрямо тряхнула головой. — Я поеду с тобой! Ты всегда мною командовала, я всегда тебе подчинялась. Но на этот раз пусть будет по-моему. — Не успела я ответить, как Лоан пригрозила мне: — Если ты не возьмешь меня с собой, я расскажу твоей маме, где ты прячешься. Поняла? Так что решай.

Никогда еще Лоан не давала мне такого отпора: мне и в голову не могло прийти, что она может быть такой упрямой. Тогда я подумала: пожалуй, надо ей уступить, да и вдвоем куда веселей.

— Ладно, пусть будет по-твоему, — сказала я примирительным тоном. — Но если тебе придется очень трудно, пеняй на себя. Слышишь?

Лоан ужасно обрадовалась и с готовностью сказала:

— Обещаю тебе... Обещаю, что...

Но я не дала ей договорить:

— Ты до сих пор не объяснила мне, откуда у тебя взялись такие большие деньги — целых двести донгов! Если они достались тебе нечестным путем, их надо немедленно вернуть.

Лоан слегка оторопела, потом тяжело вздохнула.

— Когда мама надумала продать дом, — сказала Лоан, — мой дядя, младший брат моего отца, слезно просил ее не делать этого, потому что земля, на которой мама построила дом, раньше принадлежала родителям моего отца, она досталась

отцу по наследству. Но мама и слушать не стала дядю. Дядя пожаловался мне и попросил меня придумать что-нибудь: надо, чтобы он получил свою долю из тех денег, которые мама должна была выручить от продажи дома. Он хотел поставить алтарь для поминовения души своего усопшего брата, моего отца¹. Дядя говорил, что по слабости здоровья — он у нас инвалид — ему не под силу тягаться с таким пройдохой, как капрал Кан. Тогда я решила разузнать, где капрал Кан прячет деньги. Как-то раз я выследила старшего сына капрала Кана в тот момент, когда он, крадучись, направлялся к баньке. Озираясь по сторонам, он сунул под черепицу какой-то сверток. Я сразу догадалась, что в свертке — деньги. Сыновья капрала Кана постоянно крадут у него деньги — это я давно заметила. Когда этот мерзкий тип ушел из дому по своим делам, я достала сверток и спрятала в другом месте. Обнаружив пропажу, он долго крутился возле баньки, но поднять шум не решился. Эти деньги я хотела отдать дяде, но сейчас они нужнее тебе...

Я слушала Лоан с болью в сердце, потому что хорошо помнила ее отца, который работал в мастерской механиком. Какой это был добрый человек! Красивый и сильный. Почему он так рано, так неожиданно ушел из жизни? Я помню, какие у него были крепкие руки. Он часто подбрасывал Лоан в воздух. И меня тоже. Мне так нравилась его белозубая улыбка. Он любил играть с нами в лошадки. Лошадкой, конечно, был он сам. Помню, как мы с Лоан залезали ему на спину и по-нукали: «Но-о! Но-о!» Разве справедливо, что хорошие люди умирают так рано? Его брат был деревенским кузнецом. Он получил увечье и стал сильно хромать. К несчастью, он очень стыдился своей хромоты. Если какой-нибудь соплиивый мальчишка или, что еще хуже, деревенская девчонка обзывали его хромоножкой, он ужасно смущался и краснел. Куда такому человеку тягаться с капралом Каном! Представляю, как он горюет из-за того, что земля, доставшаяся его покойному брату по наследству, уплыла в чужие руки. Тем более что брат пролил на этой земле немало пота.

Лоан прервала мое молчание:

— Ну что ты скажешь?

— Ладно, будем считать, что эти деньги принадлежали твоему отцу, — сказала я, тяжело вздохнув. — Нам они очень пригодятся... А алтарь для поминовения твоего отца мы все равно поставим.

---

¹ Во Вьетнаме в старину существовал культ предков, который не изжит и теперь. В домах и сейчас можно увидеть алтари, посвященные умершим.

После этого мы с Лоан стали обсуждать, какие вещи нам надо приготовить для нашего будущего путешествия. Прежде всего следует взять одежду, особенно теплые брюки, потому что в горах бывает очень холодно. Лоан должна разыскать у меня в доме конверт с адресом отца, адрес надо переписать. Мама однажды ездила к отцу на погранзаставу, мне тогда было девять лет. Лоан придется купить для меня полотенце, зубную щетку, зубную пасту, а для моего отца — табак, мятные пастилки, цукаты, нитки и иголки, конверты с марками, бумагу. Потом надо утащить из дома алюминиевый котелок, — на случай, если нам придется готовить себе еду.

Я сказала Лоан:

— Даю тебе на все три часа. Успеешь? Ровно в девять часов жди меня на этом месте: нам ведь надо еще откопать наш клад. В путь отправимся завтра утром. Понятно?

Лоан слушала меня, затаив дыхание. В глазах у нее появился лихорадочный блеск. У меня тоже дрожали коленки: впервые в жизни я отправляюсь в такое далекое путешествие. Лоан побежала в город, а я вернулась в дом к Кау, попросила у него листок бумаги и написала письмо маме.

«Дорогая мамочка!

Я причинила тебе массу страданий и очень переживаю. Прости меня, мамочка! Завтра я отправляюсь в дальний путь. Мне придется надеяться только на себя, на свое мужество. Верь мне, мамочка: я снова стану хорошей дочерью и любимицей папаши Тхе. Не бойся за меня. Что бы ни случилось, я останусь такой же честной и прямой. Не болей и не переживай за меня. Я уверена, что мои друзья меня не забудут. Передай от меня наилучшие пожелания всей нашей родне.

Твоя дочь Ву Тхи Бе.

P.S. Лоан едет со мной. Скажи тете Лыу, чтобы она не беспокоилась за нее».

Я сложила листок бумаги вчетверо и положила в карман брюк. Потом достала пачку денег, которую мне дала Лоан, вынула из нее тридцать донгов и сунула под подушку, лежащую на кровати Кау. После этого я пошла к реке — ее мы ласково называли Зеленой речкой. Сейчас придет Лоан, и мы отправимся на остров. Завтра на рассвете мы пойдем на станцию, что в пяти километрах от города, и сядем в поезд — в городе мне появляться нельзя. Там же, на той станции, я опущу письмо. Мама получит его, когда мы будем уже далеко.

«О небо! — воскликнет мама.— Глупая моя малышка, как ты могла оставить свою маму одну? Где ты сейчас, куда ты уехала?» Мама заплачет и уронит голову на стопку ученических тетрадей.

«Мамочка, я не так глупа, как тебе кажется. Не бойся за меня: я не пропаду, не затеряюсь в этой жизни»,— мысленно сказала я маме и почувствовала, как по моим щекам потекли слезы.

Прощай, Зеленая речка! Я тебя никогда не забуду. Прощай, остров Золотой Цветок, хранитель наших сокровищ и наших детских секретов! Прощай, родной город! Пусть вас минуют беды и печали — я так люблю вас. Пожелайте и мне удачи. Завтра я отправлюсь в далекое путешествие, которое, конечно, не обойдется без приключений.

Часть Вторая

УРОК, КОТОРЫЙ НАМ ПРЕПОДАЛИ В САМОМ НАЧАЛЕ НАШЕГО ПУТЕШЕСТВИЯ

Пассажирами поезда, на котором мы начали наше полное приключений путешествие, были главным образом торговцы и торговки, завсегдатаи местных рынков. Этот поезд полз, как черепаха, и подолгу стоял на каждой станции, терпеливо дожидаясь пассажиров. Из равнинных районов торговый люд устремлялся в горные края за сушеными бататами и сушеным маниоком, которые пользовались спросом накануне сбора нового урожая риса; за сушеными ростками бамбука¹, древесными грибами и шампиньонами, тоже сушеными; за клейким рисом и коричневым корнем². В горы же везли из равнинных районов рыбный соус, вяленую рыбу, соленые креветки, иголки и цветные нитки, красители и многое другое. Каждый норовил поудобнее устроиться со своими товарами, загромождая пространство вокруг себя. Я впервые ехала на поезде, и поэтому мне все было в диковинку, хотя в первые минуты у меня потемнело в глазах от всей этой сумятицы, от непривычного многолюдья, от оживленной болтовни и шумных ссор. Не говоря уже о том, что я не сразу притерпелась к запаху бетеля, который жевали пассажиры, к кислому запаху потных тел и к зловонию, исходившему от туалетов в начале и в конце вагона. И ко всему прочему, мы с Лоан впервые в жизни оказались без материнской опеки и теперь должны были полагаться только на себя. Когда раздался протяжный паровозный гудок, я и Лоан задрожали от волнения. Вагоны вздрогнули и с грохотом ударились друг о друга. Пассажиров так потрясло, что они едва не повалились

---

¹ Молодые ростки бамбука — деликатесный пищевой продукт.

² Коричневый корень, или сарсапарель, — растение, из корней которого вьетнамцы готовят коричневую краску. В коричневый цвет вьетнамские крестьяне обычно красят домотканые ткани, из которых шьют свою одежду.

со своих лавок. Паровоз выпустил облако белого пара, которое взметнулось в синее небо, и потащил за собой старенькие вагоны.

Мы с Лоан сидели рядышком. У нас были билеты, дававшие нам такие же права, как и другим пассажирам, однако нам не повезло: нашей соседкой оказалась толстая-толстая торговка рисом, по ее милости нам пришлось забиться в угол и сидеть, тесно прижавшись друг к другу, освободив место для ее необъятных телес.

— Эй, детвора! Потеснитесь! — шуганула она зычным голосом, и мы тут же послушно выполнили ее приказ, а она привычным движением достала из своей сумки бетель и принялась его смачно жевать, одновременно громко болтая со знакомыми торговками.

Я стала смотреть в окно. Уже бежали назад знакомые рисовые поля, на которых мы не раз ловили рыбу¹, уже показался оросительный канал, где были гнездовья диких уток: мы иногда наведывались туда за утиными яйцами. А вон и круглый зеленый холм, тот самый, на котором стоит хорошо знакомая пагода. В саду при пагоде мы лакомились сладкими персиками и спелыми красно-оранжевыми плодами папайи. Настоятельница пагоды — добрейшая женщина, а вот старый служка — сущий дьявол. Это он запер меня в темном, пропахшем плесенью чулане и продержал там без еды целые сутки. Я перевела взгляд на подернутую легкой рябью гладь канала, прямого, как стрелка. С этим каналом связано много воспоминаний, потому что наша школа помогала его рыть. Нахлынувшие на меня воспоминания разбредили душу, и мне не хотелось ни с кем говорить. Лоан тоже сидела молча: наверняка она тоже думала о чем-то своем. Когда поезд въехал в первый тоннель, глаза у меня уже были на мокром месте. Мне ни за что не хотелось обнаружить свою слабость перед подругой, поэтому я высунула голову в окно и стала незаметно утирать соленые слезы, градом катившиеся по щекам.

Когда кончился тоннель, по обеим сторонам полотна потянулись невысокие холмы, которым не было конца. Притупившиеся к склонам холмов селения издали были похожи на большие зеленые апельсины.

Вдруг я услышала жалобный детский голос:

— Тетеньки, помогите мне разыскать мою маму! Я потерял ее сегодня утром... Ма-а-ма! Ма-а-мочка! Куда ты пропа-а-ла?

Пассажиры уже сладко дремали под мерный, убаюкива-

---

¹ Когда рисовые поля заливаются водой, там заводится рыба.

ющий стук колес, а сидевшая рядом с нами толстуха торговка давно спала богатырским сном. Из ее широко раскрытого рта вырывались звуки, похожие на шипение кузнечных мехов. Ее приятельницы тоже крепко спали, уронив головы на грудь, поэтому жалобный детский голос привлек внимание лишь немногих.

— Ма-а-мочка, где ты? Отзовись, ма-а-мочка! — жалостно вопил худенький чумазый мальчуган лет двенадцати.

Вдруг он заревел так громко, будто ему ни за что ни про что наподдали. У мальчугана были блестящие черные глаза, обрамленные длинными ресницами. Взгляд этих глаз ни на ком не задерживался, он был прикован к чему-то невидимому. Это невидимое непонятным образом принесло мальчонке беду и оставило его наедине с этой страшной бедой. Худенькие плечики содрогались от рыданий. На парнишке была грязная, изрядно поношенная рубашка в полоску, а не прикрывавшие колен штаны настолько истрепались, что своей бахромой напоминали одеяние дикаря. Вдобавок ко всему, волосы у него сильно отросли и торчали лохмами на затылке, что усиливало сходство с представителем дикого лесного племени. Среди пассажиров нашлись такие, которых тронул жалкий вид парнишки, — это были солдаты, студенты и, конечно же, я и Лоан. Кто-то сочувственно спросил:

— А ты сам откуда?

— Из деревни Леша, это в уезде Хынгйен. Отец бросил маму, и она решила отвезти меня в Лангшон к своему брату, но утром она куда-то пропала... Ма-а-ма!

Закончив свой короткий рассказ, парнишка снова жалостно заревел и стал громко звать маму. Его жалобный голос надрывал душу.

Какой-то молодой парень ласково погладил его по голове:

— Как же ты ухитрился потерять мать, если вы ехали вдвоем? Ты ведь не какой-нибудь глупый несмышлениш!

Мальчуган бросил на парня быстрый взгляд и живо ответил:

— Я заснул, и мама тоже заснула. До этого она сказала, что утром поезд приедет на станцию, там можно купить хлеба. Она хотела сбежать за хлебом. Когда я проснулся, поезд стоял на станции, а мамы уже не было... Поезд тронулся, а мама так и не пришла. Ма-а-ма!.. Ма-а-мочка! Где ты?

Парнишка принялся плакать еще безутешнее. Женщины, сидевшие недалеко от нас, строили догадки:

— Может быть, мать увезла его подальше от дома и бросила, потому что не могла его прокормить?

— Может, она нашла себе нового мужа и решила отделиться от парня, чтобы развязать себе руки?

— Не болтайте глупостей! Послушать вас, так можно подумать, что такие безжалостные встречаются на каждом шагу! Даже тигрица — и та любит своих детенышей, а мать и подавно...

— Тогда почему же этот мальчишка оказался беспризорным?

Каждый строил свои предположения, у каждого были свои догадки.

А мальчуган между тем моргал заплаканными глазами и размазывал грязь по залитому слезами лицу. Один военный достал из кармана бутерброд с мясом и протянул мальчонке:

— Ты небось ничего не ел со вчерашнего вечера? Возьми, поешь! Для начала надо утолить голод.

— Спасибо, дяденька! — ответил мальчуган, но бутерброд не взял. — Найдите мне мою маму! Ма-а-ма!

Отказываясь от еды, мальчуган как бы машинально огляделся по сторонам, в его взгляде сквозила полная безнадежность. Кто-то тихонько заметил:

— Видно, он из хорошей семьи. Такой голодный, а о еде не думает. Все его мысли о матери. Чего только не бывает в нашей жизни!

А мальчонка словно не слышал, что о нем говорят. Неожиданно он остановил свой взгляд на мне. В его взгляде я прочла и удивление, и надежду на сочувствие, и понимание — ведь мы были сверстники. Дети вообще легко находят общий язык друг с другом. И тут я предложила:

— Поезжай с нами до Лангшона, раз у тебя там дядя. Еды на троих у нас хватит.

Женщины живо поддержали меня:

— Вот и правильно. Садись-ка поближе к этим девочкам, ехать вместе вам будет веселее. В Лангшоне мы проводим тебя до отделения милиции. Не плачь, твоя мама найдется...

Парнишка молча посмотрел на нас, потом покосился на толстуху торговку; она продолжала храпеть с широко раскрытым ртом, и ее сейчас не волновало ничего на свете.

Сердобольная толстуха Лоан с готовностью полезла за нашей сумкой, в которой было много всяких вкусных вещей: и пироги с рубленным жареным мясом, и колбаса, и лепешки из сваренного на пару клейкого риса, и поджаренный рис с медом.

— Видишь, сколько у нас еды! — сказала Лоан. — Голодным мы тебя не оставим!

Мальчонка притих и нерешительно сел напротив нас. Как ни уговаривала Лоан нашего нового подопечного хорошенько подкрепиться, он взял только кусок пирога из клейкого риса с мясной начинкой. В глазах мальчика застыла такая тоска, что мы с Лоан сочли неудобным приставать к нему с вопросами.

А наш поезд все бежал по рельсам. Мерно стучали вагонные колеса: тук-тук, тук-тук. За окном по-прежнему проплывали холмы, но теперь они были повыше. Вдали уже виднелись скалистые горы, у подножья которых зеленели леса. Деревни, похожие издали на огромные зеленые апельсины, больше не попадались, им на смену пришли горные селения, которые лепились к склонам высоких холмов или прятались в долинах. Поначалу я не могла оторвать глаз от незнакомых пейзажей, но монотонный скрежет вагонов и мерный стук колес отвлекали от дум, усыпляли. Я почувствовала, что у меня тяжелеют веки и глаза начинают слипаться. Тогда я прислонилась головой к спинке сиденья и задремала. Сквозь открытое окно до меня доносилось дуновение ветерка, который приятно охлаждал кожу и ласково трепал волосы. Ветер приносил с собой чудный запах рисовых полей и далеких садов. Мне приснилось, что я лечу на гнедом скакуне. Красавец конь легко несет меня на своей спине, а вокруг громоздятся синие горы — как в далеком пограничном районе, где служит мой отец. Конь поднимает меня на вершину высокой-высокой горы — там, я знаю, должна быть пограничная застава. У заставы конь веселым ржанием оповещает о моем прибытии. Ржание отдается эхом в горах, нарушая тишину сурового края. Я вижу площадку с мачтой, на которой полощется флаг, а чуть поодаль стоит постройка из бамбука. Оттуда выходит мой отец и быстро идет навстречу, он радостно кричит на бегу: «Ко мне приехала моя дочурка, моя маленькая Бе! Ну не молодчина ли? — обращается отец к своим товарищам-пограничникам. — Взяла и приехала к нам на заставу!»

Я почувствовала, как кто-то потряс меня за плечо, но, к моему удивлению, это был не отец. Я протерла глаза и увидела толстую торговку с губами, красными от бетеля. Это она трясла меня за плечо и громко кричала мне в ухо:

— Подъезжаем к станции Войсо! Вам с подругой надо сходить?

— Да нет же, нам еще очень далеко ехать.

Толстушка Лоан сладко потянулась и встрепенулась. Судя по всему, она спала таким же безмятежным сном, как и я. В это время из репродуктора раздался строгий женский голос:

— Уважаемые пассажиры, наш поезд прибывает на станцию Войсо. Перед выходом из вагонов проверьте свои вещи. Выходя из вагонов, соблюдайте порядок. Не задерживайте движения при выходе, быстро проходите вперед. Соблюдайте порядок, дожидайтесь своей очереди, не создавайте суеты — ею могут воспользоваться дорожные воришки.

Наши молодые и пожилые соседки повскакивали со своих мест и принялись торопливо проверять свои карманы, мешки и корзинки. Им не терпелось водрузить себе на плечи коромысла с поклажей и скорей сойти с поезда. Я высунула голову в окно, чтобы разглядеть станцию. Отсюда начинались уже предгорные районы. Вдруг я услышала испуганный голос Лоан:

— Ой, Бе! А где же наш рюкзак?

Я обернулась, задрала голову вверх и с ужасом убедилась, что на багажной полке нашего рюкзака нет. Рюкзак с одеждой и со всеми необходимыми для путешествия вещами непонятным образом исчез. Только тут я обратила внимание на то, что мальчугана, потерявшего маму, тоже нигде нет, а ведь он сидел напротив нас и тихонько всхлипывал. Теперь залилась слезами толстуха Лоан:

— Все пропа-а-ло... Вся одежда, все вещи... Что нам теперь де-е-е-лать? А-а-а...

Я вспомнила, как совсем недавно складывала в рюкзак свою летнюю и зимнюю одежду и барахлишко Лоан. В рюкзаке был и конверт с планом дороги до заставы. В рюкзаке лежала масса вещей, которые мы с Лоан купили для моего отца и его товарищей: нитки с иголками, ментоловое масло, пуговицы, почтовые марки, мятные пастилки от кашля, цукаты с лакрицей, килограмм постного сахара — я слыхала, что все это нужно бойцам на погранзаставе в горах. Я даже прихватила для отца толстую книгу, чтобы он читал в свободное время. Но это еще не все: вместе с рюкзаком исчезли и запрятанные туда деньги, а также серебряная танцовщица, которую подарила толстухе Лоан ее бабушка. О небо, мы разом лишились всего нашего состояния! А оно представлялось нам немалым... Отправляясь в это полное риска путешествие, я уж никак не могла предположить, что с нами приключится такая беда. Куда проще было представить, что где-то на далеком перевале нам повстречается тигр или из густых зарослей возле дороги выскочат разбойники, — я слыхала, что в прежние времена в лесах укрывались разбойники, которые отнимали у путников деньги! Кому могло прийти в голову, что беду нам принесет шуплый на вид мальчишка!

Лоан между тем уже плакала навзрыд.

Мне потребовалось сделать над собой усилие, чтобы тоже не зареветь вместе с ней,— я просто не могла себе позволить уронить себя в глазах подруги.

Как-никак, это я взяла на себя роль вожака, и поэтому мне не пристало отчаиваться. Лоан тем временем все плакала, и это заметили наши соседки, они стали участливо расспрашивать, что у нас случилось, а когда узнали, в чем дело, то немало подивились.

— Вот тебе нá... Оказывается, нынешние воришки сумеют сыграть роль не хуже знаменитых киноактеров! А я-то уговариwала этого мошенника поестъ! — в изумлении говорила одна из женщин.

— А ведь с виду такой приличный, такой смиреннький... Кто бы мог подумать, что он жулик!

Толстая торговка, которая сидела рядом с нами, презрительно скривила потрескавшиеся губы:

— Эх, вы, простаки! Как это вы не догадались меня разбудить? Я бы мигом выставила этого малолетнего прохвоста из вагона! Я-то его знаю! Он попадаетсá мне на глаза всякий раз, когда я еду мимо здешних мест. То он изображает, будто потерял мать, то жалуется, что его выгнал из дома злодей отчим, то прикидывается, будто его обобрали в пути и он, бедняга, оставшись без вещей, без денег, собирает на билет до дому... Те, кому приходится ездить на этом поезде по торговым делам, знают этого парня как облупленного, поэтому он остерегается иметь с нами дело: едва увидит, тут же улепетывает. А вас он ловко провел. Попадись он мне под руку, я бы оттрепала его за уши так, что у него глаза на лоб повылезли...

Закончив свой монолог, торговка сплюнула бетель и направилась к выходу. На прощание она сказала нам:

— Это вам, глупышки, наука наперед! Вы из порядочных семей, таких, как вы, разные жулики и мошенники только и высматривают. А их нынче развелось немало. Будете легковверными — пропадете!

Я удрученно смотрела на сумку с едой, которая стояла у нас под ногами, и мучительно раздумывала: продолжать путь или возвращаться назад? Большая часть дороги впереди, а нас уже успели обогнуть, надеяться нам не на кого, и ждать от кого-либо помощи не приходится. Не лучше ли уж вернуться в наш городок, где нас ждут наши мамы? Но что мы скажем соседям, учителям, товарищам? Представив, какие сочувственные, какие любопытные взгляды они будут бросать на нас, я замотала головой. В конце концов меня и Лоан будут гладить

по голове и утешать примерно так: «Эх, вы, мечтательницы! Недаром говорят: небо лягушке, сидящей на дне колодца, кажется не больше его крышки! Хорошо, что вовсе не пропали, скались...»

А может быть, нам скажут вот что: «Сидели бы себе дома да кур растили, помогали бы матерям по дому. А то еще молоко на губах не обсохло, а тоже мне, путешествовать, видите ли, отправились».

Представив себе, что мне, вполне возможно, придется выслушать такое, я вспыхнула от стыда. Неужели я и впрямь ни на что не способна? Я вспомнила жизнь Горького. Ему приходилось зарабатывать на жизнь и мусорщиком, и чистильщиком сапог, и поденщиком... И все-таки он стал великим писателем, имя которого известно всему миру. А если и я попробую жить, как Горький? Не потому, что меня манит писательская слава, а потому, что мне нужно раздобыть денег на дорогу до далекой погранзаставы, где служит отец.

Я сказала Лоан решительным тоном:

— Перестань реветь! Слезами горю не поможешь. Ничего, найдем выход из положения.

И я шепнула Лоан на ухо, что у нас еще есть сто семьдесят донгов. Это из тех денег, что дала мне Лоан, из тех самых двухсот. Тридцать донгов я тогда оставила Кау и его матери, а остальные сто семьдесят зашила в специальный карманчик в брюках. На эти деньги мы сможем купить по смене одежды и даже по ватнику. На то, что останется, будем жить: конечно, на еду придется здорово экономить, иначе нам не хватит на автобусные билеты до Каобанга. От Каобанга, правда, надо еще добраться до Кхауфай, где находится погранзастава, но об этом пока рано думать. Лоан перестала плакать и слушала развесив уши. Она вообще привыкла во всем полагаться на меня. Надо сказать, что нрав у нее был беспечный и она была неспособна на долгие раздумья.

Не прошло и десяти минут, как Лоан окончательно успокоилась, достала из сумки колбасу и принялась с аппетитом ее уплетать. Увидев на холме горного козла, она захлопала в ладоши и весело засмеялась. Я тоже подкрепилась, но беспокойные мысли не шли у меня из головы. Впереди нас ждала полная неизвестность. Я с тревогой думала о том, чем закончатся наши приключения. За окном вагона проплывали покрытые зелеными джунглями горы. На их склонах еще играли лучи послеполуденного солнца, а из глубины джунглей уже выползала темная мгла. В вагоне загорелись тусклым красноватым светом электрические лампочки, запрятанные в ме-

таллические сетки. Пассажиры успели и поесть, и вдоволь наговориться друг с другом и теперь мирно дремали. Лоан уронила голову ко мне на плечо и тихонько посапывала. А мне было не до сна. Я сидела и смотрела в окно на причудливые очертания гор. Не промелькнет ли там огонек? Бабушка говорила мне, что тому, кто увидит в ночной тьме огонек, будет сопутствовать удача. Когда наш поезд вползал в горное ущелье, я вдруг увидела огонек — крошечную ярко-красную точку, мерцавшую в ночной долине. Похоже, это одинокий путник освещал себе путь факелом. Ему, конечно, и в голову не могло прийти, что своим факелом он зажег свет надежды в душе перепуганной девчонки: в ту минуту я поверила, что отныне мне будет сопутствовать удача.

У ЧУЖИХ ЛЮДЕЙ В ЧУЖОМ ГОРОДЕ

Около двух часов ночи поезд подошел к незнакомой станции. Пассажиры еще продолжали дремать, когда из репродуктора раздался громкий голос:

— Наш поезд прибывает на конечную станцию. Выходя из вагонов, соблюдайте порядок. Не задерживайтесь, проходите вперед. Не создавайте сутолоки — она на руку карманным воришкам.

Голос прозвучал сердито, — видимо, говорившему смертельно хотелось спать. Поезд замедлил ход, потом резко затормозил и остановился. Торговки, стоявшие в проходе, повалились друг на дружку. Обругав машиниста, они стали выходить из вагона. Мы с Лоан подождали, когда народ разойдется, и тоже направились к выходу. В этот момент около нас оказался юноша, который всю дорогу ехал в одном с нами вагоне.

— Держитесь около меня, — сказал он, — сдастся мне, что в этом городе у вас нет ни знакомых, ни родственников.

Я живо откликнулась:

— Очень вам благодарны.

Но где-то в глубине души у меня возникли сомнения: а можно ли верить этому юноше? Дело в том, что за всю дорогу он не перекинулся с нами ни единым словом: тогда, когда напротив нас усадили хнычущего мальчугана, оказавшегося воришкой, и даже тогда, когда обнаружилось, что нас обокрали. Он почти все время рассеянно смотрел куда-то в сторону и не вступал в общую беседу. Впрочем, его отделяли от нас еще две лавки с пассажирами, поэтому мы не успели к нему приглядеться.

Из вагона выбрались все пассажиры, кроме нас и незнакомого юноши. Ступеньки у вагона были очень высокие, поэтому он сошел первым, а потом по очереди помог нам спуститься, легко подхватив на руки. Потом он взял нашу сумку с едой, которая заметно полегчала, и сказал со смехом:

— В этой сумке все ваше имущество? Маловато... Знаете, когда я был маленьким, меня тоже однажды обворовали. Ловкая воровка сумела заговорить мне зубы. Я пошел за ней, поверив, что она и в самом деле собирается купить мне конфет и пирожных, а она, оказывается, втиралась в доверие, чтобы снять у меня с шеи серебряную цепочку — материнский подарок.

— А что было потом?

— Мать как следует всыпала мне, так, что урок запомнился на всю жизнь. Ладно, хватит об этом, лучше смотрите под ноги, а то свалитесь в ущелье.

От станции к городу нужно было спускаться по ухабистой дороге, которая шла круто вниз. В сущности, это была не дорога, а горная тропа — ширина ее не превышала и двух метров. Когда-то она была покрыта белым щебнем, но дожди сделали свое дело, и от щебня мало что осталось, зато из-под земли вылезли могучие корни вековых деревьев. Чуть ли не на каждом шагу попадались валуны — деревья мешали им скатиться вниз. На станции не светился ни один фонарь, поэтому мы пробирались в темноте. Стрелочник, у которого в руках был фонарь со стеклами трех цветов — зеленого, красного и желтого, отправив поезд, тут же скрылся в комнате, где продавали билеты, плотно затворив за собою дверь. Так что нам светили лишь звезды, да еще внизу, под горой, там, где проходила шоссейная дорога, мерцали огоньки придорожных харчевен. Мы спускались вниз, цепляясь за нашего проводника, а торговцы и торговки, местные жители, которые несли свою поклажу на коромыслах, чувствовали себя совершенно уверенно — им было не привыкать ходить в темноте по этой дороге. Мы с Лоан с интересом прислушивались к непонятной для нас речи местных жителей.

— Это китайцы, — сказал наш проводник. — Чувствуете аромат табака? Они привозят к нам в горы табак из Донгмо.

Я потянула носом и уловила вместе с ароматом табака запах пота и запах вьючных лошадей, которые привычно брели вниз, цокая копытами. Наконец впереди неподалеку показались огни харчевен. Большие харчевни освещались газовыми рожками, харчевни поменьше довольствовались каждая двумя-тремя ке-

росиновыми лампами. В харчевнях хозяйничали люди, одетые в черную одежду с матерчатыми пуговицами. Они зазывали посетителей сразу на нескольких языках:

— Кто там с ночного поезда? Милости просим. Подкрепитесь лапшой! Есть и пресная, есть и острая, лапша у нас очень вкусная!

— Не угодно ли рису с мясом под сладким соусом, с жареными бобами и соленьями? Заходите, заходите! Милости просим!

Эти слова говорились по-вьетнамски, затем по-китайски, затем на языке тай, затем на языке нунг.

Наш молодой проводник разъяснил:

— Некоторые из содержателей харчевен могут говорить и на других языках: лоло, шанзиу, шанти. Среди тех, кто промышляет здесь, есть знатоки многих местных языков.

Наш спутник привел нас в маленькую харчевню, освещенную двумя керосиновыми лампами. Хозяйкой оказалась молодая женщина с коротко стриженными волосами. На ней была синяя блуза с подрубленным воротничком, застегнутая на матерчатые пуговицы. Лицо хозяйки нам показалось добрым.

— Здравствуй, Муй! Накорми-ка меня и моих племянниц!

Хозяйка приветливо улыбнулась:

— А, это ты, Као! Здравствуй, здравствуй! Давненько мы с тобой не виделись. Где это ты обзавелся племянницами?

Као хохотнул в ответ:

— Разве ты не знаешь? У моей сестры куча ребят. Не угостишь ли ты меня моим любимым блюдом?

Хозяйка закивала головой:

— Конечно, конечно! Первый раз ты его попробовал года четыре назад, да? Еще могу предложить тебе мясо с кисло-сладким соусом, хочешь?

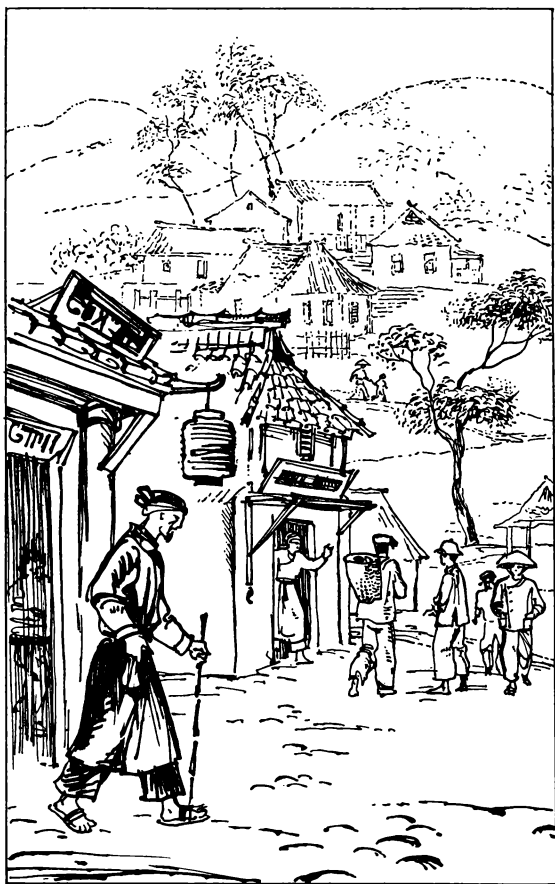
— Как не хотеть! И не забудь угостить нас соевым пирогом с начинкой из жареного мяса! Сегодня я устраиваю маленький пир!

В это время в харчевню толпой повалили посетители, судя по всему, торговцы. Они расселись вокруг стола на трех длинных скамьях, напоминающих школьные. Хозяйка проворно подала нам кушанья, затем поспешила к новым посетителям.

Као между тем подобрал две пары палочек для еды и протянул одну пару мне, а другую Лоан.

— Ну, племянницы, принимайтесь-ка за еду! Чувствуйте себя как дома! — сказал он с доброй улыбкой. — Вы приехали издалека, проголодались с дороги, так что здешнее угощение

вам покажется вкуснее домашней еды. Насколько я понимаю, вы вздумали попутешествовать. Не так ли?

Као посмотрел на нас, хитро прищурившись, однако с лица его не сходила приветливая улыбка. Глядя на его доброе лицо, я вдруг позабыла про недавние огорчения и страхи, его веселость передалась мне, и с моей души словно камень свалился. Еда в маленькой харчевне пригласла нас по вкусу, но самым изысканным и диковинным оказалось любимое блюдо Као — черные плоды дерева чам, фаршированные мясом. Торговцы и торговки, сидевшие за большим столом, смачно чавкали и хлюпали. Они заказали вино и пили его не чарочками, а целыми чашками. Мне и Лоан, не привыкшим к запаху вина, стало не по себе. Наши соседи громко смеялись, демонстрируя золотые и серебряные зубы, блеск которых почему-то вызывал у нас жуткое чувство. Женщины чесали у себя в голове, а мужчины скребли бритые затылки. После обильной еды нам захотелось чаю. Пока мы пили чай, в харчевне появились новые посетители. Као расплатился с хозяйкой и сказал нам:

— А теперь надо где-то устроиться!

Мы взяли нашу сумку и вышли на улицу. «Где мы можем устроиться?» — подумала я с тоской, глядя на длинную каменистую улицу, на которой не было ни одного прохожего. Правда, время от времени в полутьме раздавался стук колес — это ехали повозки с поклажей. Освещены были только харчевни. На больших харчевнях висели таблички с надписью: «Здесь можно остановиться на постой. Пять донгов за койку».

«Отдать пять донгов за ночлег? Нет, это нам не по карману! Для нас пять донгов — целое состояние, — подумала я, — особенно после того, как нас обобрали». Као словно угадал мои мысли.

— Я тоже далеко не богач, — сказал он. — Платить за ночлег целых пятнадцать донгов — это нам слишком дорого. К тому же скоро начнет светать. А эти постоялые дворы просто кишат клопами, можно запросто подхватить какую-нибудь заразу, тогда беды не оберешься. Давайте лучше устроимся где-нибудь на чужой веранде! Я расстелю кусок брезента, мы сядем рядышком и немного вздремнем. Хорошо?

Само собой разумеется, мы тотчас согласились. Као подвел нас к дому с крышей из старинной черепицы, окруженному широкой открытой верандой, и выбрал место, куда доходил свет от находившейся неподалеку харчевни.

В тот момент лучшего убежища мы бы не нашли. Као достал из своей дорожной сумки кусок брезента и расстелил его. Он

снял с себя ремень и привязал дорожную сумку к своей ноге, потом развернул плащ и укрыл им нас и себя. Мы прижались друг к другу и тотчас задремали, но не прошло и часа, как я проснулась, потому что сильно продрогла. Плащ, увы, совсем не согревал! А толстушка Лоан между тем крепко спала: ей было тепло, потому что она сидела посередине. Као тоже спал. Видимо, он не чувствовал холода, потому что под рубашкой у него было теплое белье. Только одна я дрожала от холода: в горной местности ночи, оказывается, чересчур прохладны. В харчевнях уже не горел свет, они закрылись одна за другой. Все погрузилось в ночную мглу. На фоне темного неба очертания домов напоминали зубы крокодила, широко разинувшего жадную пасть. Там, где кончались улицы, начинались горы. Устремившиеся ввысь таинственные, неприступные громадины ночью наводили на меня ужас. Слышно было, как в ущельях воет ветер. Время от времени в ночи раздавался жалобный крик какой-то птицы, от этого крика мое сердце судорожно сжималось и замирало. Я уже больше не могла сомкнуть глаз и сидела, вперив взгляд в темноту. Вдруг мне почудилось, что на меня надвигается отвратительное страшилище с ощерившейся пастью, похожее на динозавра, изображение которого я видела в школьной лаборатории. Страшилище словно спрыгнуло с картинки и грузно шагало по дороге, покачивая своей огромной длинной-предлинной шеей, напоминающей подъемный кран. А с другой стороны ко мне подкрадывались дикари, — эти были похожи на неандертальцев и кроманьонцев, про которых мы учили в школе. Дикари вылезли из своих пещер в недоступных скалах и явились сюда, в наше укрытие. Один из них потряс меня за плечо своей косматой рукой и сказал:

— Что ты тут делаешь? Не хочешь ли пойти с нами? Ну, вставай!

От ужаса я не могла пошевелить ни рукой, ни ногой. В этот момент ко мне и в самом деле приблизилась темная человеческая фигура. Сердце у меня бешено заколотилось и готово было выскочить из груди. Я хотела окликнуть нашего Као, но язык у меня словно присох к горлу. Приблизившийся ко мне человек оказался высоким, сутулым парнем. Он пошатывался, будто пьяный, но от него не пахло вином, и он не бормотал себе под нос, как это делают пьяные. Он медленно переставлял ноги и слегка размахивал неестественно длинными руками, похожими на палки, кое-как привязанные к вытянутому туловищу. Сначала я хотела закричать, чтобы парень убирался, но потом почему-то раздумала и стала ждать, что будет дальше. Я почувствовала острый запах пота, который исходил от парня.

При слабом свете звезд я разглядела прикрывавшие его лохмотья. А он между тем подошел совсем близко и молча устоялся на нас. Постояв так минуту-другую, он вдруг тихонько запел:

У меня есть кошечка —
По двору гуляет.
У меня и домик есть —
Лаком весь сияет.

Потом он не спеша удалился, напевая на ходу свою песенку и скоро исчез в глубине улицы. Уже после я узнала, что это был сумасшедший, всем хорошо известный в городе. Я приложила руку к груди и почувствовала, как бьется мое сердце.

«Эх, ты, трусиха!» — подумала я и вспомнила мою бабушку, которая называла меня трусихой всякий раз, когда я просила ее проводить в уборную во дворе! Сама я идти туда не решалась, потому что на меня наводила ужас тень от старой смоковницы, что росла в углу двора. Я боялась привидений, а бабушка сердилась и называла меня трусихой.

Пока я досадовала на себя, проснулись и, как по команде, запели петухи. «Четыре утра!» — подумалось мне. Натерпевшись за ночь всяких страхов, теперь я понемногу успокоилась и уже не боялась темноты. Силуэты домов, которые совсем недавно казались мне громадными зубами неведомых страшшилищ, больше нисколько не пугали меня. Я даже подумала, что человеку нужно уметь осваиваться в любом месте и превозмогать свои тревоги и страхи. С этими мыслями я подобрала под себя ноги так, что уткнулась носом в коленки, — в этой позе не так холодно, — и не заметила, как уснула. На этот раз я спала недолго, но без кошмаров.

Когда Као разбудил нас, из-за гор на востоке выглядывало солнце, но кругом еще блестели капли росы. Все вокруг просыпалось и наливалось красками утренней зари, словно только что распустившийся цветок. Солнечные лучи разогнали ночные призраки, и теперь я любовалась удивительной красотой этого горного края. В домах распахнулись двери. Хозяева харчевен наводили чистоту и уже приглашали первых посетителей. Ночью я не заметила, что харчевни украшены красными китайскими фонариками, оставшимися с прошлогоднего праздника Средины осени. Хотя красный шелк успел выцвести, тем не менее эти фонарики радовали глаз. На шкафчиках с печеньем, конфетами и чаем красовались синие и красные китайские болванчики. Уже шли на рынок жители городка. Среди них было

много китайцев в пестрых национальных одеждах, но преобладали таи и нунги, которые носили одежду цвета индиго. В зеленой траве на крутых улицах переливались всеми цветами радуги капли росы, там и сям красовались лиловые и красные шапки каких-то неведомых мне цветов. Освещенные лучами утреннего солнца вековые деревья щеголяли свежей зеленью своих густых крон. Као повел нас в харчевню, где готовили манты, и купил нам по три штуки на завтрак. Потом он пошел на автобусную станцию, а нам велел дожидаться его. Мы еще допивали ароматный зеленый чай, а он уже вернулся.

— Придется оставить вас одних, мой автобус уходит через полчаса, — сказал он и добавил: — А автобус до Каобанга будет только через три дня. Советую вернуться в ту харчевню, где мы с вами ужинали, и попросить тетю Муй, чтобы она дала вам переночевать. Она добрая и в беде вас не оставит.

После этого Као достал кошелек, порылся в нем и протянул нам деньги:

— Вам со мной не повезло! К сожалению, я не богат. Вот вам тридцать донгов на расходы. При случае напишите мне письмо. Запомните: Фам Ван Као, Геологоразведочный институт. Группа...

Я взглянула на тощий кошелек Као и отрицательно покачала головой:

— Большое спасибо, но деньги мы у вас не возьмем. Похоже, вы беднее нас.

Као широко улыбнулся своим белозубым ртом:

— Я буду на месте уже сегодня, а вам еще добираться много дней. Так что берите смело. Ишь ты, маленькая, а с характером! — сказал Као, обращаясь ко мне, ласково погладил меня по голове, потом достал клочок бумаги и стал что-то быстро писать.

Я думала, что он пишет свой адрес, но он писал записку для Муй из харчевни, в которой мы ужинали.

Потом Као протянул мне исписанный клочок бумаги:

— Отдайте эту записку тете Муй. Она вам поможет. А теперь мне пора, желаю вам удачи! Ну пока!

Не выслушав наших слов благодарности, Као подхватил свою дорожную сумку и быстро зашагал в сторону автобусной станции. Мы так растерялись, что не двинулись с места, а лишь смотрели ему вслед. Ветер трепал волосы нашего спутника и воротничок рубашки. Больше мы с ним никогда не встречались. Адрес, который он нам сказал на ходу, мы, конечно, не запомнили, потому что в ту минуту были слишком взволнованы предстоящим расставанием. Но в моей памяти навсегда

осталось его лицо с широкой белозубой улыбкой. Он появился и исчез из виду, как появляются и исчезают в туманной дымке на горизонте вершины далеких гор.

Если бы толстушка Лоан не позвала меня, я бы еще долго пребывала в оцепенении.

— Послушай, Бе! — потянула она меня за руку. — Пойдем к тете Муй! Прочти-ка, что написал про нас Као.

Я взяла из рук Лоан записку, которая каким-то образом оказалась у нее, и стала разбирать стремительный бисерный почерк Као.

«Дорогая Муй! Я не имею возможности задержаться здесь, хотя к тебе по-прежнему питаю самые лучшие чувства. Ведь мы с тобой самые добрые друзья, да? Пользуясь случаем, хочу попросить тебя об одном одолжении. Речь идет об уже известных тебе девочках, которые ехали со мной в одном вагоне. У них украли все вещи, а им предстоит добираться до самого Каобанга. Будь добра, приюти их у себя на несколько дней. Надеюсь, моя просьба не огорчит тебя. Заранее тебе очень благодарен. При случае обязательно загляну».

Я бережно расправила смятый клочок бумаги, который, как я понимала, был для меня и Лоан чем-то вроде амулета. Потом мы с Лоан пошли в сторону вокзала — туда, где харчевни работали почти круглосуточно, обслуживая шумный торговый люд. По дороге Лоан начала хныкать: она, видите ли, уже успела проголодаться! Я знала, что это выдумка: просто ей захотелось снова полакомиться мантами. Действительно, манты в здешних местах на редкость вкусные, такие манты могут готовить только китайцы. Разве можно сравнить с ними манты, которые готовят в нашем городе? У нас делают слишком грубое тесто! Я купила для Лоан одну штуку, а себе покупать не стала, сказав Лоан, что сыта. Я помнила, что должна расходовать деньги очень экономно, ведь наше путешествие наверняка не обойдется без новых непредвиденных приключений. Толстушка Лоан смутилась. С пристыженным видом она протянула мне половину того, что было куплено ей одной, но я решительно отказалась и только после долгих уговоров съела крошечный кусочек, чтобы не слишком огорчать мою Лоан.

В харчевню тети Муй мы пришли как раз в тот момент, когда она вытирала столы и занималась уборкой. Я вежливо поздоровалась с ней и протянула ей записку Као. Пробежав ее глазами, она бросила веник, уселась на стул и стала с любопытством нас рассматривать.

— У вас украли все вещи? И сами вы, стало быть, вовсе не племянницы Као? А кто у вас в Каобанге? Родственники? — забросала нас вопросами тетя Муй.

Я обстоятельно ответила на каждый вопрос. Выслушав меня, тетя Муй сказала:

— Конечно, я могу приютить вас на несколько дней, если только вы у меня ничего не стащите. Ясно?

У меня перехватило дыхание от обиды: никто еще не говорил мне таких грубых, жестоких слов. Я почувствовала, как мое лицо заливается краской стыда, а уши словно оглохли от звона. Мне понадобилось немало усилий, чтобы взять себя в руки и с достоинством ответить:

— Мы не воровки. До свидания.

С этими словами я взяла нашу сумку и направилась к выходу.

Тетя Муй, видимо, поняла, чтохватила через край. Она бросилась за мной и сказала примирительно:

— Я сказала глупость. Не надо на меня обижаться.

Мне не терпелось поскорее уйти, но Лоан вдруг взмолилась:

— Бе, ну куда ты? погоди!

Она, видимо, не на шутку перепугалась, сообразив, что нам совершенно некуда приткнуться. Ей, конечно, вовсе не хотелось опять проводить ночь у чужого порога, тем более что теперь рядом с нами не будет такого надежного человека, как Као. Мне стало жаль подругу, да к тому же было боязно лишиться пристанища в чужом городе, среди чужих людей.

И я решила вернуться.

Тетя Муй сказала:

— Ну вот и хорошо! Судя по вашему виду, вы из приличных семей!

Я все еще чувствовала себя несправедливо обиженной. Мне хотелось сказать: «Да, я из хорошей семьи. Более того, моя мама — учительница, а не какая-нибудь трактирщица, которая только и знает, что бегают с подносом вокруг всяких торговцев и торговок». Но мне не оставалось ничего, как молча проглотить обиду.

В тот день и во все последующие дни мы с Лоан помогали тете Муй по хозяйству, прибирали в харчевне, мыли посуду, чистили ростки бамбука, рвали в огороде овощи, ошипывали кур и уток. За это тетя Муй вполне прилично нас кормила и пускала ночевать у себя в кладовке. Наша хозяйка жила одна. Это обстоятельство мне показалось странным: по моему разумению, в ее возрасте если не живут одним домом с родителями, то отделяются от них, выйдя замуж и обзаведясь детишками.

Но тетя Муй жила совсем одна. Мы были не настолько знакомы с нею, чтобы спросить напрямик о причине ее одиночества. Впрочем, как-то раз к ней заявился незнакомый мужчина, в руках у него был туго набитый чемодан. Он приехал на велосипеде с моторчиком и сразу прошел в дом. Тетя Муй тут же дала нам с Лоан два донга:

— Сходите на рынок, купите себе инжиру. Погуляйте до вечера.

Мы пришли ровно в шесть часов: в это время харчевня начинала наполняться посетителями, прибывшими с вечерним поездом. Незнакомец к этому времени уже исчез. Больше никто из друзей к тете Муй не приходил. Я почему-то не могла себе представить, чтобы такой человек, как Као, мог водить дружбу с хозяйкой харчевни, хотя обращалась она с нами не так уж плохо.

Автобус на Каобанг ходил раз в три дня, но нам снова не повезло: сильными паводками размыло дороги в горах, в одном месте произошла катастрофа, поэтому местное транспортное управление объявило, что автобусные рейсы временно отменяются из-за ремонтных работ. Уже пошел седьмой день с тех пор, как мы приехали в этот город, а нам с Лоан не оставалось ничего иного, как ждать у моря погоды. Я не находила себе места от нетерпения и каждый день бегала на автобусную станцию, чтобы узнать, нет ли новостей. Но пока ничего обнадеживающего узнать не удавалось. Между тем погода нас не баловала. Лоан уже несколько раз говорила, что пора обзавестись теплой одеждой, но я никак не решалась на дополнительные расходы, так как боялась, что денег не хватит на билеты и на еду в пути: ведь предстояло добираться до далекой пограничной заставы в Кхауфай. Я решила купить себе и Лоан лишь по паре брюк да по блузке каждой на смену тем, что были на нас. В итоге от наших ста семидесяти донгов и тридцати, которые нам дал Као, осталось сто пятьдесят четыре. Если купить два стеганых ватничка по тридцать шесть донгов, рассуждала я, то у нас будет только семьдесят два донга. Допустим, мы посадили бы себя на голодный паек, истратив деньги на билеты до Каобанга, но на что бы мы стали питаться, пока доберемся от Каобанга до заставы? Лесными кореньями да ключевой водой? Нет, это исключено! Тхать Сань¹, оказавшись в подобной ситуации, и не подумал бы

---

¹ Т х а т ь С а н ь — герой популярной вьетнамской сказки. Рано осиротев, он поселился в дупле большого дерева, собирал и носил на продажу хворост, а питался тем, что находил в лесу.

унывать, а мы... Мы — другое дело. Мы были городскими жительницами и ни за что не отличили бы съедобных лесных плодов от ядовитых. И хотя мне нравились рискованные затеи и приключения, я четко понимала, чего я могу, а чего — нет.

На восьмой день вдруг подул холодный северо-восточный ветер. Продрогшая Лоан беспрестанно хныкала, я тоже стала мерзнуть, кожа покрылась пупырышками, и я почувствовала, что вот-вот заболею. Делать нечего: пришлось пойти в магазин и купить два ватничка из синего сатина в красный горошек. В этих ватничках мы с Лоан выглядели точь-в-точь как девочки-подростки из этого затерявшегося в горах городка. Если бы мы остригли спереди волосы и обзавелись челками, то нас уже невозможно было бы отличить от китаянок, предки которых давно поселились в этих местах. Тетя Муй сказала, что ватнички нам очень идут. А у меня на сердце кошки скребли, потому что с оставшимися деньгами мы вряд ли смогли бы продолжить наше путешествие. Долго ли еще нам служить на побегушках у хозяйки харчевни на улице Торговых гостей?

Шли дни, и в душе у меня копилось раздражение против всего того, чем я занималась в харчевне. А тетя Муй не скрывала своей радости: с тех пор как ей довелось заполучить двух помощниц, она готовила и продавала в два раза больше против обычного, и доходы ее, соответственно, заметно увеличились. Лоан все это мало трогало. Со мной она чувствовала себя в безопасности, не говоря уже о том, что ненавистный капрал Кан теперь был очень далеко, чему она искренне радовалась. Правда, Лоан скучала по своей маме и иногда даже принималась плакать, но быстро утешалась, находя себе какое-нибудь развлечение. Надо сказать, что в развлечениях у нас недостатка не было. У здешней детворы водились деньги. Одни покупали себе для забавы обезьянок, другие дрессировали кошек и собак, учили их ездить на детских велосипедах, устраивали всякие цирковые трюки. Лоан с восторгом принимала участие в этих играх, а я старалась оставаться в стороне. Однажды я чуть было не набралась храбрости и не попросила тетю Муй заплатить нам с Лоан за наш труд: ведь нам нужны деньги на дорогу. Но когда дело дошло до прямого разговора, я вдруг смутилась и ничего толком не смогла сказать. Здешние дети ухитрялись добывать деньги весьма несложными способами: они продавали пассажирам кипяток, а также плоды гуайявы и инжира, которые рвали в горах. Мы не могли последовать их примеру, так как все дни работали в харчевне тети Муй. В конце концов у меня возникло ощущение, что нас водят за нос. Когда я уже совсем было пала духом и потеряла надежду

выпутаться из этой истории, все вдруг разом переменялось. Недаром говорят: беда приходит неожиданно, а счастье нежданно.

КАК СУДЬБА СВЕЛА НАС С НЕОБЫКНОВЕННЫМ ЧЕЛОВЕКОМ

Тот день мне запомнился на всю жизнь. Утро было очень холодное. Я проснулась рано, потому что сильно продрогла. Надев новый ватничек, я не мешкая принялась за уборку. Тетя Муй еще спала. Теперь она вставала попозже, потому что привыкла к тому, что мы с Лоан неплохо управлялись по хозяйству. Лоан встала сразу после меня, она подтащила к порогу корзину и принялась чистить ростки бамбука. Говядина с тушеными ростками бамбука нравились посетителям, и это блюдо они заказывали чаще других. Занимаясь каждая своим делом, я и Лоан болтали о недавней ссоре между тетей Муй и хозяйкой соседней харчевни и не заметили, как у порога появился посетитель. Это был пожилой мужчина, одетый так, как одеваются местные жители: на нем были штаны и куртка цвета индиго, а в руках он держал вещевого мешок такого же цвета.

Увидев нас, посетитель удивился:

— Вот это здорово! Муй доверила вам свое хозяйство? А сама она где?

— Тетя Муй еще спит. Не подать ли вам чаю? Можно с лепешкой. К сожалению, больше ничего нет, потому что все блюда тетя Муй будет готовить позже, к утреннему поезду. Он приходит в половине десятого...— быстро ответила я.

Пожилой посетитель спокойно положил свой вещевого мешок на стул и внимательно оглядел меня.

— Я бы не отказался от чашечки чая с медовой лепешкой,— сказал он.

Я бросила веник, помыла руки и налила посетителю чаю, потом оторвала медовую лепешку из тех, что были нанизаны на веревочку и висели на стене, положила ее на тарелку и подала посетителю. Он с довольным видом кивнул, отхлебнул глоток чая, откусил кусочек лепешки и не спеша разжевал.

— Послушайте, девочки! Вы недавно тут появились? Я был здесь с месяц назад, но тогда тетя Муй заправляла всеми делами одна. Вы с равнины?

— Да, оттуда,— ответила Лоан и объяснила: — Мы вовсе не собирались задерживаться в этом городке. Мы держим путь

в Кхауфай, это в ста километрах от Каобанга, но и до Каобанга не так просто добраться, а тут еще нас обокрали в поезде. Без одежды, без вещей, почти без денег мы застряли в этом городишке.

— Вам нужно добраться до пограничной заставы в Кхауфай? — задумчиво спросил посетитель, нахмутив густые седые брови. — А зачем?

— Мы должны разыскать дядю Тунга, отца моей подруги Бе, — ответила Лоан, показав рукой в мою сторону. — Дядя Тунг — капитан, начальник погранзаставы в Кхауфай. А вам приходилось бывать в пограничном районе?

— Нет, не приходилось, — ответил пожилой посетитель, отрицательно покачав головой. Доев лепешку и допив чай, он спросил: — Тетя Муй — ваша родственница?

— Нет.

— Сколько вам платит тетя Муй за работу?

— Она нас кормит и дает ночлег.

— И только?

Седые брови пожилого незнакомца поползли вверх. Он пошарил в кармане куртки, достал трубку и табак, затем не спеша набил трубку табаком и закурил, пуская колечки белого дыма. В это время проснулась тетя Муй: было слышно, как она подошла к большому котлу с водой, принялась умываться и полоскать рот.

Пожилой посетитель оглядел меня и Лоан добрым взглядом:

— Мне самому не приходилось бывать в Кхауфай, но в тех местах служит пограничником мой племянник. Кхауфай, Кхауфат, Ньонгле, Фиакхоанг — это погранзаставы в краю неприступных скалистых гор. Одним вам туда не добраться, а работать задаром в харчевне тети Муй нет смысла, да и неинтересное это дело. Я живу один. Вы обе — девочки вежливые, воспитанные, мордашки у вас умненькие, так что не помочь вам — грех. А что, если вам поехать ко мне? Будем вместе работать на горном поле, ходить на охоту, ловить рыбу в горной речке. А я напишу письмо своему племяннику-пограничнику, пусть он возьмет увольнительную и придет за вами — уж он-то сумеет доставить вас на заставу. Ну как, согласны? Лоан и я переглянулись и поняли, что думаем одно и то же. Этот пожилой человек с первой минуты расположил нас к себе. Мы слушали его, затаив дыхание от восторга. Разве могли мы отказаться от такого предложения? Как раз в этот момент появилась тетя Муй с полотенцем на плече. Незнакомец без всякого предисловия стал излагать ей свой план, а мы с Лоан снова слушали с замиранием сердца. Мне вдруг пришло

в голову: «Рано или поздно нам все равно придется уехать отсюда, и тогда доходы тети Муй сократятся». Но я никак не ожидала, что слова незнакомца приведут ее в такое возбуждение. Лицо у нее стало красное и недовольное.

— Нет, нет, я не согласна! Као поручил мне присмотреть за этими девочками в его отсутствие. Пока не придет Као, об этом и речи быть не может!

Незнакомец забарабанил пальцами по столу и сказал с укором:

— И это называется «присмотреть»! Девчонки поднимаются ни свет ни заря и гнут на тебя спину, а хозяйка тем временем нежится в постели. Тебе даже в голову не приходит, что ты задолжала им по несколько десятков донгов. Точно таким же образом помещики «присматривали» за арендаторами...

Тетя Муй оторопела, от неожиданности она лишилась дара речи. Судя по побагровевшему лицу тети Муй, незнакомец не на шутку рассердил ее. А сам он между тем строго посмотрел на нас с Лоан и приказал:

— А вы собирайтесь! Живо!

Встречаясь на своем жизненном пути с разными людьми, я выросла и набиралась ума. Подобно лисе, которая безошибочно чувствует добычу, я научилась безошибочно распознавать хороших, честных людей и людей дурных, нечестных. Стоило мне взглянуть в глаза этому совершенно незнакомому мне пожилому человеку, как я безошибочно поняла, что на него можно смело положиться. Он словно могучее вековое дерево, к которому можно безбоязненно прислониться. Я отнесла во двор веник, потом собрала наши немудреные пожитки и сложила их в ту сумку, которая сначала была предназначена для хранения запаса еды на дорогу. В ней вполне уместилась наша старая одежда, а новую мы надели на себя и, конечно же, нарядились в ватнички. Все, что осталось от наших денег, было зашито в потайном карманчике моих брюк. Мы подошли к тете Муй:

— Мы пойдем, тетя Муй. Спасибо за все, что вы сделали для нас. До свидания, тетя Муй!

Несмотря ни на что, мне хотелось видеть в тете Муй человека, сделавшего нам добро, хотя на самом деле она использовала нас только для того, чтобы потуже набить свой кошелек.

Тетя Муй ничего не ответила, а лишь нахмурилась с видом оскорбленной добродетели.

Тогда я еще раз вежливо попрощалась с нею. На этот раз она нехотя кивнула головой, а наш новый знакомый, заплатив

за чай и медовую лепешку, вскинул на плечо свой вещевого мешок и сказал:

— Ну, пошли!

Мы двинулись вдоль улицы мимо харчевен, украшенных китайскими фонариками. И эти фонарики, и красные и синие китайские болванчики, с которых давно не вытирали пыль, теперь мне показались такими праздничными, такими нарядными. Мне казалось, что деревья тянулись ко мне своими ветвями, прощаясь со мной. Я думала про себя: «Рано или поздно на жизненном пути каждого из нас встречаются добрые, сердечные люди, и в конце концов каждому из нас улыбается удача».

Наш новый друг шел так быстро, что мы не поспевали за ним. Пройдя несколько десятков шагов, он останавливался и ждал нас.

— Сейчас мы идем на рынок,— пояснил он,— а после полудня отправимся в горное селение. Сегодня ярмарка. В такой день здешние юноши и девушки очень хорошо поют.

Узнав, что мы пойдем на ярмарку, я пришла в восторг. Лоан тоже стала прыгать и резвиться, как трехлетнее дитя. Наш новый друг поинтересовался, как нас зовут, сколько нам лет. Мы по очереди рассказали ему о себе, не утаив ни одного секрета,— даже того, что в потайном карманчике моих брюк зашито немного денег, о которых не знала тетя Муй. Когда я извлекла эти деньги из потайного карманчика и протянула нашему новому другу, он улыбнулся доброй улыбкой и ласково погладил меня по голове.

— Маленькая глупышка,— сказал он,— этих денег не хватит даже на новогодние пироги, а на дорогу до заставы и подавно.

Он сунул деньги в свой вещевого мешок, а когда мы пришли на ярмарку, то истратил на нас в три раза больше, чем мы накопили для нашего путешествия. Сначала он повел нас в харчевню к китайцу, где угостил знаменитой лапшой с лимонным соком. Потом мы отправились в другую харчевню, где нам подали восхитительные манты. После этого он показал нам, как веселятся на ярмарке местные жители. Ведь в этом краю живут народы, об обычаях которых мы мало что знаем. Юноши играли на свирелях — кхенах, чинно прогуливались с девушками, потом юноши пели шуточную песню, а девушки отвечали им; их пение напоминало наши казао¹, хотя, конечно, мы не понимали, о чем они поют, а их напевы показались нам

---

¹ К а з а о — народные песни, напоминающие русские частушки.

печальнее и монотоннее наших. Новый знакомый повел нас туда, где в огромных котлах готовили местное праздничное блюдо. Котлы были до краев наполнены буйволятиной, кониной и говядиной — все это бурлило и пенилось, тушилось в жиру.

Наш друг пояснил:

— А под слоем мяса обязательно должны быть кости, без них бульон не будет наваристым.

Местные жители, придя на ярмарку, располагались вокруг котлов с бурлящим варевом. В котлах булькало, от костров шел едкий дым. Продавец вылавливал кусок мяса, наливал черпаком полную пиалу бульону и протягивал очередному покупателю, тот с шумом выпивал бульон, а потом расправлялся с сочным, вкусным мясом. Но меня стало подташнивать от распространявшегося вокруг запаха говяжьего жира, и я поспешила предупредить нашего друга:

— Ой, такая еда для меня непривычна!

— Для меня тоже, — ответил наш друг с веселым смехом и успокоил меня: — Не бойся, я не собираюсь угощать тебя насильно.

Тогда я сказала тоном, полным недоумения:

— Как же так, вы — житель этих краев, а местные блюда для вас непривычны!

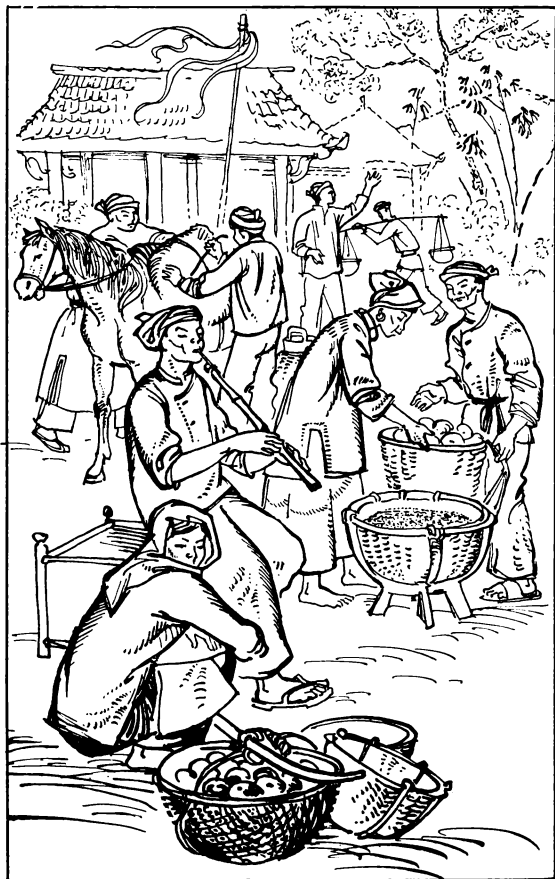
— А тебе не хочется узнать, как меня зовут? Мое имя Мок, что, как известно тебе, на нашем с тобой языке означает «плотник». Случилось так, что я рано остался круглым сиротой. Дядя по матери, который был плотником, ходил по деревням и зарабатывал на жизнь плотницким делом. Он стал брать меня с собой и мало-помалу я тоже научился плотничать. Меня редко называли по имени, а все больше звали плотником. Так ко мне и пристало имя Мок. Женился я на девушке из здешних мест, она слыла красавицей из красавиц, а ткать она умела лучше всех девушек в округе. Жена родила мне двух дочерей. Два года спустя после битвы за приграничный край¹ пришли французы и убили всех жителей нашего селения. Я уцелел только потому, что был на охоте. С тех пор я живу бобылем и ни разу не был у себя в родных краях. Я не поехал туда даже после восстановления мира². Да, забыл сказать, что родился я в Кесате. Наверняка вам, девочки, не приходилось там бывать.

— Нет, не приходилось, — подтвердила я. — Мне вообще не

---

¹ Битва за приграничный край — территорию Вьетнама, прилегающую к Китаю, произошла в 1950 году.

² Восстановление мира во Вьетнаме в соответствии с Женевскими соглашениями было осуществлено в 1954 году.

приходилось уезжать из города, в котором я родилась. Правда, меня возили к бабушке, но она живет всего лишь в пятнадцати километрах от нашего города.

Дядя Мок — так я теперь буду называть нашего друга — продолжал:

— Живу я в здешних краях давно, но так и не привык ко многим местным кушаньям. А вот дичь я люблю, только ее надо уметь приготовить. Сходим на охоту — угощу вас дичью, приготовлю так, что пальчики оближете.

Дядя Мок повел нас по галантерейным лавчонкам и купил уйму полезных и нужных мелочей: иголки, цветные нитки, мелки, писчую бумагу, ручки и чернила, металлические пальцы. Потом зачем-то накупил множество дешевеньких браслетов всех цветов. Я удивленно спросила:

— Зачем вам столько браслетов? Вы хотите их перепродать в селении?

— Я их перепродам вам, глупышки,— со смехом ответил дядя Мок.

В довершение всего он купил нам по ватничку и по паре теплых брючек из такого же плотного блестящего сатина. Хотя стежки на этих вещах казались грубыми, зато сатин был очень хорош. После дядя Мок повел нас по лавчонкам, где продавали сухой рыбный соус, сушеные креветки и еще что-то. Он купил всего по килограмму и сложил в корзинку из сыти¹, которую извлек из своего мешка. Я уже больше ничему не удивлялась, потому что поняла, что дяде Моку нравятся кушанья и приправы, которые он ел в далеком детстве. И хотя он прожил в горном краю несколько десятков лет, у него не пропал вкус к вьетнамской пище,— в этом смысле он так и остался типичным вьетнамским крестьянином из равнинных районов.

— Ну, девочки, чем вас угостить напоследок? — спросил дядя Мок, когда мы стали выбираться из шумных и пыльных ярмарочных рядов.

— Ничего больше не надо, у нас и так животы раздулись,— поспешно ответила я.

Тем не менее дядя Мок еще угостил нас водой со сладким сиропом и только после этого мы отправились в путь: теперь нам надо было добраться до горного селения, в котором жил дядя Мок.

— Нам далеко идти? — спросила толстушка Лоан.— За сколько часов мы дойдем?

---

¹ Сыть, или циперус,— растение семейства осоковых. Во Вьетнаме из сыти делают корзинки, циновки, шляпы и многие другие вещи.

— Это довольно близко, да только не для моих ног. Я, как видите, хожу медленно. Когда устану, сделаем привал. Если за день не доберемся, остановимся где-нибудь на ночлег. У меня в каждом селении полно друзей.

Я бросила на Лоан сердитый взгляд:

— Если боишься дальнего пути, так оставалась бы в харчевне у тетушки Муй!

Дядя Мок испугался, что Лоан обидится, и тут же одернул меня:

— Не надо так разговаривать с подругой! Она ведь только поинтересовалась, далеко ли идти. Ну, а теперь в путь! Сначала надо выбраться из города, а там пойдем напрямик.

Уже наступил полдень, солнце немилосердно пекло, к тому же совсем не было ветра. Я, конечно, сняла ватник, но и без него было очень жарко. В горах погода вообще ужасно капризна, она постоянно меняется. Несмотря ни на что, шагалось легко. Впереди нас манили горы, на их склонах были видны извилистые тропы: одни бежали вниз, в долины, другие уходили круто вверх. Природа в этом краю мне казалась удивительно красивой. Может быть, еще и потому, что рядом был надежный друг, которого мы с Лоан уже успели полюбить. Дядя Мок с тяжелой поклажей на коромысле шел впереди. У него был ровный, уверенный шаг, — казалось, он шагает легко, без всяких усилий. У меня вдруг возникло такое ощущение, что в нашу жизнь вошел добрый мудрый волшебник из сказки.

Вот какие чудеса бывают в жизни! Нам повстречался настоящий живой волшебник. Только такой простой, такой обычный.

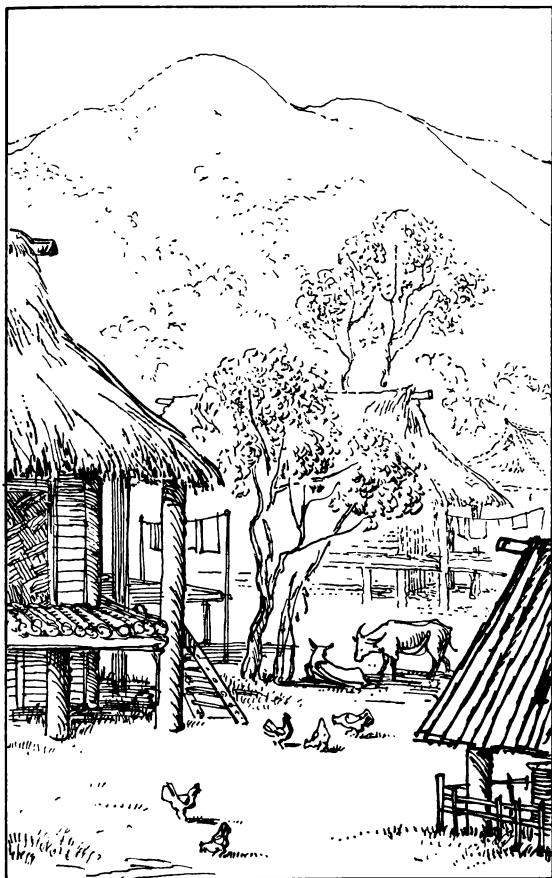
НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ДНИ

Я не могу позволить себе поддаться искушению и заняться подробным описанием горной дороги, которая в конце концов привела нас в селение Муон; многочисленных ручьев и рек, попадавших на нашем пути; холодных ключей, бьющих из расщелин в скалах; огромных бабочек удивительной красоты, — описание всего этого заняло бы многие страницы, а я не хочу отнимать у вас, дорогие читатели, слишком много времени. Я расскажу лишь о чудесных, незабываемых днях, проведенных в гостях у дяди Мока в горном селении Муон.

Это небольшое селение раскинулось в долине, со всех сторон теснимой горами. Селение очень красивое. Тем, кто никогда не был в этом селении, обязательно захочется побывать там. Но

заранее предупреждаю: уезжать оттуда не захочется. В селении десятка два домов, находятся они на почтительном расстоянии друг от друга: чтобы добраться до дома соседа, надо сделать шагов сто. Но если покликать соседа прямо из своего дома, он услышит тебя, потому что кругом тишина и покой и к тому же в горах любой звук трижды отдается звучным эхом. Дома в селении Муон совершенно не похожи на дома вьетнамских крестьян. Они стоят на высоких сваях, которые в два раза выше столбов, подпирающих крышу общинного дома у нас на равнине. На постройку каждого такого дома уходит не один десяток кряжистых бревен. Пол из досок или расщепленного бамбука настлан на балки, опорой которым служат сваи. Со стороны главного фасада в дом поднимается лестница. Из довольно просторной галереи площадью в три-четыре циновки вы пройдете через дверной проем внутрь дома. Такая же галерея, только совсем узкая — не более метра в ширину, — есть у задней стены дома, там тоже лестница. Эта узкая галерея используется, по сути дела, как кладовая: там стоят кувшины с водой, корзины с только что выкопанным маниоком, там же держат небольшой запас сухих дров, которые всегда должны быть под рукой. Отсек, служащий кухней, тоже находится рядом с черным ходом. В этом отсеке устроены антресоли, на которых стоят корзины с рисом, кукурузой, фасолью, а также с сушеными бататами и сушеным маниоком, которые идут на корм свиньям. Под очагом положен лист железа или сделано квадратное возвышение из глины, чтобы не загорелся деревянный пол. Осенью и зимой в очаге в любое время суток тлеют головешки: здесь принято жечь чуть ли не двухметровые поленья, которые сначала наполовину торчат из очага, постепенно обгорая с одной стороны. В очаге то пляшет жаркое пламя, то тлеют угли, словно по черному бархату рассыпаются красные искры. Здесь можно, когда захочешь, испечь бататы, маниок, поджарить зерна клейкого риса. Иными словами, когда требуется приготовить пищу, не нужно разводить огонь заново. Из кухни есть ход в главное помещение, к которому примыкает передняя галерея, — на нее ведет главная лестница. Основное помещение, пожалуй, просторнее пятикомнатного дома у нас на равнине. Когда мы с Лоан впервые поднялись в дом дяди Мока, то опешили от неожиданности: нам показалось, что мы не в обыкновенном доме, а в деревянных хорах какого-то местного богача. Главное помещение делится легкими перегородками на комнаты разных размеров. С левой стороны от главного входа мы насчитали четыре небольшие комнаты с прочными наглухо закрывающимися дверями. Дядя Мок объяснил нам, что это —

женская половина дома, раньше там жила жена дяди Мока с детьми. Он сохранил в прежнем виде убранство этих комнат: матрасы, одеяла, подушки, mosquito-сетки — все цело. Летом дядя Мок выносит все эти вещи во двор, вытряхивает и выбивает из них пыль, потом оставляет для просушки на солнце. Приведя нас к себе в дом, он сразу занялся этим делом. От вынесенных во двор вещей пахло плесенью, а мужественное, с резкими чертами лицо дяди Мока вдруг посерьезнело. Я подумала: ему, наверное, бывает очень тоскливо и одиноко в этом просторном доме, вот он и обрадовался случаю взять под свое покровительство двух девчонок, попавших в беду, и уже успел искренне привязаться к нам. Он нагрел воды, чтобы мы могли помыться и постирать свое белье, а просушенные и проветренные постельные принадлежности велел отнести назад, на женскую половину, которую он предоставил в наше распоряжение. Потом дядя Мок позвал угрюмого на вид старика, обросшего густой бородой, и долго ему что-то объяснял на языке нунгов, после чего тот ушел и вскоре вернулся с большим остро наточенным ножом, при виде которого у меня мурашки поползли по спине. Мы присмирели и не без страха ждали, что будет дальше. Дядя Мок перебрался с бородачом несколькими фразами. У меня немного отлегло от сердца, когда он показал пальцем на одну из пятнистых свиней, рывшихся во дворе. Судя по жестам дяди Мока и бородача, они наконец поладили: каждый согласно кивал головой. После этого оба спустились по черной лестнице и начали с гиканьем гоняться за свиньей, пока не изловили ее. «Эта свинья весит не менее сорока килограммов,— подумала я,— а бородача дядя Мок позвал для того, чтобы он заколол свинью». Мы с Лоан окончательно успокоились.

Ни я, ни Лоан никак не ожидали, что дядя Мок устроит в нашу честь такой роскошный пир с блюдами из свинины, которые принято готовить у нас в равнинных районах. Он приготовил даже рулет из постной свинины и свиную колбасу, а голову и ножки сварил и разложил на большом красивом подносе, сплетенном из золотистого бамбука.

Когда солнце стало клониться к закату, дядя Мок приложил ладони рупором к губам и стал звать к себе в гости своих односельчан. Первой его услыхала ближайшая соседка, женщина средних лет в платье цвета индиго, подпоясанном кушаком того же цвета. Она, в свою очередь, стала звать своих ближайших соседей, а они — своих. Примерно полчаса долина оглашалась протяжными звуками. Я очень удивилась, когда увидела, что каждый нес с собой пук длинных лучин из арун-

динарии¹. Заметив выражение недоумения на моем лице, дядя Мок объяснил, что когда гости пойдут в темноте назад, они будут освещать себе дорогу факелами из этих лучин. Прежде чем ступить на лестницу, гости мыли ноги. Между прочим, здесь в каждом дворе есть водопровод, только в отличие от городского вода течет не по стальным, а по бамбуковым трубам. Эти бамбуковые трубы тянутся по склону горы до горного ручья, откуда и поступает вода. Помыв ноги, гости оставляли свои резиновые сандалии² внизу под черной лестницей и поднимались наверх босиком. Через кухню они шли в главное помещение и выходили оттуда в переднюю галерею, служившую верандой. Дядя Мок объяснил нам:

— Родственникам и близким друзьям прилично войти в дом с черного хода, а незнакомых людей и важных гостей впускают с главного. Так здесь принято.

Когда гости уселись в кружок прямо на полу, застланном циновками, дядя Мок обратился к ним со следующими словами:

— Я устраиваю для всех угощение по случаю приезда ко мне вот этих двух девочек. Прошу их любить и жаловать. Ради такого дела я решил угостить вас мясом, только вот клейкий рис сварил на пару неумело — не мужское это дело, да и свинину приготовил не очень вкусно — не стариковское это занятие, зато на душе у меня радостно. Угощайтесь, дорогие гости!

Все это было сказано сначала на вьетнамском языке, потом переведено самим же хозяином на язык нунгов. Гостям все это пришлось явно по душе: они заулыбались, стали гладить нас по голове и пожимать нам руки. Оказавшись в центре внимания, мы с Лоан покраснели от смущения. Впрочем, Лоан очень быстро освоилась со своей ролью: через несколько минут она уже весело смеялась и с самым непринужденным видом поворачивалась то к одному, то к другому гостю.

Женщина в платье цвета индиго довольно сносно говорила по-вьетнамски.

— Ой, какие вы обе хорошенькие, — сказала она, разглядывая нас. — Какие послушные, какие славные девочки! А сколько вам лет? Только по тринадцать? Быть не может! Такие большие — и всего тринадцать лет! У нас в горах вы расцветете, кожа у вас станет розовая, как лепестки цветов персика. Вот увидите: вам не захочется возвращаться назад...

¹ А р у н д и н а р и я — один из видов бамбука.

² Во Вьетнаме можно наблюдать, как местные жители моют ноги под колонкой или в ручье, не снимая резиновых сандалий.

Дождавшись, когда гостя закончит свои речи, дядя Мок взял в руки кувшин с узким горлом и стал наливать в фарфоровые чашечки вино. Я насчитала у него двенадцать фарфоровых чашечек из Цзянси¹ и очень удивилась: как это дяде Моку удалось в долгие-долгие военные годы сохранить эти хрупкие чашечки? Ведь ему, как и остальным жителям селения, приходилось не раз уходить в джунгли, скрываясь от преследований карателей.

— Давайте пожелаем здоровья моим маленьким гостям,— начал дядя Мок свой тост.— Желаю также доброго здоровья всем жителям нашего селения. Пусть у вас будут крепкие ноги и сильные руки, пусть всем вам сопутствует удача на охоте, пусть уродится на ваших горных полях столько риса, сколько могут вместить ваши закрома!

Гости стали чокаться, после чего принялись за еду. На чистых и красивых плетеных подносах громоздились большие куски жареной на углях и вареной свинины, а также свиные потроха, тут же лежали острые ножи — их было три.

Каждый сам отрезал себе от того куска, который ему нравился. Завязалась беседа. Когда гости немного захмелели, дядя Мок ушел внутрь дома и скоро вернулся с даном². Он протянул дан тому самому бородачу, который, видимо, славился умением ловко заколоть свинью и хорошо разделявал свиные туши. Каково же было мое изумление, когда бородач начал перебирать струны дана. Выражение лица у него сделалось блаженным и добрым. Тинь-тинь-тинь... танг...-тинь-тинь!.. — запели струны.

Полилась грустная мелодия, гости тут же тихонько подхватили ее. Их протяжное пение сливалось с шумом горного ручья и журчанием воды, которая текла с горы по бамбуковым трубам. К этому необыкновенному хору присоединялся мерный стук водяных рисорешек. Я вдруг подумала, что время здесь течет удивительно медленно: в горах еще не минул год, а у нас на равнине уже истекло целое столетие.

Солнце давно зашло. В полутьме лица гостей стали едва различимы. Никто из них уже ничего не ел и не пил: теперь все с увлечением пели. Они кончали одну песню и начинали другую. Мелодии мне показались довольно однообразными. Песни в этом горном краю сильно отличаются от тех, что поют у нас на равнине, почти все они печальные и протяжные. Когда тьма совсем сгустилась и над верхушками гор замерцали звезд-

---

¹ Цзянси — провинция в Китае.

² Дан — вьетнамский струнный музыкальный инструмент.

ды, дядя Мок опять ушел внутрь дома и на этот раз вернулся с керосиновой лампой. Когда он зажег ее, гости перестали петь. Они встrepенулись, oживились, снова завязалась беседа, многие опять потянулись за угощением. Дядя Мок время от времени говорил что-то смешное, в ответ гости сдержанно смеялись. Как я узнала потом, в этом краю горцы редко смеются. Если бы не было дяди Мока, они бы провели весь вечер за едой и пением. От лампы падало большое светлое пятно, а кругом была кромешная тьма, только вдали едва различались темные очертания гор. Из лесу донесся крик какого-то зверя — то ли оленя, то ли косули. О том, как кричат олени и косули, я раньше знала только по кино...

Все здесь было для меня ново и интересно. Я с наслаждением вдыхала прохладный, влажный от росы воздух и смотрела на редкие звезды, слабо мерцавшие на черном небе. Гости разошлись очень поздно. Каждый зажег факел. Посмотрев вниз с галереи, я увидела, что по долине ползет огненная змея: это шли цепочкой люди с факелами.

— Лоан! Посмотри, как красиво! — закричала я.

Лоан подошла ко мне и тоже залюбовалась необыкновенным зрелищем.

— Очень красиво! — тихонько сказала она. — Такое и в кино не увидишь.

Мы с Лоан наблюдали, как удаляющиеся от нас огоньки стали отделяться друг от друга: это гости один за другим расходились по своим домам. Мы покинули галерею только тогда, когда исчез последний огонек.

— Ну-ка, девочки, подсобите мне! — окликнул нас дядя Мок из кухни.

До сих пор он не давал нам никакой работы, поэтому мы с готовностью отозвались:

— Надо помыть посуду? Мы сейчас...

— Это успеется! — ответил дядя Мок. — Завтра утром помоете горячей водой. Я позвал вас для другого дела. У нас осталось много свинины, нельзя, чтобы она пропала.

— Хорошо, я как раз умею готовить мясные блюда, которые долго не портятся, — сказала я, засучила рукава и взяла нож. — У нас на равнине свинину готовят впрок, проваривая ее в соусе.

Но дядя Мок покачал головой.

— Мы сделаем по-другому, — проговорил он. — Ну-ка иди сюда! Вот пиала, вот соль. Из пиалы будешь посыпать свинину солью, только сыпь медленно и равномерно. Поняла?

Потом дядя Мок дал задание Лоан.

— А ты будешь класть куски свинины в эту ступку, — сказал он. — Только не спеши, слушай меня.

Дядя Мок с трудом прикатил из кладовой большую каменную ступку, похожую на те, в которых у нас на равнине толкут рис, только эта ступка была потолще и повыше, высотой, пожалуй, не меньше метра. Поставив ступку, дядя Мок принес корзину со свининой, она была аккуратно разделана на небольшие одинаковые по размеру куски, каждый весом по пять-шесть унций. Потом он принес пустую бамбуковую корзину, резко сужающуюся книзу, и охапку свежей, еще пахнувшей солнцем рисовой соломы.

Дядя Мок велел Лоан по одному куску класть свинину в ступку, я посыпала очередной кусок солью, сам дядя Мок толоч каждый кусок пестом, чтобы в него хорошо впиталась соль, после чего перекладывал в корзину и присыпал соломой. Наконец корзина наполнилась доверху, от охапки соломы ничего не осталось. Дядя Мок оттащил корзину со свининой в кладовую и поставил там, где попрохладнее.

— Этой свинины нам хватит на два-три месяца, а на вкус она будет не хуже свежей, — сказал дядя Мок с довольным видом.

Мы с Лоан помыли руки горячей водой, умылись и пошли спать. Мы улеглись вместе. Матрас был мягкий, одеяло теплое, но заснули мы не сразу: обе находились под впечатлением недавно пережитых событий. На душе у нас было и весело, и грустно. Минут десять — пятнадцать обе беспокойно ворочались с боку на бок, с тревогой думая о будущем, пока полное неизвестности. И все же накопившаяся за день усталость взяла свое: через некоторое время мы крепко заснули.

Когда я проснулась, солнце уже выглянуло из-за гор. Лоан еще сладко спала, во сне у нее покраснелись щеки. Я не стала ее будить и вышла на цыпочках.

Из кухни раздался приветливый голос дяди Мока:

— Проснулась? Иди пить со мной чай!

Дядя Мок сидел в кухне и пил чай. Я взглянула на посудную полку: вся посуда была уже перемыта и аккуратно сложена на полке. На плите стояла кастрюля для варки клейкого риса на пару, от нее распространялся приятный аромат. Дядя Мок протянул мне большой медный чайник:

— Тут горячая вода, иди умойся!

Какое это наслаждение — умываться теплой водой, когда на дворе еще очень свежо! Потом я вернулась на кухню и упрекнула дядю Мока за то, что он сам перемыл всю посуду.

— Ты добрая девочка! — сказал он. — Но я ведь поднимаюсь очень рано, потому что сон у меня плохой. А любая работа мне в радость, да и поразмяться полезно. В твоём возрасте и сон крепкий, и аппетит хороший, но без дела тоже никак нельзя — иначе будешь болеть. Выпей-ка со мной чайку, а когда проснется твоя подруга, станем завтракать.

— Солнце уже выше гор, почему вы не идёте в поле, дядя Мок?

— У меня есть и свиньи, и быки, и коровы, к тому же я плотничаю, так что денег мне хватает. Ведь я живу один... Много ли надо одному? Ну скажи на милость, зачем мне слишком утомлять себя ещё и работой в поле, зачем так надрываться? Видишь, сколько у меня скотины? — спросил дядя Мок, показывая на щель в полу.

Я склонилась над щелью — в таких свайных домах, как у дяди Мока, хлев находится прямо под домом — и стала считать быков и коров: их было не меньше пятнадцати. А свиней десятка три. На наметах, прилаженных на разной высоте, сидели крупные куры, и ещё я насчитала с десятков соломенных гнезд — в них куры откладывали яйца. Крестьянин из наших краёв об эдаком богатстве даже и мечтать не может. Но какой в хлеву тяжёлый запах! Этот запах чувствуется во всем доме, он особенно бьёт в нос утром.

— Почему вы, дядя Мок, не поставите хлев, свинарник и курятник отдельно, подальше от дома? Тогда в доме не будет тяжёлого запаха, — спросила я и чуть было не добавила, что содержание скота прямо под домом негигиенично, но вовремя спохватилась: ведь хозяин мог обидеться...

Он, однако, нисколько не обиделся, а, напротив, согласно кивнул головой:

— Я давно думал об этом. Мало того, я даже пытался внушить односельчанам, что хлева и свинарники надо ставить поодаль от жилого дома. Но одним махом ничего не изменишь, надо терпеливо убеждать людей. Местные жители привыкли держать скотину прямо под домом. Они говорят, что так безопаснее. По их словам, человеческий запах отпугивает тигра, а это страшный хищник. Когда человек рядом, тигр не осмелится задрать быка или свинью. Если держать скотину поодаль, тигр может быстро с нею расправиться. Год назад меня даже приглашали в уездный центр, беседовали со мной, с тех пор ровно год я убеждаю своих односельчан построить хлева и свинарники на отшибе, но пока все остаётся по-прежнему. В своё время тетушка Кин — я догадалась, что речь идёт о женщине в платье цвета индиго, — послушала меня и по-

строила хлев в стороне от дома. Перегнала она туда свою скотину, а буквально на другой день тигр утащил корову, которая должна была вот-вот отелиться. Односельчане испугались и наотрез отказались от этой затеи. Но я не хочу сдаваться. Видишь, там у стены хлева лежат бревна? Это я заготовил их, чтобы построить новый хлев. Правда, вот досок у меня маловато...

— Я помогу вам! Не смотрите, что я девочка! Меня не каждый мальчишка переборет. Знаете, как я умею с ними драться! — затараторила я и даже засучила рукава.

Дядя Мок улыбнулся, в его глазах заплясали веселые огоньки:

— Ты очень хорошая девочка. От твоих слов у меня на душе сразу становится тепло и сил прибавляется. Только твои ручки слишком слабые, чтобы таскать из лесу бревна. Ты, наверное, не представляешь, какие они тяжелые.

Как раз в этот момент слышались легкие шажки Лоан: она наконец встала. Я велела ей поскорее чистить зубы и умыться, потому что завтрак был давно готов. Сама я уже успела здорово проголодаться. Вообще я заметила, что с некоторых пор аппетит у меня стал прямо-таки волчий.

После завтрака дядя Мок повел нас на горное поле копать маниок. Мы думали, что он собирается угостить нас маниоком, но оказалось, что в этих краях маниок идет только на корм свиньям, а люди едят его только в те годы, когда не уродится рис. До поля вроде бы рукой подать, но тропинка круто идет вверх, так что приходится карабкаться по горному склону. С непривычки мы с Лоан цеплялись за дядю Мока. Он показал нам много горных ключей, которые били прямо из расселин в скалах. Жители селения приспособились загонять воду в бамбуковые трубы. Здесь так много родников, что каждая семья имеет свой отдельный водопровод, но иногда несколько семей собираются вместе и устраивают общий. Течение в горных ручьях такое быстрое, что вполне можно ставить водяные рисорушки. В долине есть десять таких рисорушек, на них из риса мелют муку. Здесь никто никогда не позарится на чужой рис, разве что им захотят полакомиться нахальные водяные крысы — они тут величиной с большую кошку, шерсть у них длинная и грубая. Они настолько привыкли к шуму водяных рисорушек, что суют свои мордочки прямо под двигающийся каменный пест, рискуя при этом лишиться усов. Этих воришек очень трудно поймать на месте преступления, настолько они хитрые и ловкие. И хотя около рисорушек ставят силки, крыс в них не заманишь. Неподалеку от рисорушек обычно шумят листвою вековые деревья, они могут защи-

тять от палящих лучей солнца или от дождя. Иногда где-нибудь поблизости можно увидеть небольшой шалашик, в котором укрываются от непогоды или просто отдыхают, возвращаясь с поля или поднимаясь на поле. Сверху такие шалашики похожи на хорошенькие спичечные коробки.

Пониже запруд, где течение поспокойнее и на дне видны гладкие-прегладкие камешки, к берегу подступают заросли буйно цветущих диких трав. Я загляделась на эти дикие цветы, пораженная великолепием красок. Хотя солнце уже поднялось высоко, роса на цветах и травах еще не просохла. Росинки сверкали и переливались на солнце, как горный хрусталь. Где-то в поднебесье звонко пел жаворонок. Вот он устремился вниз, в зеленые заросли, но уже через мгновение взмыл вверх и снова залился звонкой трелью.

Поднявшись на горное поле, мы с Лоан перевели дух и вытерли с лица пот. Отсюда, с высоты птичьего полета, открывался такой великолепный вид на горы, что мы замерли от восторга. Любуясь дикой красотой гор, слушая птичье пение, я почувствовала необыкновенную легкость во всем теле. У меня появилось такое ощущение, словно я тоже парю в небе вместе с птицами. «Как хорошо иметь крылья,— подумала я, с завистью следя за вольным полетом птиц,— как хорошо взмыть в синее небо и полететь навстречу первым лучам утреннего солнышка, приветствуя своей задорной звонкой песней красоту этого величественного горного края. Ах, если бы у меня были крылья!..»

Пока я предавалась мечтам, дядя Мок успел накопать маниока.

— Скоро будет гроза! Надо поторапливаться,— сказал вдруг дядя Мок, тревожно поглядывая на небо.

Я удивилась: откуда взяться грозе, если на небе нет грозовых туч? Небо было почти без облаков, разве что на востоке за высокой горной грядой появилась легкая дымка, и вдруг стало тихо и очень душно. Дядя Мок взвалил на плечо коромысло с двумя корзинами только что выкопанного маниока и нетерпеливо повторил:

— Поторапливайтесь, девочки! Надвигается гроза! Чувствуете, какая духота? Скорее, скорее!

С этими словами дядя Мок стал быстро спускаться вниз, мы пошли за ним; и я, и Лоан держали в руках по кусту маниока с клубнями — такой куст маниока весит килограммов пять-шесть.

Дядя Мок оглянулся на ходу и крикнул нам:

— Да бросьте вы эти кусты! Завтра-послезавтра придете за ними. А свиньям вполне хватит корма дня на три-четы-

ре.— Дядя Мок имел в виду маниок, который нес в корзинах.

Мне было жаль расстаться со своим кустом: у нас на равнине мы покупали маниок, варили его в мундире и ели как лакомство.

— Как можно бросить! — упрямо сказала я.

— А я говорю: бросайте! — рассердился дядя Мок.

— Но этой же ночью кабаны все съедят! — нерешительно возразила я.

— Пускай едят! Прибавьте шагу!

Мы с величайшей неохотой бросили маниок. Спускаться вниз по горной тропе было намного труднее, чем подниматься вверх. Один неверный шаг — и стукнешься лбом об уступ скалы или сорвешься и полетишь в ущелье. Теперь у нас с Лоан ничего не было в руках, и все равно мы еле поспевали за дядей Моком. Мы еще не одолели спуск, как небо и в самом деле вдруг заволокло тучами, словно их нагнал злой колдун. Налетел сильный порыв ветра, и деревья тотчас испуганно зашелестели, закрипели своими ветвями, а в следующую секунду они уже пригнулись к земле. Едва мы добежали до нашего дома, как хлынул ливень.

— Слава богу, успели... — сказал дядя Мок.

Что можно было на это сказать? Если бы мы не послушались дядю Мока, то промокли бы до нитки. Мы с удовольствием усьелись у теплого очага, потому что успели изрядно продрогнуть. Из дому было слышно, как шумит и булькает вода в бамбуковых трубах: теперь бамбуковый водопровод превратился в водопад. Кувшины для сбора дождевой воды быстро наполнились до краев. В воздухе было столько влаги, что от очага стал подниматься пар. Как хорошо в такую погоду погреться у огня! Теплый очаг согревает не только тело, но и душу... Я вдруг вспомнила о жаворонке, который совсем недавно заливался звонкой песней в синем небе. Где он сейчас прячется? Может быть, в дупле старого дерева? Или в каменной пещере? Наверняка бедняга замерз и нахохлился, чтобы лучше сохранить тепло.

А ведь совсем недавно я ему завидовала. Зачем? Все равно человек сильнее любой твари, потому что он мыслит, потому что у него есть руки. Вот и этот дом, в котором мы нашли приют, сделан руками человека. Человек способен перенести самые тяжкие невзгоды... Я поднесла к огню озябшие руки и снова подумала о маленьком жаворонке.

БЕЛАЯ ЛОШАДЬ, ИЛИ ИСТОРИЯ О ТОМ, КАК МЫ ВСТРЕТИЛИСЬ С ХУДЫШКОЙ ЗУНГОМ

Дядя Мок умел не только плотничать. Еще он умел выращивать на горном поле рис и маниок, умел ухаживать за домашней скотиной: свиньями, быками и коровами — и был хорошим охотником. В доме дяди Мока не висели шкуры убитых им тигров и леопардов, он никогда не носил на шее тесемочек с тигриными клыками, как это делают охотники, которые любят прихвастнуть своими подвигами, но тем не менее он был хорошим охотником. Но это еще не все: дядя Мок знал секреты приготовления целебных мазей. Кстати, у нас на равнине среди крестьян нечасто встречаются охотники, а приготовлением целебных мазей вообще никто не занимается: видимо, всему этому дядя Мок научился здесь, в горах.

Однажды я, по обыкновению, занялась приготовлением ужина, а дядя Мок возился внизу с досками: он собрался заменить у лестницы несколько прогнивших ступенек. В тот день мы с Лоан набрали в горном ручье беззубок¹ и решили приготовить их с мясом и специями. Короче говоря, в тот день мы были заняты приготовлением довольно затейливого блюда. Ужин был почти готов, когда у главной лестницы кто-то громко окликнул дядю Мока по-вьетнамски:

— Дядюшка Мок, вы дома?

Это было сказано без малейшего акцента, поэтому я тотчас побежала посмотреть, кто спрашивает нашего дядю Мока.

— Дядюшка Мок, вы дома? — снова услышала я и увидела худого, очень смуглого мужчину, который смотрел на меня так, словно видел меня не впервые.

— Хозяин сейчас придет, а вы пока заходите в дом, я подам вам чаю, — сказала я, а Лоан стала звать из кухни дядю Мока.

Дядя Мок, оказывается, сам слышал, как его звал гость, но, к нашему удивлению, он и ухом не повел, а продолжал молча заниматься своим делом. Это было на него совершенно не похоже, потому что обычно у него хватало приветливости на всех.

Гость молча выпил чашечку чая, потом достал из кармана табак, скрутил козью ножку, закурил и стал терпеливо ждать, когда придет хозяин.

Дядя Мок появился примерно через полчаса.

— Какая нелегкая принесла тебя сюда? — спросил он с

---

¹ Беззубки — род пресноводных моллюсков.

порога не слишком злым, но достаточно холодным тоном.— Тебе, конечно, опять потребовалась тигровая мазь?

Гость стыдливо опустил глаза и некоторое время рассматривал пальцы своих босых ног. Я обратила внимание на то, какие у него худые, высохшие руки. Потом он сказал с видом побитой собаки:

— Зачем ворошить прошлое, дядюшка Мок?

— Доброе дело помнится тысячу лет, а худое — сто лет, так говорят в народе,— ответил дядюшка Мок.

Гость смиренно молчал. На нем была выцветшая голубая рубашка, на его узких покатых плечах она сидела мешковато, у него были ввалившиеся щеки, заостренный подбородок и маленькие, плотно прижатые к черепу уши. Его реденькие брови постоянно двигались, что производило странное впечатление, потому что лицо у этого незваного гостя было малоподвижное, а сейчас он сидел, низко опустив голову и пряча от всех глаза. У него был такой вид, словно он никак не может оторвать взгляд от какой-то точки на деревянном полу.

Дядя Мок тоже закурил свою трубку. Некоторое время и он и его странный гость выжидающе молчали. Докурив трубку, дядя Мок поднялся и сказал:

— Ладно, как бы там ни было, ты мой гость, тебе пришлось преодолеть нелегкий путь, ты столько дней шел по горам. Спустись во двор по черной лестнице, вымой ноги, умойся и возвращайся. Гостя положено привечать, так что будет тебе и угощение и вино. Ну как, девочки,— обратился дядя Мок ко мне и Лоан,— ваш суп готов? Мой гость очень голоден.

Мы расставили пиалы с едой на большом черном деревянном лакированном подносе. У этого подноса были высокие ножки, он вполне заменял стол сидевшим на полу гостям. Ужин получился великолепный: и рассыпчатый рис, и клейкий рис, и суп с моллюсками и мясом, приправленный шафраном и перечными листьями, и жареная свинина.

— Вот это молодцы, девочки! Вот это стряпухи! — удовлетворенно сказал дядя Мок.

Странный гость между тем вымыл ноги, умылся, поднялся наверх и молча уселся возле подноса. Дядя Мок сказал:

— Ты устал с дороги. Поешь, попьешь и сразу пойдешь спать. А побеседуем завтра.

Мы с Лоан приготовили такой вкусный ужин, а кусок не лез в горло, потому что настроение у всех было испорчено. Обычно и за обедом и за ужином дядя Мок рассказывал нам что-нибудь интересное. Например, он рассказал, откуда взялся в пещере возле его маниокового поля скелет старой мар-

тышки. Однажды стайка мартышек раскачивалась на высоких ветках, и вдруг самая старая мартышка сорвалась с ветки и полетела в пропасть. На лету она успела ухватиться за уступ отвесной скалы и повисла над пропастью. Старый самец бросился на помощь к своей подруге: он протянул ей руку, но вытащить ее наверх не смог, потому что был слаб и сам висел над пропастью. Несчастная мартышка жалобно кричала, на смерть перепуганная стая вторила ей. И вдруг бедняга подала самцу знак, чтобы он отпустил ее, но у того не хватило духу выполнить ее приказание. Тогда старая мартышка собрала последние силы, злобно оскалилась на самца и что-то прокричала истошным голосом. Самец затрясся мелкой дрожью и отпустил руку, старая мартышка в ту же секунду полетела вниз и разбилась об острые камни. Мартышки всей стаей накидали в пропасть веток, достали тело своей подруги и отнесли в пещеру. Дядя Мок говорил, что собственными глазами видел, как мартышки плакали и утирали слезы. А еще он говорил, что привязанность животных друг к другу иногда просто поражает. Дядя Мок рассказывал нам, как легче всего поймать дикобраза, как надо ловить стрекоз... Дядя Мок был великолепным рассказчиком, но на этот раз он словно в рот воды набрал. Поэтому неудивительно, что странный гость вызвал у нас с Лоан недоброе чувство.

Сразу после ужина дядя Мок велел нам отправляться спать. Для гостя тоже нашлось место. Дядя Мок дал ему матрас и одеяло и сам тоже собрался лечь. Мы слышали, как в очаге потрескивают дрова. Когда налетал порыв ветра, потухшие угли вспыхивали ярким пламенем, и тогда по дому прыгали светлые тени. Мы лежали и прислушивались к шорохам в кухне, дожидаясь того момента, когда дядя Мок заговорит наконец со странным гостем. Но из кухни доносилось только потрескивание дров в очаге. Скоро и мы крепко заснули.

Когда я проснулась, на дворе было еще темно, а дядя Мок и его гость уже сидели в кухне возле очага и тихо беседовали. Холодный ветер выдул из дома все тепло, над долиной стоял молочно-белый туман, он проникал во все уголки дома. В очаг, видимо, только что подбросили сухих поленьев, они весело трещали. Пламя хорошо освещало спокойное мужественное лицо дяди Мока. Он курил свою трубку, а странный гость сидел перед ним с понурым видом.

— Дядюшка Мок, кроме вас, мне не на кого рассчитывать,— сказал гость извиняющимся тоном.— На этот раз я не обманываю. Моя жена действительно при смерти, если вы не поможете, она умрет. В прошлый раз я погнался за деньгами,

я хотел разбогатеть. Больше этого не будет, обещаю вам. Если жена умрет, мне не поднять одному пятерых ребятишек.

— В прошлый раз ты тоже говорил, что твоя жена при смерти,— медленно сказал дядя Мок.

Гость взмолился:

— Кто прошлое помянет... В тот раз я действительно обманул вас. Я забрал мазь и тут же продал. Потом я купил для перепродажи бревна, но меня выследил лесничий. Он не только содрал с меня штраф, но и отобрал оба плота из этих бревен. Все, что у меня осталось, я проиграл в карты. Но на этот раз, даю слово, я так не поступлю. Поверьте мне: моя жена и в самом деле очень тяжело больна. Если она умрет, мне и моим ребятишкам придется пойти по миру.

Закончив свой монолог, странный знакомый дяди Мока еще ниже опустил голову. А дядя Мок продолжал невозмутимо дымить своей трубкой. Невозмутимость хозяина, видимо, приводила гостя в полное отчаяние — он поднял голову и быстро заговорил голосом, полным мольбы:

— Я клянусь, что на этот раз не обманываю. Клянусь жизнью всех моих детей. Если я лгу, им не жить на свете... Им не жить...

Последние слова этот странный мужчина произнес сквозь всхлипывания. Его давно не стриженная и не мытая голова снова упала на грудь. Он был похож на нищего, просящего милостыню у равнодушных прохожих.

Дядя Мок вдруг сдался.

— Ладно, я постараюсь тебе помочь. Ради твоих детей,— сказал он, решительно поднялся и пошел в главное помещение.

Он открыл огромный сундук, в котором хранил одежду, деньги, серебряные вещи и всякие мелочи, названия которых мне были неизвестны. Порывшись в сундуке, дядя Мок вернулся в кухню:

— У твоей жены такая болезнь, которую не вылечишь тигровой мазью. Нужна мазь из костей белой лошади.

Дядя Мок задумался. Наконец он сказал:

— Придется мне отправиться в селение Ной и посмотреть, нет ли там у кого-нибудь белой лошади. Кости тигра достать очень трудно, а кости белой лошади и подавно. Местные жители никогда не продают белых лошадей, потому что в этих краях есть поверье, будто бы вместе с отданной или проданной белой лошастью улетает половина души ее хозяина. Беда... Здешний народ суеверен... Я постараюсь тебе помочь, но что из этого получится — одному богу известно.

Странный гость кинулся перед дядей Моком на колени

молитвенно сложил руки и стал бить поклоны, приговаривая при этом:

— Умоляю вас, пожалейте моих пятерых детей. На мне грех, но они-то чем виноваты? Им нужна мать, спасите ее!

От этой сцены дядю Мока покорило. Он отвернулся от хнычущего мужчины и сказал с раздражением:

— Хватит, хватит! Раз я обещал, то сдержу свое слово. Я слов на ветер не бросаю.

Мужчина, который только что бился лбом о деревянный пол, неловко поднялся. На дворе уже стало светать, туман начал рассеиваться: сквозь дверной проем было видно, как мимо дома проплывали молочно-белые хлопья. Лоан заворочалась и проснулась.

— Ты небось уже давно не спишь? — спросила она сонным голосом.

— Да,— тихо ответила я и поднесла палец к губам.

В это время из кухни послышался голос дяди Мока:

— А теперь отправляйся назад и позаботься о своей жене и детях. Раз я обещал, значит, сделаю. Приходи через месяц.

Гость что-то бормотал в ответ. Видимо, он благодарил дядю Мока. Потом дядя Мок предложил ему рису, тот быстро поел и сразу отправился восвояси. Мы с Лоан тихо лежали у себя в комнате. Через некоторое время дядя Мок велел нам вставать. Он сказал, что завтрак давно готов.

За едой я завела разговор о странном госте, но дядя Мок ограничился кратким объяснением:

— Этот человек — мой земляк, он тоже из Кесата. Всю жизнь он был очень жаден до денег, и эта его страсть к наживе мешала ему ладить с людьми. Но его жена и дети ни в чем не виноваты, так что придется им помочь. Впрочем, вам еще рано забивать голову такими премудростями. Завтра мы все вместе отправимся в селение Ной. Мне нужно во что бы то ни стало найти белую лошадь.

На другой день мы поднялись очень рано. Рис, оставшийся от завтрака, завернули в банановые листья, прокалили на углях сушеную свинину и сушеную оленину и таким образом запаслись едой. Я ликовала от счастья, предвкушая удовольствие, которое мы с Лоан получим от предстоящего похода в далекое незнакомое селение. Мы двинулись на юго-запад. Пройдя нашу долину, уперлись в гору и стали карабкаться на нее. По ту сторону горы мы нашли тропинку, она петляла вдоль высохшего русла горного ручья среди редких кустов гуайявы. Эта тропинка привела нас в долину, где не было ни домов на сваях, ни даже

шалашей. Там раскинулись одни лишь террасы рисовых полей. Потом мы шли по дну ущелья, с обеих сторон громоздились скалы, на которых кое-где росли какие-то кусты, похожие издали на вороньи гнезда, только зеленого цвета. Иногда нам встречались стаи мартышек, при виде нас они поднимали невообразимый шум. Дядя Мок указал на пещеру почти у самой вершины горы.

— Эта пещера такая большая,— заговорил он,— что во время войны Сопротивления против французских колонизаторов в ней укрывались от врага по меньшей мере пятьдесят семей из окрестных горных селений. У этой пещеры есть выход и на той стороне горы.

Около полудня мы устроили привал под тенистым вековым деревом и подкрепились мясом и рисом. Лоан налила нам зеленого чаю из фляги, которая висела у нее на боку. Неподалеку бил ключ, вода в нем была холодная и прозрачная, как хрусталь. Мы с Лоан наклонились над ключом, чтобы помыть руки. Вместе с нами к ключу подошли два местных жителя. Это были нунги. Умывшись ключевой водой, они стали набирать пригоршнями воду и долго, с явным удовольствием ее пили.

Я тоже хотела было напиться из ключа, но дядя Мок мне не разрешил. Он сказал:

— Без привычки пить у нас в горах ключевую воду нельзя, можно заболеть недугом, от которого выпадут все волосы.

Потом дядя Мок расстелил на траве кусок брезента и предложил нам полежать, отдохнуть, а сам сел, прислонившись спиной к дереву, и тут же заснул. Он проспал в таком положении примерно четверть часа, а проснувшись, велел нам, не мешкая, продолжать путь.

— Мы не взяли с собой ни факелов, ни фонаря, ни ружья, так что надо добраться до места, пока не наступила темнота,— сказал дядя Мок.

Мы двинулись в путь. Послеполуденная духота нас сильно разморила. Не было ни малейшего ветерка. Мы с Лоан еще до привала скинули ватнички, и все равно нам было очень тяжело. Когда на нашем пути встретился горный ручей, мы упросили дядю Мока разрешить нам немного поплескаться. Холодная вода нас освежила, и мы с новыми силами продолжали нелегкий путь. Мы пришли в селение Ной под вечер, когда дневная жара спала и над лесом уже поднимался туман. Это селение представляло собой как бы местный торговый центр: здесь промышляли торговцы с равнины, сюда приходили горцы из высокогорных селений народностей мео и лоло.

Дома в этом селении тоже были на сваях, но в отличие от

нашего селения Муон они стояли намного ближе друг к другу. Как говорили в шутку местные жители, в их селе не нужно выходить из дому, чтобы одолжить у соседа несколько щепоток соли или нож: достаточно просто протянуть руку. Скотину здесь держали тоже под домом, запах навоза проникал из хлева во все уголки дома. Посреди селения мы увидели примерно с десяток приземистых домов, похожих на те, что строят на равнине, особенно нас удивили кирпичные фундаменты. Оказалось, что это лавчонки, в которых продают лапшу, соевые лепешки, соевый соус, рыбный соус, галантерейные товары. Там же оказался рынок. Когда мы пришли в селение, на рынке уже никого не осталось: мы увидели лишь пустые ряды под навесами, крытыми старинной черепицей. Столбы были отполированы до блеска руками торговцев и покупателей. Кругом валялся всякий мусор: раздавленная хурма, изжеванный сахарный тростник, листья, в которые заворачивают пироги.

— Сейчас я поведу вас в лавочку, где нам дадут по пиале горячей лапши,— сказал дядя Мок.

Мы подошли к самому большому дому. Как и дома на равнине, он был окружен верандой и крыт черепицей, только это была черепица старинного образца — такую делают теперь только в горах. Деревянные столбы, подпиравшие крышу веранды, были украшены изображениями драконов и фениксов. На большой жестяной вывеске блестело выведенное ярко-красной краской слово «Лапша», а под ним мы увидели синюю надпись: «Вкусная, ароматная, питательная лапша, приготовленная по ханойскому рецепту. Милости просим».

Мы вошли в лавку, которая была одновременно и харчевней. Первое, что нам бросилось в глаза,— это очаг, в котором ярко пылали дрова, и большой котел с кипящим бульоном: меня замутило от запаха говяжьего жира. Нет, у нас на равнине бульон для лапши пахнет совсем не так. Вареное мясо, висевшее на крюке, сильно обветрилось и имело неаппетитный вид. К лапше не подавали зеленый лук и соус с красным перцем. Лапша, нарезанная очень крупно, была приготовлена из слишком грубого теста. Хозяйка явно переусердствовала по части горького перца и имбиря: от ее стряпни во рту все горело, а из глаз текли слезы.

Ставя на стол пиалы с лапшой, хозяйка сказала, обращаясь к дяде Моку:

— Давненько не видели вас в наших краях! Уж не надумали ли вы опять заняться приготовлением целебной мази? Вам нужны кости тигра или кости обезьяны?

Хозяйка была примерно в возрасте тети Лыу. Миниатюрная,

белокожая, с пучком на затылке, она была одета в точности так же, как одеваются женщины у нас на равнине.

Дядя Мок ответил ей со степенным видом:

— В самом деле, давненько мне не приходилось варить целебную мазь. А вы-то как поживаете? Здоровы ли?

— Благодарствую. И я, и муж здоровы. У вас будет к нам какая-нибудь просьба?

— Да. Я хочу попросить хозяина, чтобы он помог мне найти белую лошадь.

— Найти белую лошадь? Это очень трудно,— сказала хозяйка со вздохом.— В прошлом месяце тут появлялся один мужчина, низенький такой и очень смуглый. Он хотел купить белую лошадь у кого-нибудь из здешних жителей. У него и деньги с собой были, только мой муж отказался ему помочь: трудное это дело — уговорить здешних жителей продать белую лошадь.

Дядя Мок положил на стол жилистую руку и сказал:

— Этого мужчину я знаю. А если я попрошу... ваш муж тоже откажет?

Хозяйка улыбнулась:

— Не знаю, надо спросить у него.

— А сам-то он где?

— Пошел в другое селение, хочет купить там бронзовую курьерницу — поставить на алтарь предков. Вернется сегодня же.

Дядя Мок понимающе кивнул головой, взял ложку, зачерпнул лапши. Он велел нам есть, пока лапша не остыла. Хотя здешняя лапша имела мало общего с великолепной лапшой, к которой мы привыкли у нас на равнине, я и Лоан все же ели с аппетитом, потому что сильно проголодались. Когда мы съели лапшу, дядя Мок сказал хозяйке:

— А у кого можно купить горячий соевый пирог с соусом? И еще мне хотелось бы купить для моих девочек десяток жареных пирожков.

— Соевый пирог всегда есть у тетушки Мен, а жареные пирожки — у дядюшки Шана. Сейчас во всем нашем селении только один он и умеет делать жареные пирожки. Дядюшка Шан каждый день выносит на рынок три большущие кастрюли таких пирожков.

С этими словами хозяйка взяла небольшую корзинку, положила в нее маленькую пиалу, видимо для соуса, и отправилась выполнять просьбу дядюшки Мока.

На дворе почти совсем стемнело, но пока еще можно было разглядеть валуны у дороги. Туман сгушался и становился

все холоднее. Лоан накинула на плечи свой ватничек. Дядя Мок молча курил трубку. Когда он выкурил две трубки, вернулась наконец хозяйка. В корзинке у нее дымился совсем горячий соевый пирог, там же лежали завернутые в листья пирожки, они тоже были горяченькие, а с листьев капал жир.

— Налить вам вина? — обратилась хозяйка к дяде Моку. — Соевый пирог — самая подходящая закуска.

С этими словами она поставила перед дядей Моком пилушку с соусом, а сама скрылась в глубине дома. Через минуту она вернулась, держа в руках кувшин с вином, и налила дяде Моку чашечку вина.

— Ну, девочки, нажимайте на соевый пирог, — сказал дядя Мок, — здесь его хорошо делают, а с соусом он просто великолепен. Пирожками займетесь потом.

Мы послушались дядю Мока и принялись за соевый пирог, который и в самом деле оказался очень нежным, ароматным и жирным. Дядя Мок отпивал глоток вина, потом отщипывал кусочек соевого пирога, обмакивал его в соус и отправлял в рот вместе с кусочком перца. Хозяйка занялась своим делом. Когда она подкладывала в очаг сухих поленьев, на пороге появился мальчишка с корзиной.

— Тетя, я принес мясо. Совсем свежее, быка только что разделали, — сказал он.

Голос мальчишки мне показался до странного знакомым. Я и Лоан, как по команде, повернулись в его сторону, а он в этот момент поставил корзину с мясом на пол, распрямился, увидел нас и оторопел от изумления.

— Зунг! Худышка Зунг! — закричала я и радостно, и удивленно.

Мы с Лоан вскочили и кинулись к Зунгу, он шагнул нам навстречу и прошептал:

— Ой, это ты, Бе? И ты, Лоан? Как вы попали сюда?..

Зунг смотрел на нас широко открытыми глазами и ждал ответа на свой вопрос. Он был такой же худой, но немного подрост. Его волосы были острижены очень коротко, отчего он выглядел забавно-глуповатым.

Дядя Мок спокойно посмотрел на нас, потом перевел взгляд на Зунга. В этом взгляде было столько понимания и сочувствия! Хозяйка же пришла в изумление.

— Так вы, оказывается, знакомы? — спросила она.

Я объяснила хозяйке, что мы все трое из одного города, что мы учились в одной школе и давно знаем друг друга.

Дядя Мок дружелюбно похлопал Зунга по плечу.

— Подсаживайся к нам,— сказал он Зунгу.— Что может быть лучше встречи с друзьями! Угощайся соевым пирогом и жареными пирожками.

Зунг нерешительно присел рядом с нами и опасливо посмотрел на хозяйку, которая выкладывала куски мяса из корзины на кухонную доску. Она тотчас смекнула, в чем дело, и подбодрила парня:

— Не робей! Этот дядя очень добрый и хороший, так что не отказывайся от компании!

Дядя Мок спросил:

— Ты давно в этих местах?

— Почти год,— ответил Зунг.

— Год самостоятельной жизни прибавляет ума на целую пядь. А если таких пядей наберется столько, сколько нужно, чтобы измерить ствол железного дерева, значит, человек уже умудрен жизненным опытом. Я, пожалуй, выпью еще...

Зунг взял пирожок и стал слушать мой рассказ о том, что с нами случилось после того, как он исчез из города. Я рассказала Зунгу и про то, как мы с Лоан отправились ночью на остров и наши мамы подняли на ноги чуть ли не весь город, и про то, в какую историю я попала по милости этого мерзкого Жа, и про то, как подло поступил капрал Кан с тетей Лыу. В общем, я выложила Зунгу все наши новости. Он слушал меня с видом умудренного жизненным опытом старика. Когда я закончила свой рассказ, Зунг сказал:

— Меня отец никогда не любил. Он любил только деньги. Мне всегда было за него стыдно. Я не хочу больше считать его своим отцом. У меня была мама, но она умерла. Когда я вырасту и обзаведусь семьей, то буду каждый год устраивать поминки по моей маме.

Мы молча слушали Зунга и не заметили, как на пороге дома появился хозяин. Каково же было наше удивление, когда мы узнали в нем того самого незнакомца, которого заприметили в толпе жителей нашего городка, собравшихся на базарной площади посмотреть представление бродячей цирковой труппы. И сейчас он нам показался очень высоким. Как и в прошлый раз, мы обратили внимание на его большие красные ручки и на густые, черные как смоль брови, из-под которых смотрели блестящие черные глаза. И теперь он был одет в черное, но сменил свою рыжую грязную шляпу из воловьей шкуры на темно-синий берет. Он еще стоял на холоде, поэтому изо рта у него шел пар. Бросив на землю горевший факел, мужчина наступил на него обеими ногами, потушил огонь и только после этого вошел в дом.

— Рад приветствовать дорогого гостя! — сказал хозяин, увидев дядю Мока. — Давненько вы у нас не были!

С этими словами хозяин схватил обеими руками протянутую для рукопожатия руку дяди Мока и начал ее энергично трясти.

— Вы только что вернулись? Путь был неблизкий? А где же бронзовая курильница? — спросил дядя Мок хозяина.

— Все в порядке, деньги я заплатил вперед, а курильницу заберу на следующей неделе, — весело ответил хозяин. — А вы, я вижу, пропустили пару чарочек. Это вам не повредит?

— Нет. Я еще настолько здоров, что могу притащить на себе из лесу ствол железного дерева. А к вам я пришел по делу: помогите мне найти белую лошадь.

— Белую лошадь? — густые брови хозяина полезли вверх. — Вы ведь давным-давно не занимались приготовлением такой дорогой мази. Зачем вам вводить себя в расходы? А времени сколько нужно...

— Все это верно. Только речь идет о человеческой жизни.

— Заболел кто-нибудь из ваших родственников?

— Нет. Мазь нужна для жены моего земляка. У нее пятеро детей. Если она умрет, все пятеро осиротеют.

— Догадываюсь, о ком идет речь. Не ее ли муж обманул вас, как-то перепродав всю мазь, и тигровую и обезьянью? На прошлой неделе этот человек был у меня, он слезно просил меня помочь ему, но я даже разговаривать с ним не стал.

— Да, это он.

— Это плохой человек! Неужели вы согласились ему помочь? В тот раз он здорово нажился, а вам ровно ничего не досталось. Так ведь?

— Так. И все-таки... Мне жаль не его, а ребятишек, они-то ведь ни в чем не виноваты. Ну как, поможете мне? — спросил дядя Мок и положил на стол руку.

Хозяин тихонько похлопал своей рукой по руке дяди Мока.

— Вам я отказать не смею, — уважительно сказал он. — Ради вас я обойду всю округу. Для вас я белую лошадь из-под земли достану.

Пока хозяин беседовал с дядей Моком, хозяйка нажарила целую сковородку говядины. Она приправила говядину перцем и мелиссой¹. Хозяин снял шарф, помыл руки, сполоснул лицо, сел за стол и налил по чарочке себе и дяде Моку. Он велел жене поджарить арахис и прокалить на углях сушеные креветки.

---

¹ Мелисса, или мята лимонная, — многолетнее эфирномасличное и медоносное растение. Имеет целебные свойства, употребляется в фармакологии. Листья мелиссы используются также как пряность.

Хозяин и дядя Мок занялись беседой, а нас отправили спать. Хозяйка уложила меня и Лоан на кровати за перегородкой, а худышку Зунга послала в одну из ближайших лавчонок за имбирем для завтрашней стряпни: завтра базарный день.

Я не спала и прислушивалась к беседе, которую вели хозяин дома и дядя Мок.

— Этот мальчик ваш племянник? — спросил дядя Мок о Зунге.

— Да... Это целая история, — со вздохом ответил хозяин.

— В очаге еще полно дров, впереди длинная ночь, так что рассказывайте, а я с удовольствием послушаю. Присмотрелся я к нему, и жаль мне его стало. Он, оказывается, знает двух девчушек, которых я привел с собой, а они знают его.

— История, надо сказать, невеселая, — начал хозяин. — Никому другому я бы рассказывать не стал, а вам расскажу. Этот мальчик — сын моей старшей сестры. В последний раз мы с нею виделись еще в те времена, когда приходилось бросать насиженные места и прятаться от карателей. В свое время ей очень повезло в торговле, и она разбогатела. Помимо всякого добра, у нее были еще золотые браслеты, золотые кольца и серьги с драгоценными камнями, которые достались ей от нашей матери. Не говоря уже о ритуальных курильницах из бронзы, бронзовых журавлях¹, подсвечниках, чайниках и даже блюдах из латуни. Случилось так, что мы с сестрой потеряли друг друга. Уже потом я узнал от людей, что сестра разыскивала меня, чтобы передать мне фамильные ценности, — то, что осталось от матери, потому что, как вы знаете, по нашим обычаям, после смерти родителей я, как старший, должен исполнять обряды поминовения предков. Позже я узнал, что сестра умерла от опухоли в животе, а вещи так и не успела мне передать. Я разыскал ее мужа, моего зятя, но он долго разговаривать не стал, а буркнул, что, мол, жена ему никаких вещей не оставила. Потом этот мерзавец схватил палку и выставил меня за дверь. Тогда я сгоряча решил похитить его младшего сына, моего племянника. Думал, что этот скряга захочет получить сына назад и вернет мне наши фамильные ценности. Не тут-то было... Мой зятек любит только деньги, о сыне он и не вспомнил. Так что история не закончена. А что делать дальше, я не знаю.

Закончив рассказ, хозяин тяжело вздохнул.

Дядя Мок некоторое время с задумчивым видом барабанил пальцами по столу. Наконец он сказал:

---

¹ Во вьетнамских пагодах можно увидеть бронзовых журавлей, стоящих на спинах бронзовых черепах.

— Мальчишка совсем не привязан к своему отцу. Будто его и нет. Да, вашему племяннику не позавидуешь...

— Говорят, у моего зятя очень много золота. Говорят, будто он балуется контрабандой — опиум привозит.

— И все же как вы думаете поступить с племянником?

— У нас с женой нет детей, так что нам он не помешает. Пусть живет у нас.

— Если только он и сам так решил. Если не пригреть его, он засохнет, как травинка, которую с корнем выдернули из земли. Подумайте над моими словами...

В ответ хозяин тяжело вздохнул и потянулся за трубкой. В это время вернулся Зунг. Он принес имбирь и перец.

— Пойди помой ноги и отправляйся спать,— сказал хозяин.

Зунг послушно вышел на задний дворик и стал мыть ноги. Мимо меня он прошел еле слышно, но когда возвращался назад, то громыхал своими сабо, хотя и старался не поднимать шума. Его постель стояла в другом углу комнаты. Он нырнул под одеяло и затих. Я обратила внимание, что Зунг не стал опускать москитник над своей постелью. «Какое счастье, что мы встретили такого хорошего человека, как дядя Мок,— подумала я.— Далеко не каждому выпадает удача. Без дяди Мока нам с Лоан пришлось бы худо». Мне стало ужасно жаль Зунга, я даже хотела окликнуть его и сказать ему что-нибудь хорошее, но побоялась рассердить взрослых: ведь все были уверены, что я и Лоан давно крепко спим. К тому же время было позднее, хозяин с хозяйкой и дядя Мок тоже собирались ложиться спать. Я тихо лежала на чужой постели, под чужим одеялом — на чужом месте я обычно засыпала плохо.

Утром я проснулась позднее всех. Лоан уже давно позавтракала и теперь болтала с Зунгом. В очаге ярко пылал огонь, по всему дому разносился запах варева — говяжьего жира и костей. В харчевню набилось полно желающих подкрепиться горячей лапшой. У порога громоздились корзины с диким кардамоном, анисом, сушеными шампиньонами, древесными грибами, сушеными ростками бамбука. Все это горцы несли на продажу. На базарной площади уже стояли повозки, запряженные лошадьми: это перекупщики приехали за товарами, которые хорошо идут в равнинных районах. Пахло конским навозом. Мелькали синие, черные и белые одежды. Пыли еще не было, потому что еще не успела просохнуть ночная роса. Гвалт стоял неимоверный. Судя по этому гвалту, легко было представить себе, что будет твориться на ярмарке.

— Ну, девочки, давайте попрощаемся с нашими гостепри-

имными хозяевами,— сказал дядя Мок.— Сначала пойдем на базар, а потом двинемся в обратный путь.

Мы стали прощаться. Зунг стоял в стороне, с завистью глядя на нас. Дядя Мок заметил это, отозвал в сторону хозяина и стал с ним о чем-то говорить. Потом хозяин обернулся и, показав рукой на нас, спросил Зунга:

— Тебе не хотелось бы присоединиться к ним?

Худышка Зунг раскрыл рот от изумления. Слова застряли у него в горле. Он недоверчиво посмотрел на дядю, потом перевел взгляд на его жену, потом на нас с Лоан... Видно было, что он просто не поверил своим ушам, оттого и не решается ответить на вопрос.

— Я говорю серьезно,— подтвердил между тем дядя.— Если хочешь, я отпущу тебя на месяц-другой в гости к моему другу.

На этот раз тон у дяди заметно смягчился.

От радости Зунг потерял дар речи. Он долго молчал, потом тихо сказал:

— Если вы с тетей позволите...

— Позволим, позволим, хотя дел у меня невпроворот,— сказала хозяйка.— Ладно, мне поможет Зинь. У нас в доме столько забот, нам с твоим дядей не до развлечений...

Это было сказано с такой убийственной прямоотой, что нам стало не по себе, а худышка Зунг виновато опустил голову и пробормотал:

— Верно...

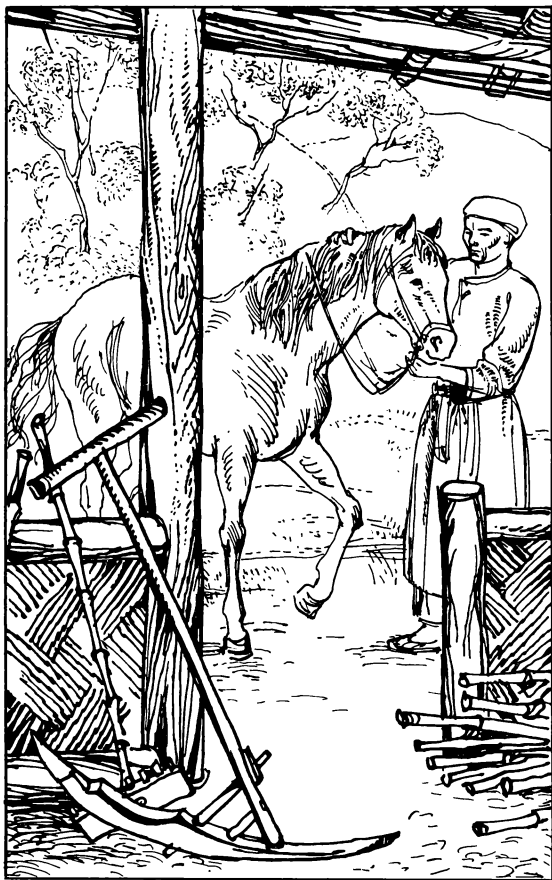
Тогда дядя сказал решительно:

— Иди собирайся!

Зунг, не скрывая радости, кинулся за своими вещами, которых оказалось совсем немного: все уместилось в небольшой сумке. Он вскинул ее на плечо, попрощался с дядей и его женой и присоединился к нам. Вид у него был совершенно счастливый, а наша семья увеличилась: теперь нас стало четверо.

КАК ПО ВИНЕ ХРОМОГО ТИГРА НАМ НАВСТРЕЧУ ПОПАЛСЯ НЕСЧАСТНЫЙ ПРОКАЖЕННЫЙ

Недели через две после того, как мы вернулись в селение Муон, дядя Зунга привел белую лошадь. С виду это была здоровая, сильная лошадь. Она была абсолютно белая, с длинной белой гривой и длинным белым хвостом. Казалось, что эта лошадь явилась к нам откуда-то из седой древности. Глаза у этой лошади-альбиноски были совсем красные, и видела она только в темноте, а при дневном свете из ее глаз непрерывно

текли слезы, она становилась незрячей и натыкалась на деревья и валуны. Если бы ее не вели на поводке, она бы свалилась в пропасть. Дядя Мок оглядел лошадь и удовлетворенно крякнул.

— Огромное вам спасибо,— сказал он дяде худышки Зунга.— Вы славно потрудились.

— Я вам многим обязан,— ответил тот.

Потом они выпили по чарочке, поели мяса, а утром дядя Мок протянул своему гостю пачку денег, спустился вместе с ним по лестнице и сказал на прощание:

— Ну, будьте здоровы. Через несколько недель ждите меня в гости.

— Как тут ведет себя мой племянник? — спросил гость, бросив строгий взгляд в сторону Зунга.

— Детям нужны товарищи, сверстники, только тогда им хорошо,— ответил дядя Мок с доброй улыбкой.

Дядя худышки Зунга остался вполне доволен таким ответом, а сам Зунг подошел к дяде попрощаться. Потом он смотрел ему вслед до тех пор, пока тот не скрылся за поворотом дороги.

Через несколько дней дядя Мок занялся великим делом — приготовлением целебной мази. Он сказал, что в этих краях издавна занимались приготовлением целебных мазей. Само по себе это дело нужное, если бы не людская жадность. В прежние времена в каждом селении была своя родовая верхушка, свои богатеи. Эти люди наживались на торговле целебными мазями, которую с удовольствием покупали в равнинных районах. Если у них были знакомые аптекари, которые брали мазь большими партиями, то заниматься этим делом было еще выгоднее. Местные властители заставляли жителей селений добывать для них обезьян, тигров и горных козлов. Стариков, знавших секреты приготовления мазей, заставляли тщательно отделять мясо от костей, а потом варить из костей мазь. Этим делом старики занимались все лето и всю осень под строгим присмотром стражников, а в награду получали несколько пиаал соли или несколько корзин риса. У тех, кого заставляли варить мазь, поля зарастали сорняками, а семьи голодали.

— А почему они мирились с этим? — перебила я дядюшку Мока.

— В те времена на шее местных жителей сидели французские чиновники с солдатами, а на плечах — родовая знать, так что мало у кого хватало смелости не подчиняться этой силе. Но находились и такие, которые мстили по-своему: они припрятавали часть костей из задних ног тигра. Дело в том, что в скелете тигра несколько сотен разных костей и если при

приготовлении мази потеряется хоть одна косточка, то мазь не получится, вернее, у нее не будет всех тех свойств, которыми она должна обладать. Как только об этом узнавал покупатель, он тут же отказывался иметь дело с нечестным торговцем. Местным богачам приходилось усиливать охрану. Они приказывали своим людям пересчитывать все косточки еще до того, как их клали в котел, а потом сидеть рядом с теми, кто варил мазь, и не спускать с них глаз до тех пор, пока кости полностью не разварятся. Тогда люди, которых заставляли варить мазь, придумали другую хитрость: стали снимать с варева ценную пену с помощью черенков банановых листьев. Пена образуется до тех пор, пока варево не станет достаточно клейким. В этой пене много целебных веществ. Старики делали вид, что хотят узнать, стало ли варево клейким, и совали в него черенки банановых листьев, а они, как вам известно, очень пористые, в них масса мельчайших полостей, которые моментально заполняются этой пеной. Стоит только сунуть в котел пять-шесть таких черенков, как они поглотят всю пену. И вот наступает момент, когда стражники убеждаются, что варево стало клейким и его пора переливать в специальные формы, чем они занимаются сами. С этого момента стражников больше не интересуют те, кто варил мазь, — им разрешают разойтись по домам, а они, не будь дураки, под шумок уносят с собой черенки банановых листьев, дома выжимают из них пену и варят вместе с полным набором костей одной-двух обезьян. Вот тогда получается мазь, которой цены нет, она излечивает от многих болезней.

Дядя Мок замолчал, взял щепотку серой соли и бросил в очаг, под котел, в котором варилась мазь. Раздался треск, и в очаге взметнулись синие языки пламени, а дядя Мок на мгновение превратился в кудесника из старинного предания. Честно говоря, еще я подумала, что таким же синим пламенем горит ацетилен, я как-то наблюдала за работой сварщика.

Дрова в очаге дружно горели. Дядя Мок подбросил в огонь щепотку соли, смешанной на этот раз с горстью земли, и в тот же миг в очаге вспыхнуло множество синих звездочек, которые с веселым треском рассыпались на тысячи искр.

Помолчав немного, дядя Мок велел нам поужинать маниоком, а потом ложиться спать. Поскольку в очаге было много горящих углей, Лоан решила испечь маниок особым способом: сначала разравниваются угли, потом на них кладутся рядками дрова, а поверх дров — маниок, только каждый клубень надо разрезать вдоль на большие куски — примерно так, как режут булку. Едва только куски маниока подрумянятся с одной сто-

роны, их надо перевернуть на другую сторону, тогда получается хрустящая корочка, как у хлеба, только что вынутого из печи. Любитель солененького может предварительно сбрызнуть мааник подсоленной водой, а любитель сладкого может намазать сверху тростниковой патокой.

Мы легли спать пораньше, потому что утром нам предстояло помочь дяде Моку прикатить из лесу еще несколько бревен для постройки хлева. Зунг вел себя как настоящий мужчина, у него все время появлялись интересные идеи, и он брался за такую трудную работу, которая нам с Лоан была просто не под силу. Все-таки парень есть парень, а год самостоятельной жизни многому его научил. Мы с Лоан все чаще признавали, что в хозяйственных делах первенство принадлежит не нам, а Зунгу.

— Как бы то ни было, а ты нас опять обставил,— говорила я Зунгу, наивно полагая, что моя похвала будет ему приятна, однако он лишь кривил губы и с видом взрослого мужчины цедил сквозь зубы:

— О чем разговор...

Во мне закипала злость, но до ссоры дело не доходило, на ссоры и замирения у нас не было времени, а когда мы начинали работать, Зунг опять командовал нами.

Через три дня после того как был построен новый хлев, хромой тигр утащил из него молодого бычка. Как только об этом узнала тетушка Кин, она начала ругать дядю Мока:

— Смотрю я, мое горе вас ничему не научило. Я-то ведь заранее знала, что затея эта добром не кончится, беда от нее только. Если тигр не чует человеческого запаха, он уж обязательно утащит быка. Сегодня одного, завтра еще одного... Так будет до тех пор, пока хлев совсем не опустеет.

Дядя Мок молчал. Прибежали другие соседи, каждый старался сказать свое слово, но все сходились на том, что новый хлев лучше сломать, что всю скотину все-таки умнее держать в хлеве под домом. Так-то оно надежнее...

Худышка Зунг, Лоан и я помалкивали. Этот хлев был нашей гордостью, мы затратили столько сил на его постройку. Но дело было не только в этом: несмотря ни на что, мы считали, что скотину надо держать отдельно,— это намного гигиеничнее. Но как отвадить тигров? Как уберечь домашнюю скотину?

В тот день за обедом мы все сидели будто в воду опущенные, но вечером дядя Мок сказал нам бодро:

— Что носы повесили? Или дела у вас нет? Тебе, Зунг, полезно почитать книжку, а вы, девочки, доставайте пальцы, нитки, займитесь вышиванием.

У нас с Лоан были и иголки, и цветные нитки, и пальцы,

и тетради, и ручки, и чернила. Вначале я заставила себя вести дневник, но скоро это занятие мне наскучило. Пяльцы и цветные нитки мы с Лоан доставали один или два раза, но сидеть за вышиванием нам теперь стало неинтересно: мы с нею вышили кое-как по цветку и надолго забросили и пяльцы и нитки. Теперь нам куда больше нравилось ловить в ручье рыбу, ставить силки на дикобразов, выкапывать дикие бататы, рвать плоды смововницы, печь на углях бататы и маниок. Теперь мы с Лоан превратились в настоящих Робинзонов и нам даже смешно стало вспоминать о тех днях, когда мы воображали себя Робинзонами, совершая очередное путешествие на остров Золотой Цветок. За день мы так уставали от всяких увлекательных занятий, что к вечеру валялись с ног, а после хорошего ужина у пылающего очага мы чувствовали себя такими разморенными, что мечтали только о том, как бы нырнуть под одеяло и заснуть крепким сном.

С тех пор как в доме дяди Мока поселился Зунг, я опять принялась за дневник. Мою дорогую Лоан, судя по ее беззаботному виду, абсолютно ничто не тревожило. Она всегда отличалась веселым нравом, а уж лени ей было не занимать. Зунг прихватил из дома дяди потрепанную книжку под названием «Троецарствие»¹. По вечерам мы читали ее вслух. Эту книгу мы столько раз перечитывали, что знали вдоль и поперек. Вот почему в тот вечер дядя Мок не придумал для нас с Лоан никакого другого занятия, кроме вышивания, — других развлечений не было. Из уважения к дяде Моку мы нехотя достали нитки и иголки, но дело у нас не пошло: в очаге прыгали и плясали языки пламени, при таком освещении контур на ткани был плохо виден, и стежки получались неровные. Мы отложили вышивание и решили испечь на углях немного маниока со сладкой патокой. Зунг с невозмутимым видом перечитывал — уже в который раз — «Троецарствие». На стене шевелилась огромная тень, которая падала от его взъерошенной головы. А дядя Мок сутился возле шкафа, дверцы которого были широко распахнуты. Он уже давно там что-то искал. Наконец он достал из шкафа завернутое в тряпку ружье, потом шомпол для чистки и смазки ствола, пули и множество каких-то мелочей.

При виде ружья у Зунга от радости заблестели глаза. Он тут же отложил в сторону книжку и подошел к дяде Моку, который собрался заняться разборкой ружья. Разбирая ружье, дядя Мок заодно объяснял Зунгу его устройство, потом они

---

¹ «Троецарствие» — роман-эпопея китайского писателя XIV в. Ло Гуанчжуна.

долго о чем-то секретничали. Мы с Лоан уже лежали в постели, а дядя Мок и Зунг все еще разговаривали, и на стене шевелились две их тени. Огонь в очаге то затухал, то вдруг ярко разгорался.

Утром худышка Зунг подозвал нас и сказал с очень важным видом:

— Дядя Мок собирается созвать на совет знакомых охотников. Он твердо решил, что от хромого тигра пора избавиться. Пока этот ворюга продолжает таскать скотину, никто из жителей селения не отважится построить хлев поодаль от дома. Сегодня дядя Мок будет говорить об этом со старейшиной.

— А тебя дядя Мок обещал взять на охоту? — спросила я.

— Само собой разумеется. Дядя Мок, конечно, возьмет на охоту не вас, а меня. Охота не женское дело, — ответил Зунг, всем своим видом подчеркивая превосходство над нами.

Он уже успел вообразить себя пупом земли. Перед нами был уже не простой смертный с обыкновенной головой, обыкновенными ушами и обыкновенными руками с пятью пальцами на каждой, а властелин мира, светило, которое каждый день восходит на востоке и заходит на западе, одаривая нас теплом и светом. До более подробных объяснений Зунг не снизошел, вместо этого он отдал нам распоряжение:

— Сполосните пиалы и палочки для еды, перед уходом мы с дядей Моком должны хорошо подкрепиться.

Я так рассердилась на Зунга, что слова застряли у меня в горле. А толстушка Лоан, как назло, упорно не замечала знаков, которые я ей подавала. Она как ни в чем не бывало возилась у очага, собиралась поставить на огонь рис. Я снова сделала ей знак глазами, но, увы, напрасно. Время от времени ее недогадливость просто выводила меня из себя.

Дядя Мок перекинул через плечо ружье, он хотел убедиться, что ремень прилажен хорошо, потом положил ружье на место и обратился ко мне и Лоан:

— Вы останетесь в доме одни. Не забудьте дать корму свиньям. А мы с Зунгом пойдем к старейшине.

— Хорошо, дядя Мок, — сказала Лоан своим звонким голосом, а я промолчала.

Дядя Мок бросил взгляд в мою сторону и все понял.

— Бе, мы с тобой уже были в доме старейшины. Тебе опять хочется пойти со мной?

— Нет, не хочется, — без колебания ответила я. — Чего я там не видала? В саду у него одни кислые-прекислые пампельмусы. Пусть с вами идет Зунг. Но когда начнется охота на тигра... я пойду с вами. Я ни за что не останусь дома.

Лоан удивленно вытаращила глаза: никогда еще я не говорила с дядей Моком таким резким и сердитым тоном. Зунг словно язык проглотил. А дядя Мок улыбнулся своей доброй улыбкой, погладил меня по голове и сказал:

— От этой девочки можно всего ожидать. Характер у нее крепкий.

Дядя Мок и Зунг отправились к старейшине. Вскоре Зунг вернулся, а дядя Мок пошел по домам охотников. Охота на хромого тигра должна была начаться через неделю, но накануне следовало совершить обряд жертвоприношения, чтобы испросить удачу на охоте. По этому случаю дядя Мок зарезал двух петухов и, зажарив их, водрузил на подносе перед алтарем предков. Он зажег ароматные палочки и долго молился. Когда ароматные палочки перестали куриться, он начал громко сзывать односельчан. На этот раз за едой все сидели с очень серьезными лицами и почти не говорили, а если и говорили, то только о посевах риса, об обработке горных полей. Никто ни словом не обмолвился о тигре — злейшем враге жителей селения, наводившем на них ужас. На этот раз обошлось без музыки и пения. Поев, люди быстро прощались с хозяином, предварительно пожелав ему удачи во всех делах, и расходились по домам.

Я с нетерпением ждала, когда дядя Мок проводит последнего гостя. Наконец все гости разошлись, и я с решительным видом подошла к дяде Моку. Не дав мне раскрыть рта, он прижал меня к себе, посмотрел на меня своими добрыми глазами и сказал:

— Охота не женское дело. И уж тем более не занятие для маленькой девчушки, так что тебе лучше остаться дома. За мной коготь хромого тигра, идет? Ты будешь носить его на шее как амулет. Старый тигр хуже дьявола, и его коготь имеет магическую силу: человеку, который носит на шее коготь старого тигра, не страшны никакие бури и ураганы.

Дядя Мок говорил со мной очень ласково и серьезно, поэтому я не стала ему возражать, а тут же пошла спать. Лоан последовала моему примеру. Зунг тоже улегся. Впервые в жизни в ту ночь я молилась предкам, я просила их ниспослать удачу дяде Моку, которого мы все горячо полюбили. Я, конечно, не знала никаких молитв, но мои губы шептали какие-то слова, которые шли из самой души. Если человек всей душой, всем сердцем стремится к чему-нибудь хорошему, то задуманное обязательно сбудется.

Ночь была тихая, только из леса время от времени доносился крик оленя да в очаге потрескивали дрова. Я долго не могла

заснуть. Засыпая, я продолжала молиться за благополучие этого уютного, гостеприимного дома на сваях.

Когда мы с Лоан проснулись, дяди Мока уже и след простыл. И все другие охотники тоже давно ушли вместе с ним. Пепельно-серые головешки в очаге едва тлели: огню, видимо, надоело бодрствовать всю ночь, он притомился и решил вздремнуть. В котелке не дымился рис.

Мы с Лоан выбежали на галерею и огляделись. Зунг уже был там. Долина безмолвствовала, над ней поднимался молочно-белый туман. Темные верхушки гор едва проглядывались сквозь проплывавшие мимо них облака. Каждый порыв ветра обдавал нас холодом, нам стало зябко и неудобно.

— Дядя Мок ушел из дому в такую рань,— сказала Лоан.— Почему он нас не предупредил?

— Охотник должен уйти из дома тихо и незаметно, только тогда он вернется с добычей,— отозвался Зунг.— Стоит поднять перед уходом на охоту шум, как тигр догадается, в чем дело, и охотникам достанется один тигриный навоз.

Зунг говорил с видом знатока. Я пошла на кухню, подбросила в очаг дров и поставила на огонь котелок с рисом, потом велела Лоан отложить свиньям из огромного чугуна пареных отрубей — они были приготовлены с вечера и еще не успели остыть. У дяди Мока недавно опоросились две свиньи, их голодное хрюканье оглашало всю округу. Хотя тигр утащил молодого бычка, дядя Мок продолжал держать скотину в новом хлеву. Он бросил вызов хрому тигру. Если сегодняшняя охота будет удачной, если дядя Мок выйдет победителем из схватки с хромым разбойником, то все жители селения последуют примеру дяди Мока и поставят хлевы поодаль от своих домов. Быт в селении сразу оздоровится.

Из лесу по-прежнему не доносилось никаких выстрелов, никаких голосов, там никто не перекликался друг с другом. Ветер давно затих, деревья в саду словно замерли. Белый туман в долине почти совсем рассеялся, небо на востоке уже очистилось от облаков, и вот из-за белой пелены выглянуло солнце. Вначале оно было неяркое — словно его обрызнули молоком, потом ослепительно засияло, засверкало, торопясь согреть все вокруг своими теплыми лучами. Вот уже стало совсем тепло. Наступил полдень. Мы наспех пообедали жареным мясом, хотя кусок не шел в горло. Мы больше ни единым словом не обмолвились об охоте на тигра, хотя ни о чем другом и думать не могли.

— Зунг, почитай-ка что-нибудь из «Троецарствия»,— сказала я.

— Что именно?

— Последнюю главу,— ответила я.

Зунг принес «Троецарствие» и начал читать. Я рассеянно слушала Зунга, эту главу я знала почти наизусть. Скоро слушать чтение Зунга мне стало невмоготу.

— Хватит, надоело,— оборвала я его на полуслове.— Чем бы нам таким заняться, чтобы хоть на минуту забыть об охоте?

Худышка Зунг закрыл книгу и со вздохом сказал:

— Мне самому надоело читать.

— Пойдемте к ручью собирать ракушки,— предложила Лоан.

Зунг возразил:

— Пока мы будем собирать ракушки, тигр прибежит сюда из леса и утащит свинью, что тогда будем делать? Он уже утащил бычка и хорошо знает к нам дорогу. Нет, лучше не стоит никуда отлучаться.

— Разве он может явиться сюда среди бела дня? — спросила Лоан, у которой от страха глаза полезли на лоб.— Ой, я боюсь! Давайте-ка уберем все лестницы, чтобы тигр не забрался в дом.

Зунг взглянул в сторону хлева, в его глазах был ужас.

— А если тигр уже притаился во дворе? — проговорил он.

— Тогда мы пропали! — вскрикнула Лоан.— Давайте заберемся в нашу комнату и крепко закроем дверь.

— Ерунда,— сказал Зунг.— Лучше забраться на верхушку большого дерева, чем ждать в закрытой комнате.— Заметив, как побледнела Лоан, Зунг совсем разошелся: — Ты думаешь тигру нужна твоя лестница? Да он запросто прыгнет в дом прямо с земли!

Тут мое терпение лопнуло.

— Не слушай его, Лоан,— сказала я.— Он тебя нарочно пугает. Парень, а несет всякую чепуху.

Зунг не на шутку разозлился и накинулся на меня:

— Я живу в этих краях почти год, а вы с Лоан явились совсем недавно, что вы понимаете? Я уже не раз покупал кости тигра, кости медведя и обезьяньи кости и перепродавал их тем, кто умеет варить целебные мази. Сколько мы с теткой слушались всяких историй про тигров! Чего только не рассказывают охотники!

— Вряд ли кто-нибудь из них говорил, что тигр может появиться в селении среди бела дня,— возразила я.— Все животные, в том числе и тигр, властелин джунглей, боятся человека.

В ответ Зунг присвистнул, и мне стало яснее ясного, что этот свист означает: «Как бы не так!» Я думала, что Зунг уgomонится, но он опять закусил удила:

— Ты не знаешь, а я точно знаю: когда на тигра устраивают облаву, он пускается на всякие хитрости. Охотники ищут его в лесу, а он в это время отсиживается в хлеву. Затаится там и никого не трогает — ни свиней, ни быков. Так поступают даже самые обыкновенные тигры, а этот тигр — хромой, он кого хочешь перехитрит. Ты говоришь, что любой зверь боится человека. Этот не боится, иначе он не посмел бы таскать скотину из хлева. Он запросто отгрызет голову быку, а человеку и подовно...

Глаза Лоан опять расширились от ужаса.

— Давайте закроем двери! — умоляюще проговорила она.

— Зачем? Перестань трусить! — прикрикнула я на Лоан и тут же устыдилась своего резкого тона.

Мне ведь было тоже страшно, но я старалась держаться. Лоан попалась мне под горячую руку: я разозлилась на Зунга. И потом... и потом... у меня из головы не выходил дядя Мок. Охотники во главе с дядей Моком не побоялись устроить облаву на тигра, а мы здесь празднуем труса, мы думаем только о том, как бы получше спрятаться, а на имущество дяди Мока нам, выходит, уже вообще наплевать. Разве такие, как мы, достойны называться настоящими людьми? Настоящий человек должен уметь при любых обстоятельствах сохранять присутствие духа и чувство собственного достоинства.

Лоан и Зунг притихли. Они оба так долго молчали, что мне стало не по себе. Вдруг мы услышали, как снаружи кто-то крикнул:

— Ау-у-у!

Я бросилась к двери, Зунг и Лоан сделали то же самое. Мы увидели, что по деревенской улице бежит парень. Он бежал в сторону покрытой лесом горы и на бегу кричал:

— Ау-у-у! Ау-у-у!

Крик был призывный и тревожный, эта тревога передалась и нам.

— Где он, где наш дядя Мок? Как он там? А что с тигром? Поймали его или нет? — закричали мы наперебой, но парень лишь бросил быстрый взгляд в нашу сторону и побежал еще быстрее.

Мы ошеломленно смотрели ему вслед. Добежав до подножья горы, парень припустился по тропинке, которая вилась вокруг горы, и скоро скрылся из виду.

— Наверняка его послали к дядюшке Року. Я слышал, как

охотники говорили, что без советов дядюшки Рока все равно не обойтись,— сказал Зунг.

— Что еще за дядюшка Рок? — поинтересовалась я.

Зунг окинул меня таким взглядом, словно хотел спросить: «Ты что, с луны свалилась?» Но вместо этого сказал с укоризной:

— Ты уже столько времени живешь в селении Муон и все еще не знаешь дядюшку Рока!

Я с недоумением посмотрела на Лоан, Лоан мне ответила таким же недоуменным взглядом: о дядюшке Роке мы обе слышали впервые.

— В селении Муон два десятка домов, и все они в этой долине,— важно начал Зунг.— Но есть еще один дом, он стоит вон на той горе! — Зунг показал на острую вершину высокой горы, ярко освещенную солнцем.— Там живет дядюшка Рок, охотник, которому нет равных во всей округе. Он охотится с одиннадцати лет. Его родители умерли, когда он был маленьким, и растил его дед, который тоже был очень искусным охотником. Когда-то дом дядюшки Рока тоже стоял в долине. К нему круглый год шли люди за шкурами тигров и леопардов, за медвежьей желчью и змеиным ядом, за костями всяких зверей и за целебными мазями. Видите дом старейшины? — Зунг показал рукой: — Вот там, недалеко от его дома, стоял дом дядюшки Рока, он был самый большой в селении Муон. С дядюшкой Роком даже местные властители держались почтительно: он ведь с первого выстрела попадал в глаз горному козлу.

Худышка Зунг замолчал, потому что в этот момент на тропинке, которая вилась вокруг горы, опять замелькала синяя рубаша парня, посланного звать на помощь охотника Рока. Зунг следил за парнем глазами до тех пор, пока он опять не скрылся из виду, потом пробормотал себе под нос:

— Минут через пятнадцать он будет у дома дядюшки Рока, если побежит вдоль ручья, через заросли гуайявы.

— Рассказывай дальше,— попросила я Зунга.

— Сейчас,— отозвался Зунг.— Так вот, слава охотника Рока росла, со всей округи к нему шли ученики, он обучал каждого искусству охоты не меньше года. Желающих учиться было так много, что за время обучения они съедали целую гору риса и такую же гору мяса. Ученики и сейчас не забывают своего учителя, приходят к нему с подарками. Особенно после несчастного случая.

— Какого несчастного случая? — спросила я с любопытством.

— Не перебивай! Так на чем я остановился? Ах да, я сказал, что у дядюшки Рока появилось множество учеников, которые со временем стали очень хорошими охотниками. Жена дядюшки Рока редко появлялась на горном поле — у нее было полно работы по дому, потому что ей приходилось круглый год стряпать на многочисленных учеников мужа. Так вот: у дядюшки Рока друзей было не счесть, а сын у него был один. Когда сыну исполнилось одиннадцать, отец стал брать его с собой на охоту. Жена дядюшки Рока слезно молила мужа не делать из сына охотника. «Пусть он лучше приучается обрабатывать горное поле,— говорила она.— Богатым не станет, зато спокойно доживет до старости. На худой конец будет жить тем, что достанется ему от родителей, а достанется не так уж мало, хватит и на рис и на мясо». Как ни плакала жена дядюшки Рока, как ни умоляла его не приучать сына к охоте, он ее не послушался, потому что твердо решил сделать из сына такого же искусного охотника, как он сам. А сын у него был очень смывленный и не робкого десятка. Ему еще не исполнилось и шестнадцати, а он уже ходил один и на медведя, и на кабана, так что ученики отца относились к нему очень уважительно. Когда сыну стукнуло восемнадцать, отец решил совершить обряд посвящения сына в охотники. Утром накануне того дня дядюшка Рок отправился охотиться, а сыну велел оставаться дома: ему надо было хорошо отдохнуть перед утомительным обрядом. Дядюшка Рок взял с собой на охоту двух своих учеников. В то утро стоял такой густой туман, что ничего не было видно даже на расстоянии протянутой руки. Дядюшка Рок проклинал все на свете, но возвращаться ни с чем не захотел: он решил во что бы то ни стало подстрелить какого-нибудь зверя. Такому знаменитому охотнику, как он, просто нельзя было возвратиться с пустыми руками. Еще накануне дядюшка Рок выследил гималайского медведя, но не стал его брать, а сделал отметины возле того места, где находилось его логово: тогда ему было не с руки тащить на себе медведя, потому что он уже успел настрелять много всякой дичи. Дядюшка Рок был уверен, что сладить с медведем ему будет так же просто, как заколоть собственного кабанчика. Когда все три охотника приблизились к логову медведя, все еще стоял густой туман. За большим валуном метнулась какая-то тень, дядюшка Рок выстрелил, не целясь. Он был таким метким стрелком, что бил наповал с первого выстрела. Но на этот раз он услышал не предсмертный рев медведя, а жалобный крик собственного сына:

— Отец, ты попал не в медведя!

Оказалось, его сын, будучи страстным охотником, не усидел дома. Ему захотелось отличиться накануне обряда посвящения в охотники, поэтому он послушался отца и побежал в лес на охоту вслед за ним, прихватив с собой своего приятеля. Он надумал подстрелить того самого медведя, которого они с отцом выследили накануне. И вот что из этого получилось...

Худышка Зунг умолк.

От его рассказа мне сделалось не по себе. «Какая страшная история!» — подумала я. Лоан подавленно молчала. Зунг продолжил:

— Жена дядюшки Рока после этого прожила недолго: она умерла с горя. После ее смерти дядюшка Рок построил себе дом на том самом месте, где нечаянно убил своего сына. Он поставил алтарь для поминовения сына и жены, на дверях своего дома повесил ветки — в знак того, что он больше не желает никого видеть у себя в доме. Перед алтарем поставил дулом вниз свое охотничье ружье — в знак того, что дал себе зарок больше никогда не охотиться. Вот и вся история.

— Тогда зачем охотники послали к дядюшке Року того парня? — спросила я.

— Не знаю. В этом-то и заковыка, — ответил Зунг. — Говорят, что уже несколько лет дядюшка Рок об охоте и слышать не желает. Неподалеку от дома он разбил небольшое поле, выращивает рис и понемногу проживает то, что удалось накопить раньше. И все равно во всей округе нет более искусного охотника, чем дядюшка Рок. Я думаю, нашему дяде Моку понадобилась его помощь. Чует мое сердце: у них случилось что-то непредвиденное. Видно, без дядюшки Рока им никак не обойтись.

— И ты думаешь, что дядюшка Рок согласится помочь? — спросила я с надеждой.

— Откуда мне знать, — сказал Зунг.

Глаза его были устремлены вдаль.

— И когда только ты успел узнать про все это? — удивленно спросила я. — Ты ведь здесь совсем недавно...

Зунг бросил на меня уничтожающий взгляд.

— Неужели ты не заметила, что я каждый день приношу из лесу хворост? Пока вы копаете маниок, стряпаете да готовите пойло для свиней, я успеваю облазить всю эту гору. Между прочим, никогда не забываю отнести дядюшке Року вязанку хвороста. Когда я первый раз увидел дядюшку Рока, еще ничего о нем не знал. Он сидел у себя в саду, и вид у него был такой несчастный. Я подумал про себя: «Ну как не помочь одинокому немощному старику? Надо будет принести ему хворосту».

Зунг замолчал. Мы тоже молчали. Уже близился закат. Под косыми лучами заходящего солнца долина предстала во всей своей первозданной красе. На верхушках деревьев догорали последние солнечные лучики. И вот уже солнце скрылось за горою. По всему селению раздавался знакомый стук деревянных колотушек: это загоняли в хлева скотину. Зунг сбежал по лестнице вниз, открыл хлев и загнал туда быков и коров дядюшки Мока. Он велел мне и Лоан побыстрее приготовить для свиней пойло из отрубей. Не перекинувшись друг с другом ни единым словом, мы принялись за дело: нам хотелось успеть вылить пойло в кормушку и подняться наверх до того, как стемнеет. У нас мурашки ползли по спине при мысли о том, что где-нибудь неподалеку, возможно, притаился кровожадный хромой тигр, а страшная история, которую рассказал Зунг, сильно распалила наше воображение. Мы вдвоем все же успели управиться с делами до наступления темноты. Надо сказать, что в этих краях смеркается очень быстро. Не успеет солнце скрыться за горой, как падают сумерки, при этом тьма сгущается прямо на глазах. С наступлением сумерек начинает дуть пронизывающий ветер, а с гор спускается холодный сизый туман. В эту пору знакомая долина, такая прекрасная и приветливая днем, приобретает странные зловещие очертания. Но мы все трое к тому времени уже сидели в кухне перед очагом и ждали, когда будет готов рис: мы успели здорово проголодаться.

— Надо положить в очаг побольше дров, пусть они хорошо разгорятся. В эту ночь нам все равно не заснуть — будем сидеть у огня, — сказала я.

Лоан и Зунг тут же со мной согласились, но, когда мы поужинали, нас стало клонить ко сну. Мы сидели и клевали носами. Тогда я сказала Зунгу и Лоан, чтобы они укладывались спать. Я осталась в кухне одна, но скоро и меня сморил сон. Что я только ни делала, чтобы не заснуть: щипала себя за уши, дергала за волосы, брызгала себе в лицо холодной водой. И, несмотря ни на что, я заснула прямо в кухне. Когда я проснулась утром, то обнаружила, что лежу, свернувшись калачиком, на полу возле догорающего очага. Вечером я положила в очаг так много сухих и сырых поленьев, что огонь в очаге горел очень долго.

Быки и коровы в хлеву давно проснулись и нетерпеливо стучали рогами о стенки, свиньи и поросята надсадно визжали, требуя еды. Уже было совсем светло. Я поскорее разбудила Зунга и Лоан, мы задали корму свиньям и выпустили на волю быков и коров. Едва мы отодвинули деревянный засов, как быки

и коровы кинулись из хлева, резво вскидывая ногами и поддавая друг друга рогами. Лоан насыпала курам кукурузных зерен. Она отгоняла длинной палкой старых петухов, чтобы они не отнимали корм у молодых курочек и цыплят. Хлопая крыльями и голосисто кукарекая, петухи разбежались по всему двору и стали сами добывать себе пропитание. Их было у дяди Мока десятка два.

Покончив со всеми срочными делами, мы поднялись в дом. Лоан принялась готовить завтрак — поставила на огонь котелок с рисом, а мы с Зунгом уселись каждый в своем углу. На сердце у меня кошки скребли, дом дяди Мока мне вдруг показался слишком просторным и пустым. Мы провели без дяди Мока меньше двух суток, но этого было достаточно, чтобы почувствовать, как нам его недостает. Без дяди Мока в этом доме было тоскливо и неудобно. Мы уже привыкли к тому, что, проснувшись поутру, спешили в кухню, где на огне уже стоял котелок с рисом, а дядя Мок сидел у очага и спокойно курил трубку. Теперь все вокруг казалось унылым и неудобным... Но ведь через пару месяцев должен приехать на побывку племянник дяди Мока, который увезет меня и Лоан отсюда. Каково будет тогда дяде Моку?

Из задумчивости меня вывели внезапно огласившие долину крики и ауканье. В горах любой крик отдается звонким эхом, поэтому шум поднялся невообразимый. Казалось, что перекликаются и аукаются не только люди, но и деревья, и валуны. Я с гулко бьющимся сердцем вслушивалась в этот нестройный волнующий хор. Оставшиеся в селении жители — старики, старики и дети — высыпали на верхние галереи своих домов и стали дожидаться, что будет дальше. Все смотрели в ту сторону, откуда должны были появиться охотники, но они все не появлялись.

В этом ожидании, казалось, прошла целая вечность. Вдруг затрепетала, зашумела потревоженная листва и из лесу вышла ватага охотников. Впереди шел охотник лет пятидесяти. Он шагал очень быстро. В руке у него было ружье, на плече висела охотничья сумка. За ним спешили еще два молодых охотника, а поодаль от них мы увидели четырех молодых парней, которые с трудом что-то тащили. Можно было подумать, что они волокут лодку. Мы не сразу догадались, что они волокут застреленного тигра. «А где же наш дядя Мок?» — подумали мы одновременно и переполошились. От волнения я вцепилась в руку Зунга, а он схватил за руку Лоан. Не в состоянии вымолвить ни слова, мы не отрываясь смотрели на тропинку, по которой шли охотники, мы ждали, что дядя Мок вот-вот появится. Но он,

к нашему ужасу, не появлялся. Мы уже стали думать, что с ним случилось несчастье, однако ни у кого из нас не хватило духу высказать свои опасения вслух.

Затаив дыхание мы ждали, что же будет дальше.

Охотники между тем шли в сторону селения, иногда они исчезали из виду, так как кое-где тропинка огибала большие валуны и густые кусты. Наконец охотники подошли совсем близко к селению. Я узнала мужчину, который шел впереди всех: его дом стоял рядом с домом тетушки Кин. Два охотника, которые шагали за ним, жили неподалеку от старейшины. А парней, что тащили тигра, я видела впервые: видно, они были из другого селения. Тигр раскачивался, подвешенный за лапы к большой палке, похожей на оглоблю. Пока он разгуливал по лесам и долинам, не было страшнее этого зверя. Этот тигр был очень старый: шкура у него свалаялась и из золотистой сделалась грязно-серой, а полосы на спине и боках оказались не черными, а какими-то белесыми. Видно, тигр поседел от старости. В некоторых местах шерсть у него облезла, и глядеть на нее не было никакого удовольствия. От тигра шел резкий запах — так пахнут многие лесные хищники. Даже мертвый он внушал страх, и все же мы были несколько разочарованы: этот облезлый старый тигр мало походил на грозного властелина джунглей.

Какой-то мужчина пнул мертвого тигра в бок и сказал:

— Утроба этого разбойника переварила не одну сотню наших быков и свиней. Но теперь он никому не страшен.

Скоро мы потеряли интерес к тигру, потому что нам надо было поскорее выяснить у охотников, что же случилось с дядей Моком. Мы подошли к парням, которые тащили тигра, — сейчас они сидели и отдыхали. В эту минуту нас заметил пожилой охотник, который шел впереди всех.

— Ваш дядя Мок остался в лесу около останков мальчика, которого загрыз тигр.

— А кто убил тигра? Дядя Мок?

— Нет. Во время облавы на тигра дядя Мок ненароком вывихнул себе руку. Хромого тигра убил дядюшка Рок. Никто, кроме него, не смог бы этого сделать.

— А где дядюшка Рок?

— Он тоже остался в лесу.

— А когда они вернутся?

— После того, как родители заберут останки сына.

У меня был, видимо, очень встревоженный вид, поэтому охотник поспешил меня успокоить:

— Не волнуйся, дядя Мок скоро придет. За родителями того мальчика мы послали быстрого парня.

Тут подал голос худышка Зунг, который до сих пор молчал:
— А в каком лесу они ждут? Не в том ли, где пещера Белой Обезьяны?

Охотник удивленно поднял брови:

— Так ты знаешь, где пещера Белой Обезьяны? Молодец! Они оба как раз и сидят неподалеку от этой пещеры.

Тут Зунг сказал нам с решительным видом:

— Вы, девчонки, оставайтесь дома, а я пойду разыщу дядю Мока.

Он уже собрался было припустить в сторону леса, но я успела вцепиться в его рубашку.

— Я пойду с тобой,— сказала я не менее решительно.— А ты, Лоан, присмотри за домом. Мы с Зунгом мигом обернемся.

— Я не согласна, я не останусь! — закричала Лоан, но мы с Зунгом не стали ее слушать и со всех ног кинулись в лес.

Я была уверена, что Лоан не побежит за нами: во-первых, она привыкла слушаться меня; во-вторых, она была трусовата. А если бы она и побежала за нами, то все равно бы быстро отстала, потому что моя Лоан была упитанная и неуклюжая, как хорошо откормленная уточка. Когда мы с худышкой Зунгом добежали до поворота дороги, я обернулась и увидела, что Лоан поднимается по лестнице в дом.

Мы помчались во весь дух по горной тропинке, но вскоре Зунг свернул с нее и повел меня кратчайшим путем. Теперь нам приходилось идти, раздвигая руками упругие ветки, которые больно хлестали нас, продираться сквозь колючие кусты и буйные заросли крапивы. Крапива кусалась, на коже вспухали волдыри, но я не обращала никакого внимания на зуд, потому что боялась отстать от Зунга, который, надо сказать, великолепно ориентировался в лесу. Можно было подумать, что он всю жизнь прожил в этих краях. Он шел так быстро, что я, считавшаяся хорошей бегуньей, едва поспевала за ним.

— Бе, куда ты так несешься? Сейчас же остановись! — вдруг услышала я сквозь шум ветра голос дяди Мока.

Пробежав по инерции еще несколько шагов, я остановилась и стала искать глазами дядю Мока.

— Бе, Зунг! Кто послал вас сюда? — встревоженно закричал дядя Мок, выходя из-за густых кустов.

— Никто... Нас никто не посылал... Мы сами...— ответила я, с трудом переводя дух.

После всего пережитого у нас с Зунгом было такое чувство, будто мы не виделись с нашим дорогим дядей Моком целую

вечность. Мы прижались к нему и от волнения не сразу заметили, что у него двигается только правая рука, а левая привязана к бамбуковой дощечке и висит поперек груди.

— У вас вывих? Вам очень больно? — спросила я с испугом.

— Уже не больно, — спокойно ответил дядя Мок. — Вывих — дело обычное. А целебные листья быстро снимут воспаление.

В этот момент к нам неторопливой походкой подошел дядюшка Рок, высокий жилистый старик. Казалось, он был сплетен из крепких корней. На его худом лице выделялись живые блестящие глаза. Меня поразило странное выражение этих глаз: и сердитое, и удивленное, и печальное. С худышкой Зунгом дядюшка Рок поздоровался за руку. Они тут же, как старые знакомые, стали что-то тихонько обсуждать.

Дядя Мок усадил меня на пенё. Я вдруг вспомнила, что где-то неподалеку должны лежать останки мальчика, которого загрыз тигр, и мне стало не по себе.

— А где... — было спросила я.

— Недалеко отсюда, но ты туда не ходи! — поспешно ответил дядя Мок.

— Как случилось, что его загрыз тигр? — спросила я. — Он был среди охотников?

— Нет, — покачал головой дядюшка Мок. — Парнишка пошел в лес собирать мед диких пчел. К несчастью, он оказался в этом лесу как раз тогда, когда мы начали облаву на тигра. Я велел парнишке немедленно отправляться домой, но он заупрямился: ему захотелось посмотреть на охоту. Короче говоря, парнишка меня не послушал. Когда тигра обложили со всех сторон, он очень разъярился. Охотники залезли на деревья, все надеялись на меня, а я, как назло, вывихнул руку и стрелять не мог. Этому хрому разбойнику человечина была не в диковинку, человека он загрызал так же легко, как быка или свинью. Услышав крики охотников и стук колотушек, тигр-людоед пустился было наутек, но когда учуял запах человека, то стал с грозным рычанием метаться возле деревьев, на которые забрались охотники. У всех за спиной ружья, но никто не осмелился выстрелить в тигра, потому что одной рукой надо было крепко держаться за дерево, чтобы не свалиться прямо к тигру в пасть. И так продолжалось с раннего утра до полудня. У бедного мальчишки, видно, не выдержали нервы, когда тигр вдруг начал метаться под тем деревом, на котором он сидел. Тигр так страшно рычал, что мальчишке стало худо от страха, и он свалился вниз. Тигр его тут же растерзал. Тогда один из молодых охотников — тот, что сидел на самом дальнем дере-

ве,— спрыгнул с дерева и стрелой помчался к дому дяди Рока, тигр даже ничего и не заметил.

— Мы видели, как он бежал через наше селение,— сказала я.

— Если бы не дядя Рок, нам пришлось бы очень туго. Никто, кроме него, не осмелился бы выстрелить в тигра.

Я взглянула на дядюшку Рока, о котором все говорили с таким уважением. Он рассеянно смотрел куда-то в сторону, словно речь шла не о нем.

— Как же дядюшке Року удалось застрелить хромого тигра? — спросила я.

— Он стрелял в упор. Это, конечно, очень опасно. Выбора у дядюшки Рока не было. Но если бы он не убил тигра с первого выстрела, то его самого уже не было бы в живых. Дядюшка Рок появился в тот момент, когда тигр уже не метался: расправившись с несчастным мальчишкой, он немного успокоился. Дядя Рок пошел на тигра, держа ружье на взводе. Тигр увидел его и замер на месте, а дядя Рок тем временем продолжал идти вперед. Расстояние между тигром и дядей Роком неумолимо сокращалось. В тот момент, когда тигр изогнулся к прыжку, дядя Рок нажал на спусковой крючок. В таких случаях нельзя терять ни секунды и надо бить без промаха, не говоря уже о том, что осечка будет стоить охотнику жизни. Я сидел на дереве и все видел собственными глазами. «Только бы у дядюшки Рока не дрогнула рука, только бы ружье не дало осечки!» — думал я.

Дядя Мок замолчал и вытер рукавом покрасневшие глаза. За эти два дня он очень устал, и нервы у него были на пределе.

— К счастью, дядюшка Рок убил тигра с первого выстрела,— продолжал дядюшка Мок.— Он попал ему прямо в лоб. Тигр сделал страшный прыжок и тут же рухнул на землю. Ты видела, как его несли наши охотники?

— Видела. Он показался мне каким-то грязным и ободраным, а как от него противно пахло!

— Это уж точно,— сказал дядя Мок. И впервые за все время улыбнулся.

Я хотела увести дядю Мока домой, но тут из-за деревьев вышел мужчина. Увидев его, я содрогнулась от страха и отвращения, руки и ноги у меня стали как ватные, а язык словно прирос к небу. Я в испуге прижалась к дяде Моку. Дело в том, что это был прокаженный. Я сразу поняла. Его безобразно распухшее лицо напоминало львиную морду, уши были покрыты язвами, руки скрючены, и на многих пальцах не хватало суставов — они отпали. Мужчина знал, какой страх он наводит

на людей своим видом, поэтому остановился поодаль, шагах в двадцати от нас.

— Отдайте мне останки загрызенного тигром человека,— вдруг сказал он гнусавым голосом.

У меня и Зунга мурашки поползли по спине, но дядя Мок и дядя Рок даже бровью не повели. А мы с Зунгом еще теснее прижались к охотникам. Между тем несчастный продолжал:

— Зачем вам останки того человека? Отдайте их мне, в них мое спасение. Я уже несколько десятков лет живу как зверь вдали от людей, мне не позавидует ни обезьяна, ни змея... Обезьяна, как положено обезьяне, может прыгать по деревьям и рвать плоды, змея, как и положено змее, умеет ползать, я же, рожденный человеком, должен прятаться от людей, я не могу жить среди них, я несчастнее самой разнесчастной твари. Сколько раз я хотел отравиться ядовитыми листьями, но я трус, у меня не хватает смелости лишиться себя жизни, хотя моя жизнь ужасна... Отдайте мне останки человека, которого загрыз тигр, помогите мне!

С этими словами прокаженный показал своей изуродованной страшной болезнью рукой туда, где, должно быть, лежали останки. Я не осмелилась взглянуть в ту сторону, но и смотреть на обезображенное лицо прокаженного было невыносимо. Я отвела от него взгляд и была на грани обморока. Дядя Мок молчал. Дядя Рок вскинул на плечо свое охотничье ружье и медленно сказал:

— У парня, которого загрыз тигр, есть родственники, вот к ним и обратись со своей просьбой, а нас оставь в покое.

Но прокаженный и не подумал уйти, он снова взмолился:

— Я его потом похороню по всем правилам. Он ведь уже ушел в загробный мир, а я еще живой. Дайте мне вновь превратиться в обычного человека, ведь сейчас я хуже червя, и выход у меня один — отравиться ядовитыми листьями или плодами.

Мы услышали плач прокаженного.

Охотники переглянулись. Вдруг дядя Мок сказал:

— Ладно, пусть будет по-твоему. Только потом ты, как полагается, предашь останки земле. После того как ты прикоснешься к телу, никто уже не решится его хоронить.

— Хорошо, хорошо,— ответил прокаженный и тут же исчез, но ушел он недалеко.

Мы слышали легкий шум и поняли, что прокаженный топчется где-то под деревом.

Ни я, ни Зунг не поняли, что ему было нужно.

Тут дядюшка Рок сказал:

— Ребятишкам надо возвращаться домой, им здесь делать нечего. Вон как они побледили от страха! А я все же дождусь родственников несчастного парнишки.

— А как же...— начал было дядя Мок и осекся.

— Все будет в порядке,— живо отозвался дядюшка Рок.— Идите домой и уведите отсюда ребятишек.

Мы вместе с дядей Моком пошли домой. Он всю дорогу молчал, мы тоже. Всем хотелось только одного: поскорее добраться до дома. К тому времени, когда мы подошли к селению, тигра уже освежевали, а мясо разделили между жителями селения. На верхней галерее висела шкура, лежали кости и когти тигра.

Лоан вышла к нам навстречу с корзинкой, в которой оказались куски тигриного мяса, у него был незнакомый специфический запах.

— Не берите это мясо, дядя Мок, мы не будем его есть,— сказала я.

— Ты права,— ответил дядя Мок, кивнув головой.— Мы все отдадим дядюшке Року. И шкуру тоже. Себе оставим только несколько тигровых когтей. Вы будете, если захотите, носить их как амулет. А из костей тигра надо приготовить целебную мазь и поделить ее между односельчанами.

Мы с Зунгом пошли к деревянной колоде с водой, чтобы умыться и помыть ноги. А дядя Мок решил помыть голову и ополоснуться теплой водой. Он бросил в бочку с водой какие-то листья — у него они были засушены и запасены впрок. Когда листья разбухли в воде, мы почувствовали приятный аромат, словно рядом курились благовония. Помыв голову и ополоснувшись, дядя Мок стал кликать соседку, тетушку Кин. Она сменила дяде Моку повязку на руке. Старые целебные листья она выбросила, заменив их новыми, другими, при этом намазала руку какой-то мазью, очень темной на вид. Тетушка Кин не стала привязывать руку к бамбуковой дощечке, так что теперь дяде Моку можно было шевелить рукой.

— Дня три ничего не делайте этой рукой, дайте ей полный отдых,— сказала тетушка Кин и собралась уходить.

Дядюшка Мок остановил ее.

— Вы были при разделке туши? — спросил дядя Мок.

— Да,— ответила тетушка Кин.

— А не заметили ли вы, куда они дели усы тигра? Сожгли?

— Да, сожгли. Сначала сожгли усы, потом разделили тушу,— сказала тетушка Кин и быстро ушла.

Дядя Мок удовлетворенно кивнул головой и сказал себе под нос:

— Это хорошо.

Потом он пошел в кухню, где его ждал обед, который приготовила Лоан. Уже было за полдень. Когда мы принялись за обед, неожиданно появился дядюшка Рок. Вид у него был очень усталый. Он прислонил к стене охотничье ружье, молча взял латуневый таз и собрался отнести к деревянной колоде с водой.

Дядя Мок отодвинул от себя еду, набрал в таз горячей воды для дядюшки Рока, принес сушеных листьев и бросил их в воду. Дядюшка Рок помыл голову, лицо, потом ополоснул ноги и только после этого сел рядом с худышкой Зунгом.

— Как хорошо, что вы пришли к нам,— сказала я.

Лоан и Зунг поддержали меня. Нам всем троим хотелось угодить дядюшке Року, но он сказал:

— Обедайте сами, я успею.

Лицо у него было менее подвижное, чем у дяди Мока. Он сидел с задумчивым, отрешенным видом.

Дядя Мок открыл заветный шкаф, достал тигровую мазь и положил по капельке в две фарфоровые чашечки для вина. Он подержал чашечки над горячими углями, чтобы мазь растаяла, после чего налил в них вина из кувшина с узким горлом. Я почувствовала опьянение только от одного запаха вина.

Протягивая гостю чашечку с вином, дядя Мок сказал:

— Я выпью за вас. Страдания не сломили вашу волю, рука у вас осталась такой же твердой, мускулы по-прежнему крепкие. Пусть с сегодняшнего дня ваше охотничье ружье будет повернуто дулом к лесу. Вы сделали великое дело: избавили жителей нескольких селений от хромого тигра-людоеда.

Дядюшка Рок ничего не сказал в ответ. Он молча поднес к губам вино и выпил залпом.

— Первая чашечка вина развязывает язык, вторая — согревает желудок,— сказал дядя Мок, наливая себе и дядюшке Року еще по чашечке.

Старики принялись за мясо, испеченное на углях. Лоан приготовила уху из большоголовых рыбешек, которых мы наловили в ручье; она положила в уху всяких ароматных специй и перца, так что охотники ели и похваливали.

— Я вижу, теперь вам не одиноко,— проговорил дядюшка Рок, поглядывая на меня и Лоан.

— Девчушки очень хорошие, обе большие умницы, а глазки у них сверкают, будто звездочки,— живо отозвался дядя Мок.— Как вы поладили с родственниками того парнишки?

— Я сказал им, что от мальчишки ничего не осталось.

А обряд поминовения души придется совершить прямо на том самом месте.

— А что с прокаженным?

— Он унес останки. Есть такое суеверие, что проказа при-
мется за мертвое тело, оставив в покое живое. Он верит
в это. А откуда он, этот прокаженный?

— Он когда-то жил в селении, что находится там, где растут
черные канарнумы¹. Когда он заболел проказой, жители се-
ления прогнали его в лес. Но у него есть двоюродный брат,
который носит бедняге в лес еду. Он оставляет еду в услов-
ленном месте на опушке леса и уходит.

— Тогда я знаю, о ком идет речь,— сказал дядя Рок.—
Я тоже знаю брата этого прокаженного. Он жалеет несчастно-
го и в то же время стыдится его. Раз в неделю он относит
в горы рис, соль, масло для светильника и все самое необ-
ходимое. А прокаженный живет в пещере — это неподалеку от
пещеры Белой Обезьяны. Пещера Белой Обезьяны просторная
и красивая, в нее часто приходят отдохнуть люди, когда ра-
ботают в поле поблизости. Прокаженный боится попадаться им
на глаза, поэтому держится подальше от пещеры Белой Обезья-
ны. А в той пещере, где он живет, полно летучих мышей, там
совсем скверно. Удивительно, как он до сих пор не умер от такой
жизни...

— А где родители этого прокаженного? Где родные братья
и сестры? — спросила я.

— Если тебе интересно, я расскажу его историю,— ото-
звался дядя Рок.— Родители его были богатыми людьми, одних
только быков и коров у них было сотни три, а свиней и то-
го больше. Проказой он заболел в возрасте двадцати лет,
и случилось это совершенно неожиданно. Родители очень жа-
лели своего единственного сына и кинулись к врачам, но лекари
ничем не могли помочь. Болезнь между тем усугублялась,
а сам больной уже наводил своим видом страх на все селение.
Родители закармливали местных властителей серебром и бронзой,
иначе те давно изгнали бы их сына из селения. Они покупали
чуть ли не возами табак и делали сыну подстилку из табака,
думая, что табак убьет болезнь. Какой-то лекарь посоветовал
им обмазывать больного кровью только что убитого быка.
Постепенно у них не осталось ни одного быка, а у сына уж
стали отваливаться пальцы на ногах. Однажды жители селения
велели ему уходить в лес и больше никогда не появляться среди

---

¹ Черный канариум — тропическое дерево, высота его достигает
десятка метров и выше.

людей. Его родители отравились с горя ядовитыми листьями, а он сам все еще жив... Сейчас ему уже лет сорок, если я не ошибаюсь.

— Да, около того,— подтвердил дядя Мок.

Мы уже давно забыли про еду, потому что рассказ дяди Рока о несчастном прокаженном очень опечалил нас.

— А все-таки напрасно жители селения прогнали этого человека в лес,— сказала я.— Он ведь ни в чем не виноват. Мне ужасно его жаль.

— Ты права, да не совсем,— сказал дядя Мок.— Люди боятся заразиться этой страшной болезнью. Там, в лесу, тебе самой было страшно даже взглянуть в его сторону.

— Конечно, я боялась... Но теперь эту болезнь лечат. У нас в стране для прокаженных созданы специальные лечебно-трудовые лагеря, они называются лепрозориями. Я слыхала, что в этих лагерях выздоровевшие больные даже могут жениться и иметь детей. В лагерях они выращивают для себя фрукты и овощи, ловят рыбу, креветок. Об этом я читала в газете, а вы газет не читаете...

Оба старика слушали меня с недоверчивым видом.

Тогда я чуть ли не крикнула им в лицо:

— Клянусь вам, что говорю правду! Скажите старейшине, чтобы он сообщил о прокаженном в волостной центр, из волости надо послать бумагу в отдел здравоохранения провинции. Вот увидите, за прокаженным тут же пришлют санитаров, его отправят в лепрозорий и будут там лечить.

Дядя Рок медленно сказал:

— Это было бы хорошо. Вон за той горой, я знаю, живут еще двое прокаженных, муж и жена. В нашей волости больных проказой наберется человек пять, а в уезде еще больше. Их не подпускают к селениям, но ведь они моются в ручьях, из которых мы берем воду. Кто знает, не заразят ли они других... Девчушка дает нам дельный совет. Как мы раньше не подумали об этом... Я прямо сегодня пойду к старейшине.

Дядюшка Рок был человеком дела. После обеда он вместе с дядей Моком отправился к старейшине. Как вскоре выяснилось, медицинским работникам в волостном и уездном центре были очень нужны сведения о неучтенных прокаженных. Им было известно, что время от времени из селений изгоняют людей, заболевших этой болезнью, а их дома сжигают. Из-за этого иногда возникают жестокие конфликты между односельчанами. Из волости, как я и предполагала, была направлена бумага в отдел здравоохранения провинции. Через некоторое время из

провинциального центра прислали в уездный центр специальных медработников, которые нашли больных проказой и отправили в лепрозорий.

СНОВА В ПУТЬ. НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

Мы вчетвером жили очень дружно. Дядя Мок относился к нам, как к собственным детям, а мы, в свою очередь, полюбили его, как родного отца. Привольнее всех жилось худышке Зунгу. С тех пор как дядюшка Рок снова стал ходить на охоту, худышка Зунг не отставал от него ни на шаг. За ним было трудно уследить: едва появившись в доме дяди Мока, он тут же исчезал. Мы знали, что большую часть времени он проводит с дядюшкой Роком. Было видно, что Зунг раз и навсегда вычеркнул из памяти злого и жадного капрала Кана. Он удивительно легко прижился на новом месте, быстро усвоил привычки местных жителей, одевался, как они, и в его внешности, в манере держаться появилось такое сходство с местными парнями, что его принимали за своего. Оба старика относились к Зунгу весьма уважительно. Да и как могло быть иначе? Зунг страстно полюбил охоту, и у него обнаружились повадки настоящего охотника, он ходил в лес за хворостом, на горном поле научился работать не хуже местных. Голова у него соображала хорошо, и он был мастером на все руки: мог смастерить и рисорушку, и очень красивый водосточный желоб. Дядя Мок купил двухлетнего жеребчика рыжей масти и разъезжал на нем вместе с Зунгом, при этом у обоих вид был весьма величественный, — как у военачальников из «Троецарствия». Толстушке Лоан тоже нравились радости тихой жизни на лоне природы. Характер у нее совсем не изменился: она осталась такой же инертной и по-прежнему во всем полагалась на меня. А я хоть и искренне привязалась к дядюшке Моку, ни на минуту не забывала о главной цели нашего путешествия. Я все время думала об отце, мне нравилось мысленно представлять, как он обрадуется, когда я приеду к нему на погранзаставу.

Однажды холодным вечером — дело шло к зиме — я напомнила дяде Моку:

— Дядя Мок, когда же вы отправите меня и Лоан к моему отцу?

— Я знаю, что тебе не терпится увидеть отца, — сказал дядя Мок, понимая кивнув головой, а глаза у него при этом стали грустные. — Ты же знаешь, на прошлой неделе я получил письмо из Ньонгле от моего племянника. Он обещал приехать в кон-

це года. Отпразднуем вместе Новый год¹, и отправлю вас с ним в путь. Так что потерпи.

— Спасибо, дядя Мок,— сказала я.

Я знала, что ему очень не хочется с нами расставаться, он уже успел привыкнуть к нам. Без нас ему будет одиноко и тоскливо. Я заранее представляла, как он будет ходить один по этому слишком просторному дому, как будет сидеть у очага и смотреть на огонь. Но ведь мне никак нельзя остаться здесь насовсем. Мне надо увидеть отца.

— Дядя Мок, я никогда вас не забуду,— поспешила я утешить старика.— Когда я вырасту, то обязательно приеду к вам в гости.

— Ты добрая девочка и хорошо относишься к людям, тебе можно смело верить,— ответил дядя Мок.

— Значит, я пробуду здесь еще месяца два?

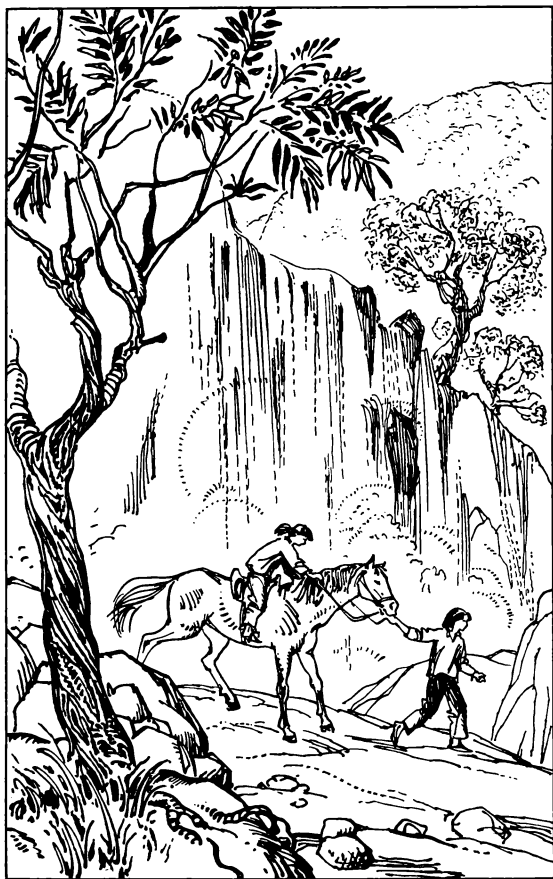
— Не горюй! Ты еще мало прожила в наших горах, не видала толком горных ручьев и водопадов.

После этого разговора дядя Мок разрешил мне и Лоан совершать раз в неделю прогулки в горах верхом на нашем жеребчике. Вот теперь-то мы изучили все горы: и те, что вздымались на востоке, и те, что громоздились на западе. В горах действительно были водопады удивительной красоты, раньше такие водопады мы видели только на открытках. Дядя Мок показал нам, где растут фиговые деревья с сочными и сладкими, как мед, плодами. Он научил нас находить в лесу нужное направление в любое время дня и ночи, научил отличать ядовитые лесные плоды от съедобных. Я узнала, что красивые цветы или симпатичные на вид грибы могут оказаться ядовитыми: если дотронешься до таких цветов или грибов, то сильно обожжешься, а то и ослепнешь. Зимой в горах дни короткие: не успеешь оглянуться, а уже темно. Время шло быстро. Уже на носу был праздник Нового года по лунному календарю. Жители селения начали ходить в горы за листьями фриниума², которые они приносили полными корзинами. Живя на равнине, я видела, как перед Новым годом в поездах везут из гор такое количество листьев фриниума, что поезда кажутся зелеными. Худышка Зунг принес для нашей семьи большую корзину этих листьев. На другой день он снова пошел в горы с корзиной поменьше — для дядюшки Рока. Зунг умел ловко заворачивать в листья и продолговатые пироги — такие делают

---

¹ Имеется в виду Новый год по лунному календарю, который раньше был в ходу во Вьетнаме. Но и теперь — это самый веселый праздник.

² Фриниум — тропическое растение с огромными листьями длиной до одного метра. В листья фриниума заворачивают новогодние пироги.

в здешних краях, — и квадратные, как у нас на равнине. Дядя Мок велел Зунгу двадцать седьмого числа, в канун Нового года, заняться приготовлением пирогов для нашей семьи, а двадцать восьмого — для дядюшки Рока. Мне и Лоан было доверено мыть листья в ручье. Мы очень тщательно и очень осторожно мыли листья с обеих сторон, стараясь их не повредить. Чем чище листья, тем дольше не портятся завернутые в них пироги. По случаю праздника полагалось заколоть свинью, и дядюшка Мок снова позвал бородача, который своим видом напугал меня и Лоан в первый день нашего появления в доме дяди Мока. В горных селениях Новый год празднуют не так, как в городах. Здесь мало заботятся об украшении домов и улиц, разве что вывешивают на домах флаги. Лавчонки не украшаются гирляндами разноцветных фонариков и красным шелком, на деревенских улицах не увидишь веселой нарядной толпы. Петарды, правда, во время праздника Нового года в горных селениях тоже весело грохочут, только не на улицах, а на галереях домов. Треск разрывающихся петард напомнил мне о том, как нравилось нам, детям, гулять в новогоднюю ночь по улицам нашего городка и жечь петарды... Под Новый год в каждом доме обязательно ставится ритуальный шест с украшениями из ажурных фигурок, вырезанных из цветной бумаги, и серебряных и медных гонгов, которые начинают мелодично позванивать, когда в дом врывается ветер. В предпраздничные дни все собираются на кухне, возле очага. Здесь кипит работа: надо мелко нарубить свинины для рулета, завернуть в листья новогодние пироги, приготовить тянучку из рисовых хлопьев и другие новогодние лакомства. В чугунных котлах и медных кастрюлях что-то варится и парится, распространяя аппетитный запах. В селении Муон умеют готовить тянучки из рисовых хлопьев. И готовят их куда тщательнее, чем у нас на равнине. Сначала варят на пару до готовности клейкий рис, потом перекадывают его для просушки в большие плоские корзины, а после просушки прокаливают на углях. Каждое зернышко расплющивается, и таким образом получаются белоснежные рисовые хлопья, их кладут на большие чугунные сковороды и жарят, следя за тем, чтобы угли горели равномерно и чтобы хлопья прожаривались постепенно и дружно лопались. После этого хлопья перемешиваются с сахарным сиропом, и все это заливается в формы. Из затвердевшей массы нарезаются великолепные конфеты — тянучки. Они куда вкуснее, чем у нас на равнине. А цукаты в селении Муон научились делать благодаря дяде Моку. Имбирь и кардамон придают им неповторимый вкус и аромат. С виду они очень твердые, а на

самом деле восхитительно тягучие. Их складывают в небольшие корзинки, посыпают рисовой мукой и так хранят месяцами: они не высыхают и не раскисают. Цукаты из пяти компонентов у дядюшки Мока получаются восхитительные, у нас на равнине я таких не пробовала, а те, что продают на рынках, не идут ни в какое сравнение с цукатами дядюшки Мока. Надо сказать, что под Новый год мы с Лоан бегали высунув языки и все равно едва справлялись с многочисленными заданиями дяди Мока. Так что подготовка к Новому году оказалась делом утомительным, и свелась она к бесконечной стряпне. И тем не менее эти заботы доставили нам большую радость. Когда все было закончено, дядя Мок первым делом поставил перед алтарем предков поднос с новогодними яствами, потом велел мне и Лоан набрать из ведра горячей воды и совершить омовение, проводив тем самым старый год. Сам он тоже помылся, надел чистую одежду, зажег ароматные палочки и принялся молиться перед алтарем предков. Он молился очень долго. Освещенный неярким пламенем керосиновой лампы, подвешенной к потолочной балке, и дрожащими языками зажженных возле алтаря свечей, дядя Мок предстал перед нами в образе древнего старца с лицом мудрого доброго волшебника, который совсем не был похож на того дядю Мока, которого мы видели каждый день. Лицо дяди Мока приняло серьезное, сосредоточенное выражение. Мы вдруг тоже почувствовали странное волнение: это нам передалось торжественно-приподнятое настроение дяди Мока, которое усиливалось от созерцания трепещущего пламени свечей, горевших возле алтаря. У нас появилось такое ощущение, будто мы видим огоньки, мерцающие в другом, далеком мире,— в том мире, куда ушли наши предки, а дядя Мок тихо беседует с ними о чем-то очень земном.

Из состояния мечтательного оцепенения меня вывел треск петард в соседних домах. Дядя Мок, оказывается, давно перестал молиться. Он поставил перед нами блюдо с новогодним угощением.

— Давайте, дети, встречать Новый год,— сказал он.— Желаю, чтобы в Новом году все вы были здоровые и добрые, чтобы вас не пригнул к земле шквальный ветер, чтобы вам не причинил вреда какой-нибудь дикий зверь. Желаю всем в Новом году радости и счастья!

Тост дяди Мока привел нас в замешательство: впервые в жизни нас поздравляли с Новым годом столь торжественно и уважительно, словно мы были не детьми, а взрослыми друзьями дяди Мока.

В ответ я тоже произнесла поздравление:

— Мы желаем, чтобы в вашу жизнь снова пришла весна, прекрасная, как цветы дикой сливы, что распускаются в горах, звонкая, как ручей, что струится среди гуайяв. Пусть ваши ноги будут крепкими, как корни вековых деревьев, пусть ваша рука будет твердой и сильной. Мы очень любим вас, вы всегда будете для нас самым близким, самым дорогим человеком. Мы вас никогда не забудем.

Хотя у меня все получилось складно, я почему-то сильно смутилась, и лицо у меня залилось краской. Дядя Мок, однако, очень растрогался.

— У тебя доброе сердце, девочка,— сказал он.— И у вас тоже,— обратился дядя Мок к Зунгу и Лоан.— Вы все трое очень славные. Из вас получатся настоящие люди, а не какие-нибудь лианы, колеблемые ветром. С Новым годом, дорогие мои!

Во всех домах раздавался треск хлопушек. Осушив свою чарочку, дядя Мок поджег фитиль у связки петард, которая была заранее вывешена у входа. Раздался звучный продолжительный треск, похожий на пулеметные очереди.

Худышка Зунг сказал с гордостью:

— У нас петарды стреляют куда звонче, чем у других!

— Ты молодец! — похвалил дядя Мок Зунга.— Петарды ты сделал превосходные. Ты станешь настоящим мужчиной, я в этом не сомневаюсь.

От этой похвалы Зунг буквально расцвел: ведь это он делал петарды, и они получились у него даже лучше, чем у тех парней, которые научили его этому искусству.

Через некоторое время худышка Зунг вновь продемонстрировал нам, что он заслуживает того, чтобы его считали настоящим мужчиной. Отведав новогодних яств, он спустился по черной лестнице и вскоре вернулся с незажженным факелом.

— Дядя Мок, я уже сыт. Позвольте мне пойти к дядюшке Року, ему, должно быть, очень тоскливо одному,— обратился Зунг к дяде Моку.

Тот кивнул головой:

— Ты угадал мои мысли. Если бы тебе не захотелось пойти в этот час к дядюшке Року, я бы мог подумать, что ты остался для меня чужим. Но теперь я вижу, что это не так. Теперь я могу считать тебя своим племянником.

С этими словами дядя Мок опустился с Зунгом вниз и собственноручно зажег факел. С галереи мы увидели, как в крошечной тьме загорелся веселый огонь. Сначала одинокий огонек светился в долине, потом замигал на поросшем лесом склоне

горы. Мы ушли с галереи только тогда, когда огонек совсем скрылся из виду.

Дядя Мок велел нам ложиться спать.

Самому ему, видно, спать не хотелось, и он принялся заворачивать в листья медовые лепешки. Когда я спросила, зачем ему столько пирогов, лепешек, сластей, он ответил со смехом:

— Пригодится!

Дядя Мок сидел в кухне, а я и Лоан нырнули под одеяло. Время было позднее, в доме стало еще холоднее. Лоан заснула сразу, а мне не спалось: я лежала и думала о том, почему не приехал племянник дяди Мока. Днем я не решилась задать этот вопрос дяде Моку, потому что боялась испортить ему настроение: а вдруг он подумает, что мне надоело жить в его доме и я мечтаю только о том, чтобы поскорее улизнуть отсюда? Мне и в самом деле не терпелось продолжить путешествие. С приближением Нового года мое нетерпение все усиливалось, мне хотелось поскорее увидеться с отцом, я о нем очень соскучилась. По маме я тоже скучала, но мама осталась в городе, ей не так трудно, как отцу на погранзаставе в глухом горном краю. Пожив в этих местах, я уже могла себе представить, пусть весьма смутно, жизнь пограничника.

Там, где служит отец, нет ничего, кроме неприступных гор, думала я. Может быть, там тоже есть селения вроде этого Муона. Но вряд ли в том краю так же красиво, как здесь. Горы там опасные, и к тому же на большой высоте, оказывается, плохо с водой. Племянник дяди Мока, который служит на погранзаставе в Ньонгле, писал, что за водой приходится спускаться в глубокое ущелье. Не натаскаешь воды — нечем будет умыться, да и зубы не почишь. И потом, трудно представить, чтобы там, на погранзаставе, всегда пылал очаг, согревая всех своим теплом. Вряд ли там у них есть такие чугунные и медные котлы, как у дяди Мока, из-под крышек которых доносятся аппетитные запахи. Там небось в самом лучшем случае кашевар приготовит для каждого бойца по два новогодних пирога, а здесь я привыкла ко всяким вкусным вещам. К тому же я сплю на мягком матрасе, под теплым одеялом. Приезжая на побывку, отец крепко меня обнимал, а я вырывалась из его рук, потому что от его одежды пахло чем-то незнакомым, а пальцы у отца были желтые от махорки. Я думала, что отец приносит с собой запах джунглей, который мне не очень-то нравился. «Почему я была такой черствой, такой бессердечной?» — с горечью и раскаянием думала я, лежа в постели рядом с Лоан. Неожиданно из глаз у меня потекли слезы. Я зарылась лицом в подушку и крепко зажмурила глаза,

но сон ко мне не шел. В селении по-прежнему трещали и грохотали петарды, в обступивших долину горах непрерывно звучало эхо. Я слышала, как в очаге потрескивают дрова. Дядя Мок сидел в кухне у очага, как каменное изваяние: мне была видна на стене совершенно неподвижная тень. Я вдруг вспомнила папашу Тхе, моего самого любимого учителя. Потом мысленно перенеслась в школьную лабораторию с всевозможными колбами, пробирками, ретортами и микроскопами различных типов. Мне нравилось разглядывать под микроскопом бактерии в капле воды или лапку мухи. Я не раз была старостой химического кружка, мне разрешали работать с реактивами и получать нужные химические реакции. Вот, например, сок какого-то растения, сейчас он зеленого цвета, но стоит в него добавить немного реактива, и он станет ярко-лиловым. А вот на дне пробирки образовались кристаллы соли; я знаю, что нужно сделать, чтобы они превратились в белый дым. Я представила себе раскидистые деревья, которые растут возле дороги, по которой я ходила в школу. А вот и наш дом. Мама уже пришла с работы. Услышав мои шаги, она отложила в сторону вязанье. Руки у мамы в тоненьких синих прожилках. Если я заболела, мама заставляла меня пить побольше сладкого чая и кормила рисом. Она любила приговаривать: «Это тебе поможет. Твой дед не признавал ничего, кроме клейкого риса и сладкого чая, а дожил до девяноста двух лет».

«Как там поживает мой родной городок?» — подумала я и стала с нежностью вспоминать его улицы и скверы, где мне была знакома каждая скамейка, каждый кустик. Вот заросший ров у древней городской стены. Вот шелковый флаг на рыночной площади. Сколько воспоминаний... От них никуда не уйдешь: ведь вся моя жизнь связана с городом, в котором я родилась и жила до того самого дня, когда... Я почувствовала, как к горлу подступил комок. Еще немного — и я разревусь. Надо взять себя в руки! Я вытерла слезы и посмотрела на тень, отбрасываемую фигурой дяди Мока. Дядя Мок, видимо, услышал мои всхлипывания. Он встрепенулся, провел рукой по волосам, потом тяжело вздохнул и встал. Я видела, как он полез в шкаф за новыми ароматными палочками...

Когда я проснулась утром, все уже сидели вокруг подноса и ждали меня. Худышка Зунг давно вернулся от дядюшки Рока. Он сказал, что дядюшка Рэк проговорил с ним всю ночь напролет, поэтому они оба не сомкнули глаз до самого утра. Я невольно прониклась уважением к Зунгу и подумала, что он и в самом деле ведет себя, как настоящий мужчина.

Я быстренько умылась, причесалась и присоединилась к

компании. Лоан достала из кастрюли горячие медовые лепешки. Дядя Мок посоветовал:

— Подождите, пока лепешки остынут, тогда они будут вкуснее.

Но мы не стали дожидаться, потому что горячие лепешки тоже очень вкусные. Внутри у них начинка из бобов с сахаром и мякоти кокосового ореха, на тесто идет мука, которая делается из клейкого риса, в тесто добавляется мед,— вот почему эти лепешки называются медовыми. Если их подсушить и повесить где-нибудь на сквозняке, они сохраняются очень долго. В горах прохладно, поэтому лепешки не закисают, а на ветру у них образуется твердая корочка, и от этого они становятся еще вкуснее.

После завтрака дядя Мок пошел вместе с нами поздравлять односельчан с Новым годом. В каждом доме нас угощали новогодними пирогами и чаем, отказываться от угощения было неудобно, поэтому к полудню у нас раздулись животы. Худышка Зунг растянулся на кровати и сказал с мольбой в голосе:

— Сегодня больше ничем меня не кормите! И вообще сегодня не надо ничего готовить.

— Как не надо? А ритуальный рис? Ведь сегодня первое число,— сказал дядя Мок.

Мне было не до ритуального риса, потому что я все время ждала, когда наконец появится племянник дяди Мока. Услышав шаги на лестнице, я бежала посмотреть, кто это идет, однако пока к дяде Моку шли лишь односельчане — они поздравляли его с Новым годом.

Утром второго числа я услышала, как кто-то поднимается по лестнице. Шаги были незнакомые. У меня забилося сердце от волнения, я решила, что это племянник дяди Мока, который служит на границе. Каково же было мое разочарование, когда я увидела низенького неопрятного мужчину, который однажды уже был у дяди Мока и умолял его приготовить целебную мазь для больной жены, после чего дядя Мок занялся поисками белой лошади. Даже в праздничный день этот мужчина был одет по-будничному. На нем колом сидел старый ватник, шея замотана грязным шарфом, на ногах надеты рваные брезентовые ботинки: сквозь дыры выглядывали пальцы. Вид у гостя был жалкий и удрученный. Его одеяние отталкивало еще и потому, что жители селения шеголяли все в праздничном; они разгуливали в новых рубашках: кто в белых, кто в темно-розовых, лица у них повеселели и раскраснелись. Невзрачный, плохо одетый мужчина вошел в дом и обратился к хозяину с приветствием:

— Желаю вам в Новом году не иметь ни в чем недостатка и приумножить ваши богатства!

Дядя Мок поднялся навстречу мужчине со словами:

— Благодарю. Проходи, я угощу тебя по случаю Нового года.

Дядя Мок велел подать ему с гостем блюдо с новогодними яствами.

— Я тоже желаю твоему дому всяческого благополучия. Пусть в Новом году в твоей семье не будет никаких неприятностей, пусть все будут здоровы и счастливы.

Гость молитвенно сложил руки и низко склонился перед алтарем.

— Премного вам благодарен... Я в большом долгу перед вами. Я буду благодарить вас до конца моих дней,— сказал гость, повернувшись к дяде Моку.

Этот мужчина поступил очень умно, явившись к дяде Моку в день большого праздника, когда не подобает вспоминать о старых обидах, о старых несчастьях: все плохое нужно оставить в старом году, все хорошее взять с собой в Новый год. Если в этот день к вам явится с поздравлениями очень плохой человек, вы все равно обязаны принять его как дорогого гостя и оказать ему знаки внимания. Дядя Мок поступил именно так: целых два дня он поил и кормил нежеланного гостя, а на третий день — это было четвертого числа — пошел его проводить и подарил ему на прощание три унции драгоценной мази, приготовленной из костей белой лошади. Гость хотел заплатить за мазь, но дядя Мок от денег отказался; тогда гость стыдливо опустил голову и сунул деньги во внутренний карман ватника, бормоча слова благодарности. Судя по всему, бедняга был счастлив.

А под вечер приехал наконец племянник дяди Мока. Я его сразу узнала.

— Здравствуйте! — сказала я срывающимся от волнения голосом. — Я давно вас жду. Я думала, вы приедете до праздника...

С этими словами я нетерпеливо потянула молоденького пограничника за рукав, но он несколько не удивился, а полез в карман и достал оттуда письмо.

— Вот тебе письмо от отца. Оно подмокло с одного края, потому что мне пришлось переправляться вплавь через речушку Ньюнгле. Там мост рухнул...

Но дядя Мок все-таки счел нужным представить меня своему племяннику.

— Это наша Бе, я писал тебе о ней,— сказал дядя Мок.—

А это мой племянник Кхиет, он служит на погранзаставе в Ньонгле,— разъяснил мне дядя Мок, хотя все было и так ясно.— Оглядев племянника, дядя Мок поинтересовался: — Ты ведь давно получил мое письмо, почему же так долго не приезжал?

Кхиет опустил на пол вещевой мешок и спокойно объяснил:

— Там у нас был сильный паводок, разрушено много мостов, так что кое-где надо преодолевать водные преграды вплавь. Тяжеловато пришлось. Автобусы ходят плохо и к тому же переполнены. Целых три дня я прождал на автобусной станции.

— Понятно,— сказал дядя Мок.— Иди помойся с дороги, отдохни, и будем ужинать.

Но Кхиет отрицательно покачал головой:

— У меня увольнительная по восьмое число, так что позвольте мне не задерживаться у вас. Я пойду домой, меня ждут родители. Да и сам я очень по ним соскучился.

— А где живут ваши родители? — спросила я.

— В селении Кхуон, вон за теми двумя горами.

Дядя Мок кивнул головой:

— Хорошо, отправляйся домой, только возьми на дорожку пирогов. Стало быть, восьмого числа ты вернешься сюда и заберешь Бе?

— Договорились. Начальник погранзаставы в Кхауфай несколько раз говорил, чтобы я обязательно привез туда Бе.

Дядя Мок стал засовывать в вещевую сумку племянника всякие пироги, а тот сказал просто, без церемоний:

— Я ужасно голоден, так что по дороге все съем...

Потом он попрощался с нами и стал спускаться с лестницы, жуя на ходу пирог. Дядя Мок пошел его проводить.

Худышка Зунг сказал с завистью:

— Какая ты счастливая, Бе! Скоро увидишь своего отца.

Я промолчала. На душе у меня было радостно, но эта радость несколько омрачалась тревогой за тех, кто останется здесь. Не за Лоан, конечно. Она, само собой разумеется, поедет со мной. Я заранее переживала за худышку Зунга и дядю Мока. А вдруг дяде худышки Зунга захочется вернуть племянника в свою харчевню, чтобы он снова был там на побегушках? Какая участь ждет Зунга в доме дяди и его жены, которая относится к парнишке с полным безразличием? Неужели ему суждено навсегда остаться в этом селении? А дядя Мок... Каково будет ему, если он снова останется один-одинешенек? У меня сжалось сердце от жалости к дяде Моку, когда я представила, как он сидит в полном одиночестве возле очага и размышляет о своей нелегкой судьбе. На дворе шумит дождь, в горах завывает ветер,

ночью на долину спускается холодный мрак... Если дядя Мок занедужит, кто приготовит ему горячую рисовую кашу? Кто поможет накопать на горном поле маниока для свиней? Представляю, как они будут визжать от голода, если их хоть один раз не накормят вовремя. Кто откроет утром хлев и выгонит на горное пастбище коров и быков? Их ведь еще надо пригнать назад, а когда они мирно улягутся в хлеву, жуя жвачку, надо закрыть хлев на засов.

Пока я предавалась грустным размышлениям, вернулся дядя Мок. Он словно угадал мои мысли.

— Ну вот ты и дождалась моего племянника... Так что скоро отправишься в путь. А обо мне не беспокойся. Столько лет я жил один, что уже привык.

Я ничего не ответила дяде Моку, но подумала про себя: привык-то привык, но ведь годы прибавляются, ноги и руки слабеют, и становится все труднее обходиться без чужой помощи.

Лоан тоже догадалась, какие мысли одолевают меня. Она сидела притихшая и невеселая. Тогда я набралась храбрости и спросила Зунга:

— Когда тебя ждут в селении Ной? Может, тебе стоит вернуться в наш город?

Зунг поднял на меня глаза. Взгляд их был суров и серьезен, как у хлебнувшего горя взрослого человека.

— Обо мне не тревожься,— сказал Зунг.— И о дяде Моке тоже. Я не собираюсь возвращаться ни в селение Ной, ни тем более в наш город. Капралу Кану я не нужен. Ему милее всего золото. Я решил остаться здесь. Мы с дядей Моком оба одинокие, и вдвоем нам будет хорошо.

Дядя Мок бросил на Зунга благодарный взгляд. Он вдруг быстро заморгал глазами. Он смотрел удивленно и растроганно. У меня отлегло от сердца.

— Ты славный парень,— сказала я и от души крепко пожала Зунгу руку.— Пока ты здесь, можно ни о чем не волноваться.

Худышка Зунг улыбнулся.

— Олень выбирает тот лес, где много сочной листвы, а человек — тот дом, в котором он чувствует себя уютно,— ответил Зунг с видом бывалого горца, всю жизнь прожившего в горах и хорошо знающего местные народные речения.

Дядя Мок, который слушал наш разговор, сидя у очага, вдруг молча поднялся со своего места и крепко обнял Зунга. Этот жест подействовал на всех нас умиротворяюще, всем нам сразу стало хорошо и радостно.

— Послушай, Зунг! Глядя на тебя, можно подумать, что ты родился и вырос в селении Муон,— сказала я с восхищением.— Ты теперь совсем не похож на того робкого, плаксивого мальчишку, которого мы знали раньше.

— Давайте не будем терять связь друг с другом, ладно? Я не вернусь в город до тех пор, пока не заработаю денег на алтарь для поминовения моей матери. Я должен буду привести в порядок ее могилу. А вы, я думаю, иногда станете приезжать сюда. Когда-нибудь я угощу вас шашлыком из мяса оленя, которого сам подстрелю.

В знак дружбы и верности мы сложили вместе руки. Это была забываемая минута в нашей жизни.

В оставшиеся до отъезда дни я читала и перечитывала коротенькое, подмокшее с одного конца письмецо, которое передал мне отец через Кхиета. Из письма мамы отец узнал обо всем, что случилось со мной. Отец ни в чем меня не упрекал, хотя он места себе не находил, пока у него на погранзаставе не появился Кхиет, который сообщил отцу, что я и Лоан временно поселились у его дяди. От радости отец даже заплакал. Ведь от нас так долго не было весточки, что отец и его товарищи решили, что мы попали в беду или, хуже того, нас похитили. Куда только отец не писал письма и запросы! Он даже обратился в милицию, чтобы объявили розыск. «Хорошо, что все обошлось благополучно»,— подумала я и стала мечтать о том, как в один прекрасный день поднимусь на гору Кхауфай и появлюсь на погранзаставе. Отец, наверно, считает дни и часы...

Восьмого числа я встала в четыре утра. Меня разбудил старенький будильник, который дядя Мок купил еще при колониальном режиме. На будильнике была нарисована конная упряжка, которой правили Белоснежка и семь гномов. От старости с будильника слезла вся позолота, но звонок у него был пронзительный, причем звенел он с перерывами. Если бы не этот звонок, я бы ни за что не вышла в такую рань из теплой постели. Дядя Мок велел Зунгу сварить рис и суп из свиных ножек и ростков бамбука.

— С утра надо поесть горяченького,— сказал он.— Весь день вам придется питаться всухомятку.

Я и Лоан стали собирать вещи. Мы надели теплые ватнички. У нас теперь было по три комплекта брюк и курточек, не считая новых ярких цветастых ватничков и таких же брюк, которые нам купил дядя Мок по случаю Нового года. Теперь наша дорожная сумка оказалась туго набитой вещами. Взглянув на раздувшуюся сумку, дядя Мок сказал:

— В эту сумку лучше положите пироги, а для одежды я дам вам дорожную корзинку.

Он открыл шкаф и достал оттуда круглую корзину с крышкой. Корзина была старая, но очень прочная. Когда мы сложили в нее наши вещи, дядя Мок протянул мне пачку денег.

— Это вам на всякий случай. Мало ли что может случиться в пути. Здесь пятьсот донгов. Деньги на автобусные билеты я дам Кхиету отдельно.

Я запротестовала:

— Мы не возьмем так много денег. Теперь мы будем не одни, а с Кхиетом.

Дядя Мок возразил:

— Не надо мне перечить. Вы уже оказались один раз на мели. Постарайтесь больше не попадать в такие истории.

С этими словами дядя Мок засунул деньги во внутренний карман моего ватника, потом заколол карман булавкой. Я не стала его благодарить, потому что сейчас слова благодарности прозвучали бы нелепо.

Вещи были уложены, и можно было завтракать. Мы сели поближе к очагу, чтобы согреться. Мы еще ели, когда на лестнице засветился луч карманного фонарика: это пришел Кхиет.

— Дядя Мок, вы уже встали? А наша Бе собралась в дорогу? — спросил Кхиет, поднимаясь по лестнице.

Он вошел в кухню, от его дыхания шел пар.

— Когда же ты вышел из дому? В полночь? — спросил дядя Мок.

— Вчера вечером сели ужинать всей семьей, разговорились и не заметили, как наступила полночь. А едва пропели первые петухи, я уже вышел из дома, так что спать даже и не ложился.

Судя по румяному лицу молодого пограничника, он не чувствовал себя утомленным и невыспавшимся. Внимательно оглядев меня и Лоан, боец посмотрел на наши вещи.

— Все уложили? Ничего не забыли? А еду на дорогу не берите. Мои родители тоже нагрузили меня пирогами, хватит на всех, — весело сказал Кхиет.

Тут вмешался дядя Мок:

— От тебя требуется, чтобы ты доставил обеих девочек на погранзаставу. Обо всем остальном я уже позаботился.

Кхиет неожиданно расхохотался.

— А вдруг по дороге нам встретится тигр? Тогда мне придется бежать от него с двумя девчонками на спине, да? — сказал он сквозь смех.

Дядя Мок тоже засмеялся и сказал добродушно:

— Девчушка, которую зовут Бе, очень смелая, тигры ей нипочем. А вот ее подруга Лоан — трусишка, так что не пугай ее заранее.

Сквозь широко распахнутую дверь в дом пахнуло холодным туманом. От холода и от сильного волнения меня бил озноб, и тем не менее душа моя ликovala: я уже предвкушала радость предстоящей встречи с отцом. Мне хотелось поскорее отправиться в путь, хотя на дворе было совсем темно.

— Ты не боишься темноты? — спросил меня Кхиет не без ехидства.

В ответ я отрицательно покачала головой, решительно вскинула на плечо сумку, подошла попрощаться с дядей Моком:

— До свидания, дядя Мок. Когда представится случай... Я хотела сказать, что когда представится случай, я обязательно приеду в селение Муон и погощу у вас. И вообще... я очень, очень полюбила эти места, эту долину.

Но слова застряли у меня в горле, а из глаз брызнули и потекли по щекам горячие соленые слезы, я почувствовала соленый вкус на губах.

У Лоан тоже глаза были на мокром месте.

— До свидания, дядя Мок,— сказала она, еле сдерживая слезы.

Дядя Мок весь сгорбился и как-то постарел.

— Ну, девочки, вам пора в путь... Не забывайте старика! Будет возможность, приезжайте ко мне, погостите. Я буду ждать вас. А провожать не пойду. Вместе с вами будет идти легко, а когда пойду назад, ноги сразу отяжелеют. Так что не взыщите... Ну что ж, счастливого вам пути.

С этими словами дядя Мок повернулся к нам спиной и ушел на кухню. Его высокая худая фигура загородила очаг. Из долины налетел порыв холодного ветра, дверь с шумом захлопнулась.

— Ну, а теперь прощайтесь со своим товарищем — и в путь! — сказал Кхиет, имея в виду Зунга.

Однако Зунг отрицательно покачал головой:

— Рано прощаться: я провожу вас до того склона горы.

Кхиет проверил, хорошо ли работает карманный фонарик, и громко сказал дяде Моку:

— Ну мы пошли, дядя! До свидания! Будьте здоровы!

Дядя Мок тихо отозвался из кухни:

— Счастливого пути!

Кхиет сбегал с лестницы, мы с Лоан последовали его примеру. Худышка Зунг закрыл дверь и пошел за нами. Селение еще спало, в долине стояла кромешная тьма, поэтому фонарик

Кхиета очень пригодился. Он шел впереди и освещал дорогу, Лоан шла за ним, я шагала вслед за Лоан, а завершал шествие худышка Зунг. Со стороны можно было подумать, что мы играем в игру, которая называется «змейка». К нашему ужасу, иногда из-под наших ног с шипением отскакивали в сторону настоящие змеи. Увидев змею, мы холодели от ужаса, хотя дядя Мок дал нам мазь от змеиных укусов, а Кхиет уверял, что в этом краю самые опасные змеи живут на деревьях, а не на земле.

— Те змеи, что ползают по земле, не так опасны,— утешал нас Кхиет.— Не бойтесь их. На крайний случай у нас есть мазь. Она у меня под рукой, в кармане.

Время от времени Кхиет шутил:

— Если змея укусит кого-нибудь из вас, я потащу несчастного на своей спине. А что будет со мной, если меня укусит змея? Кто меня поднимет? Видно, придется тогда вам привязать меня за руки, за ноги к палке и тащить, как медведя!

Шутки Кхиета сместили нас, и с ними шагалось легко. Кхиет был нунгом, покойная жена дяди Мока приходилась ему родной тетей, но он с детства жил на равнине среди вьетнамцев, свободно говорил по-вьетнамски. Он был боек — из тех молодых веселых парней, которые за словом в карман не лезут. С его языка часто слетали остроумные шутки-прибаутки, он то и дело добродушно подтрунивал над нами и рассказывал всякие забавные истории.

Когда мы стали спускаться с горы, за которой скрылась полюбившаяся нам долина, стало понемногу светать. Уже можно было различить и колючие кусты возле дороги, и вековые деревья-великаны, безмолвно встречавшие туманный рассвет. Когда немного рассеялся туман, а собравшиеся за ночь тучи спустились в ущелье, впереди замелькали огоньки.

Я сказала Зунгу:

— Тебе надо возвращаться назад.

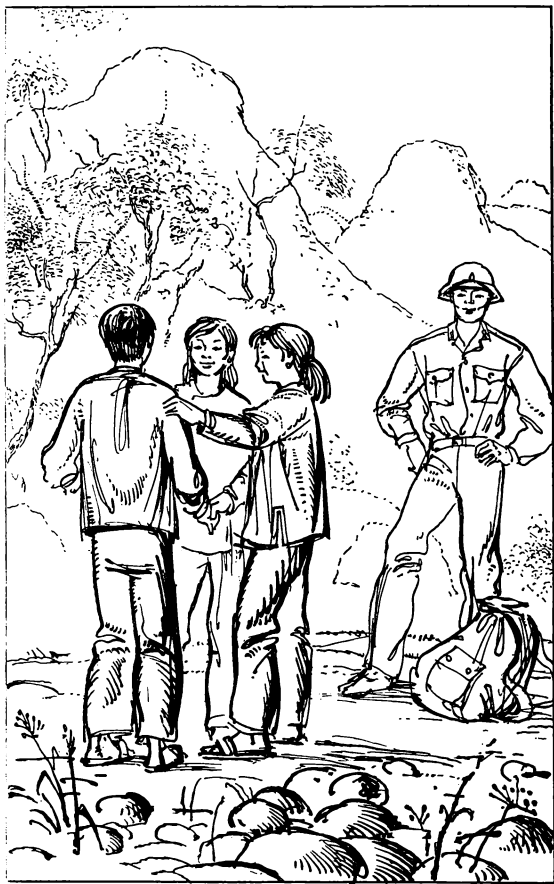
Кхиет поддакнул мне:

— Как ни весело в компании, а возвращаться надо. Мы ведь незаметно отшагали километров двенадцать, никак не меньше. Одному тебе идти назад будет скучновато, но ничего не поделаешь.

— Это точно! — бодро ответил Зунг, но и не подумал повернуть назад.

Он стал прощаться с нами только тогда, когда на востоке заалела заря и на верхушках деревьев заиграли первые солнечные лучи.

— Теперь я, пожалуй, пойду назад,— сказал Зунг.— Счастливого вам пути, девчонки. Напишите мне письмецо, ладно?

На прощание мы обнялись и расцеловались с Зунгом. У себя в городке такое нам бы и в голову не пришло, а здесь как-то само собой получилось, что и я, и Лоан кинулись одновременно обнимать худышку Зунга. Он воспринял это как должное и тоже обнял нас.

— Ну, пока... — сказала я.

— Пока, — ответил Зунг и повернул назад, а мы быстро пошли в противоположную сторону.

Пройдя немного, я и Лоан, как по команде, оглянулись. Как раз в этот момент Зунг тоже оглянулся и помахал нам рукой. Мы остановились и долго махали ему вслед, а он еще много раз оборачивался на ходу. Когда фигурка Зунга скрылась за перевалом, мы стали продолжать спуск, пока нам не преградил путь шумный горный ручей.

«До свидания, друг! — мысленно обратилась я к Зунгу, когда перешла на ту сторону ручья. — Если бы не наша встреча в этом краю гор и ручьев, нам не суждено было бы стать добрыми, верными друзьями. Куда бы ни забросила меня судьба, я всегда буду помнить о тебе, буду скучать по селению Муон, в котором ты остался...»

Непонятно почему, в тот момент я была уверена, что впереди меня ждут светлые дали.

«А теперь вперед!» — сказала я себе.

Я старалась ни на шаг не отставать от Кхиета. На востоке золотился восход. Утренняя заря в горах, особенно весной, не ослепительно яркая, а нежная и мягкая, как белые барашки, молча плывущие по небу.

Нет надобности подробно описывать наше путешествие до границы: оно не было отмечено ни особо радостными, ни особо печальными происшествиями, потому что с нами был Кхиет и мы всецело полагались на него. Стоило нам проголодаться, как мы открывали сумку и доставали оттуда пироги, медовые лепешки, цукаты и прочую снедь, которой снабдил нас на дорогу дядя Мок. Кроме всего прочего, дядя Мок заставил нас захватить еще свиной рулет и вареную курицу.

В городок Лангшон мы пришли под вечер. На автобусной станции собралось очень много народу, и всем, как назло, тоже нужно было ехать до Каобанга. Нам сказали, что раньше чем через три дня мы никак не уедем. В очереди за билетами все успели перезнакомиться, а перезнакомившись, вели нескончаемые беседы. На ночь мы расположились вместе с группой солдат и геологов у подножья горы, вернее, в большой пещере. Мы натаскали туда хворосту и разожгли костер, а спали по очереди: пока одни поддерживали огонь, другие спали, при-

жавшись друг к другу. Кхиет был горазд на выдумки: он натаскал в пещеру сухих листьев, постелил на них брезент и велел мне и Лоан улежся, а сверху прикрыл нас своим гамаком, тоже брезентовым. Сам же он вызвался следить за тем, чтобы не потух костер: дым костра отгонял комаров-кровососов.

У нас теперь уже был опыт походной жизни, и ночлег под открытым небом нас нисколько не пугал. На этот раз мне не мерещились в темноте всякие ужасы, как в ту ночь, когда мы вместе с Као расположились на чужой веранде. Мы решили заглянуть в харчевню тети Муй. Там было так много народу, и тетя Муй была так занята, что встретила нас прохладно. Мы перекинулись с нею несколькими фразами и тут же ушли. За три дня, что мы провели в городке Лангшон, я пополнила запас сластей, которые хотела отвезти отцу. Я купила несколько пакетов мятных пастилок, цукаты из лакрицы, нугу с орехами и другие лакомства, которые, я знала, любил мой отец: когда он приезжал на побывку, мама всегда покупала ему все это. Мне говорили, что на границе в первый месяц весны все еще очень холодно, поэтому я купила в подарок отцу толстый шерстяной шарф и шерстяные перчатки. А для себя и Лоан купила по клетчатому шарфу и по паре теплых носков. Я приобрела еще немного ниток и пуговиц покрупнее. Увидев мои покупки, Кхиет выразил свое одобрение. Он говорил, что на заставе пограничники нам будут очень рады.

На третий день подошла наконец наша очередь за билетами. В автобусе нас поджидала неожиданная встреча. Настолько неожиданная, что в первый момент я и Лоан не поверили своим глазам. Такое не пригрезится даже во сне.

Как только подошел автобус, к нему кинулись пассажиры с билетами. Водитель посадил сорок одного человека, хотя мест было сорок три. Пассажиры, которых не взяли в автобус, подняли страшный крик из-за двух свободных мест. Тогда помощник водителя объяснил, что билеты на эти два места проданы. Но когда помощник водителя сел в автобус и захлопнул дверцу, автобус обступила возбужденная толпа. Люди колотили в дверцу и по стенкам автобуса кулаками, требовали, чтобы помощник водителя показал им все сорок три билета с соответствующим штампом.

— Двух пассажиров мы захватим по дороге. Вот их билеты. Пожалуйста, проверяйте...

Неудачливые пассажиры, проверив билеты, убедились, что они не поддельные, и немного утихли. Старший из водителей сердито прикрикнул:

— Отойдите от машины! Хватит скандалить попусту!

Помощник водителя вновь захлопнул дверцу: претендентов на два пока свободных места постигло горькое разочарование. Автобус тронулся. Когда мы проехали километров двадцать, на пути попался крошечный городок. В нем была одна-единственная улица, на которой стояло несколько десятков домов. Из одного дома выскочила очень смуглая девочка в красном платке и замахала руками.

— Остановитесь здесь! Остановитесь! — кричала она, делая знаки водителю автобуса.

Водитель затормозил, автобус проехал еще шагов двадцать и остановился перед харчевней с аляповатой вывеской, на которой было написано: «Рис. Лапша. Вино». Как только автобус подъехал, из харчевни вышли две женщины — каждой было за сорок, и двое мужчин, которые несли тяжелые вещи. Девочка в красном платке бежала рядом. В одной руке она держала две бамбуковые корзинки, в другой — два вещевых мешка. Мужчины внесли вещи в автобус и сразу вылезли из него, а женщины сели на свободные места. Девочка в красном платке устроилась прямо на вещах, не обращая никакого внимания на протесты пассажиров. Мне она показалась знакомой, но окончательно я узнала ее только тогда, когда она оглянулась в мою сторону. Кто бы мог подумать: это была Рыжая Жаба!

Она тоже узнала меня и обрадованно завопила:

— Ой, кого я вижу! Это ты, Бе?

Рыжая Жаба стала проталкиваться к моему месту, задевая по дороге других пассажиров.

— Ой, толстуха Лоан тоже здесь?! — закричала Рыжая Жаба и со всего размаху хлопнула меня по плечу. — А в нашем городке пустили слух, что тебя, Бе, похитили китайцы с Тайваня, а толстуху Лоан отправили туда, где живут мео... Вот смехота!

Рыжая Жаба хохотала у меня над ухом и тараторила, не давая мне вставить ни слова. Она не говорила, а строчила как пулемет:

— Надо же! Сидят себе рядышком! Умора — да и только! Толстуха Лоан всегда была такая беззаботная, такая беззаботная! Оттого она и жирненькая, как перепелочка! А между тем капрал Кан облапошил ее мамашу, отнял у нее все золото, а потом выставил взашей. Ее родственники затеяли драку с капралом Каном, да только все напрасно. Так что мамаша твоей подружки, Бе, живет теперь у твоей мамы, — сообщила мне Рыжая Жаба. — Эх, была бы я на месте матери Лоан, я бы

всыпала этому Кану по первое число! А твоя мама сильно сдала, она теперь стала худая... не то что раньше. А почему ты ей не поешь?

Рыжая Жаба продолжала громко тараторить, не обращая внимания ни на Лоан, которая от стыда покраснела до корней волос, ни на пассажиров, которые начали бросать на нас любопытные взгляды. Я не выдержала:

— Нашла о чем говорить! Лучше расскажи про себя! Как ты здесь очутилась?

— Я-то? — переспросила Рыжая Жаба и опять без видимой причины стала хохотать над моим ухом.

Только тут я обратила внимание на то, что у Рыжей Жабы подведены брови, в ушах серьги, и вообще она старается выглядеть взрослой девицей. Она и в самом деле была куда крупнее меня, однако говорила со мной заискивающим тоном, вводя тем самым меня в краску.

— Я бы до конца жизни была на побегушках у этого пьяницы, моего папаши, если бы моя тетка не вытащила меня из того проклятого болота, — начала Рыжая Жаба свой рассказ и показала пальцем на дородную смуглую торговку с массивной золотой цепью на мощной шее. — Тетка приехала к нам в гости и с ходу накинулась на отца: «Девка, говорит, давно выросла, а все топчется на одном пятке. Да разве на этом рынке развернешься? Отпусти ее со мной, я приучу ее к настоящему делу, она у меня быстро научится выколачивать солидные барыши, не то, что здесь. Ты как был деревенщиной, так и остался. С тобой девка пропадет ни за грош». Я не долго думая собрала в узелок свои вещички и уехала с теткой. Скоро полгода, как мы с нею торгуем, у меня уже есть кое-что за душой. Я, между прочим, уехала из нашего города вскоре после того, как стало известно, что тебя исключили из школы. А я в этом нашем городишке ничего не потеряла.

Прыщавое лицо Рыжей Жабы приняло горделивое выражение. Теперь я разглядела, что Рыжая Жаба одета во все новое: она щеголяла в новой куртке на медвежьем меху, с разрезами по бокам, и в черных сатиновых брюках. Я не удержалась и спросила:

— Откуда у тебя деньги на наряды? С такими замашками тебе не сколотить капитал!

— Не беспокойся, капитал я понемногу сколачиваю. А наряды покупает мне тетка. Она очень хорошо ко мне относится!

Рыжая Жаба явно хвасталась своими успехами, но получалось это у нее как-то очень просто и естественно. Я даже почувствовала симпатию к этой невежественной и некрасивой

девчонке, потому что у нее было одно очень хорошее качество: искренность. Я поинтересовалась новостями в нашем городе, и Рыжая Жаба стала с готовностью рассказывать о том, что ей было известно, причем голос ее разносился на весь автобус. Под конец она сказала, горестно причмокнув губами:

— А вот куда исчез худышка Зунг, для всех так и осталось тайной. С тех пор о нем ничего не слышно. Подозрительно, что пропал именно Зунг — добрый, честный парень. Ведь ни для кого не секрет, что остальные сыновья капрала Кана — жулики и мошенники.

Я, конечно, не удержалась и тут же рассказала Рыжей Жабе о том, как мы с Лоан встретили Зунга в селении Ной и как он туда попал.

— Дядя Зунга, похитив своего племянника, сильно про считался: он-то думал, что капрал Кан захочет вернуть сына и поделится с ним фамильным золотом своей покойной жены, матери Зунга. Не тут-то было! Этот капрал Кан, наверно, обрадовался, что брат покойной жены избавил его от необходимости заботиться о сыне, — заключила я.

Рыжая Жаба слушала мой рассказ, вытаращив от изумления глаза и приподняв брови.

— Надо же! — сказала она. — А у нас в городе никто ничего не знает. Этого капрала Кана многие просто не переваривают, а после истории с тетей Лью его и вовсе считают подлецом. Значит, до сына ему тоже дела нет... Ну и бестия этот Кан. От него сам сатана отшатнется. А тебе известно, чем он занимается сейчас?

Я отрицательно покачала головой, а Рыжая Жаба вдруг перешла на шепот:

— Он занимается темными делишками. Точнее говоря, он наживается на контрабандной торговле опиумом, а это, сама знаешь, дело опасное. Торговля опиумом запрещена государством. О махинациях капрала Кана я случайно услышала от одного знакомого моей тетки. Этот капрал Кан — настоящий подлец. Вот я возьму и разузнаю побольше о его незаконных делишках. Тогда он у меня попляшет. Я отомщу ему и за худышку Зунга, и за маму твоей подруги Лоан.

Рыжая Жаба вдруг нахмурилась и призадумалась, отчего сразу постарела лет на десять. Когда наш автобус одолел очередной перевал, Рыжая Жаба и обе торговки приготовились сходить.

Рыжая Жаба вышла из автобуса и зычно крикнула:

— Счастливого пути!

Скалы отозвались звучным эхом.

Я махала Рыжей Жабе и следила за ее красным платком до тех пор, пока она не исчезла за поворотом дороги.

В Каобанге мы пробыли не больше получаса. Подкрепившись и немного придя в себя после тряской езды на автобусе, мы тронулись в путь. От Каобанга до погранзаставы было куда дальше, чем от городка Лангшон до селения Муон. Когда мы прошли километров двадцать, нам на пути попало селение народности таи, а дальше громоздились безлюдные горы. Время от времени на горной тропе попадался одинокий путник, который вел под уздцы навьюченную лошадь.

Кхиет достал карабин и нес его в руке. Теперь он шел молча, не отпускал больше шуток и не рассказывал забавных историй. Он принял серьезный и озабоченный вид. Мы его прекрасно понимали и старались ни на шаг не отставать, внимательно следя за дорогой и прислушиваясь к незнакомым шорохам.

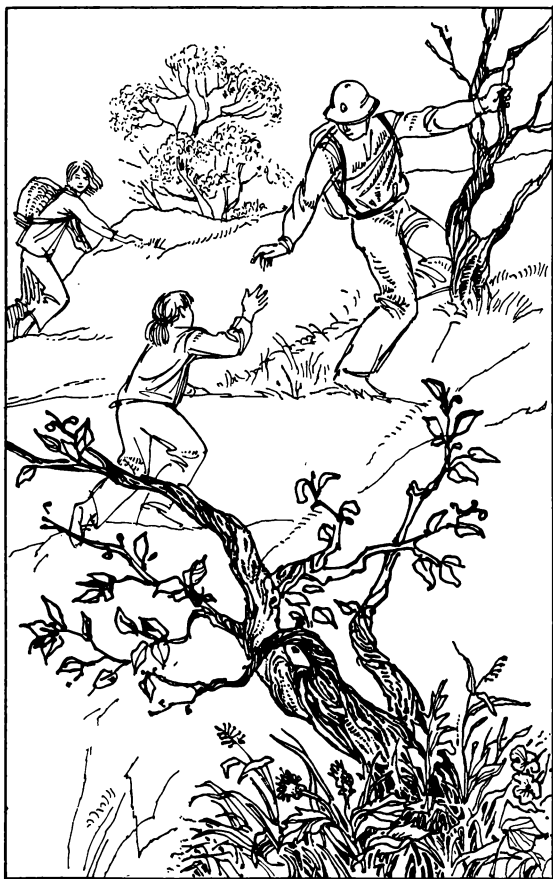
Весь день мы шли, а когда наступила ночь, Кхиет натянул между двумя деревьями гамак и велел мне и Лоан укладываться спать. Гамак был широкий, так что места нам вполне хватало. Сверху Кхиет прикрыл нас куском брезента. А сам он залез на дерево, устроился на толстой ветке, привязав себя веревкой к стволу, чтобы не упасть во сне. Ружье он прижал к груди. Мы провели в лесу не одну ночь. Просыпаясь по утрам, мы каждый раз с удивлением обнаруживали, что Кхиет крепко спит, сидя на ветке дерева.

Через несколько дней пути ноги у нас стали подкашиваться от усталости, хотя за то время, что мы жили в селении Муон, привыкли лазать по горам. Нам пришлось не раз с благодарностью вспомнить о дяде Моке, который снабдил нас провизией. Опытный человек, он предвидел, что путь нам предстоит нелегкий и неблизкий, поэтому не пожалел пирогов. Три дня мы ели новогодние пироги, потом за два дня уничтожили медовые лепешки, а на шестой день принялись за сухие рисовые лепешки, которые приходилось сначала размачивать в воде, а потом держать на углях. Когда хочется есть, и такая пища кажется вполне сносной. Цукаты и прочие сласти мы долго не трогали, до них мы добрались только на восьмой день пути. Гору Кхауфай, на вершине которой находилась погранзастава, мы увидели на девятый день.

Трудно описать чувство радости, которое охватило нас, когда Кхиет торжественно объявил:

— Видите вон ту гору? Это и есть Кхауфай. Скоро ты, Бе, увидишь отца.

Гора была высокая, а ноги к этому времени у меня и у Лоан были стерты в кровь. Мы стали карабкаться вверх. Нам

хотелось добраться до погранзаставы еще до наступления темноты, чтобы не ночевать лишний раз в лесу. Кхиет помогал нам на крутых подъемах и тогда, когда нужно было переправиться через горный ручей. От возбуждения я совсем забыла про стертые ноги и даже поторапливала Кхиета.

Он добродушно смеялся и спрашивал:

— А как твои ноги? Больше не болят?

Я не устаивала его ответом и упорно лезла вверх.

Надо сказать, что восхождение на Кхауфай таит в себе немало опасностей. Усыпанная галькой тропа ускользает из-под ног. Слева и справа от тропы громоздятся острые скалы. Стоит поскользнуться — и больно поранишься об острый камень, расшибешься о валун. Около валунов иногда попадаются кусты, но от них надо держаться подальше, чтобы не напороться на острые колючки.

«Дорогой мой папочка, как только тебя угораздило забраться в такую глушь? — думала я. — Внизу, в веселых долинах, зеленеют поля, а здесь одни голые скалы да колючие кусты».

Когда я спрошу отца об этом, он мне ответит: «Пограничники несут службу всюду, где нужно охранять рубежи нашей Родины, — будь то скалы, где привольно тиграм, или ущелья, где обитают змеи».

Вскоре Лоан совсем выбилась из сил. Мне приходилось то и дело останавливаться и ждать ее, а Кхиет даже несколько раз тащил бедняжку на своей спине. И все же я несколько не сердилась на Лоан. Напротив, я была очень благодарна ей за верную дружбу: она столько натерпелась из-за меня!

Как бы то ни было, а мы приближались к цели и через час добрались до погранзаставы. Как я и предполагала, посреди небольшой площадки, отвоеванной у скал и валунов, стоял столб, на котором развевался красный флаг с пятиконечной золотой звездой, а мимо проплывали белоснежные облака. Не успела я прийти в себя, как к нам подбежал коренастый пограничник.

— А, это ты, Кхиет? Ну а девочки — дочери начальника нашей погранзаставы? Я уже давно наблюдаю за вами в бинокль, — сказал пограничник. Тон у пограничника был начальственный.

Только тут я обратила внимание на бинокль, висевший у пограничника на груди.

— А где же начальник погранзаставы? — спросил Кхиет. — Было бы неплохо, если бы для начала нас напоили-накормили!

— Начальник погранзаставы руководит операцией — приказано обезвредить группу бандитов, нарушителей границы. Приказ получен на прошлой неделе. По тревоге подняты три погранзаставы: наша и погранзаставы в Ньонгле и Кхауфат. Так что здесь не осталось никого, кроме меня и еще двух бойцов — Тина и Шиу.

От этой новости Кхиет оторопел.

— Если брошены силы сразу трех погранзастав, значит, операция серьезная, — пробормотал он себе под нос. — А мне опять не повезло. В настоящем бою мне опять не бывать.

Пограничник между тем продолжал с любопытством разглядывать меня и Лоан.

— Обе эти девочки — дочери начальника нашей погранзаставы? — снова спросил он.

Кхиет вдруг рассердился:

— С чего ты взял? У него только одна дочь, вот она, ее зовут Бе. А эта девочка — ее подруга, Лоан. Как-никак они здесь гости, а тебе не приходит в голову пригласить их в дом, напоить чаем и накормить!

Пограничник всполошился.

— В самом деле, — согласно кивнул он головой. — Я сейчас позову Тина и Шиу.

— Если ты в дозоре, то чем заняты они?

— Чем заняты? Спят, конечно. Ходим в дозор по очереди. Нас ведь осталось только трое.

— Тогда не надо их будить, — сказал Кхиет. — Разве у тебя не найдется какой-нибудь еды для девочек? — Потом Кхиет обернулся в нашу сторону: — Не стесняйтесь, идите за мной! Тут, правда, нет таких просторных домов на сваях, как в селении Муон, — сказал он с видом хозяина.

Пограничник, которого звали Линь, пошел вместе с нами. Пока Кхиет разговаривал с Линем, у нас совсем околенили руки. Мы двинулись за Кхиетом, дрожа от холода. Под ногами была скала, но не гладкая, а с глубокими трещинами. Нужно было смотреть в оба, чтобы не оступиться. «Если с ноги соскочит сандалия и упадет в трещину — ее уже не достанешь», — подумала я. Скоро мы увидели дом, до самой крыши увитый плющем. Корни плюща уходили в землю, насыпанную в большие вазоны, сделанные из камней. Перед домом на клумбе, обложенной камнями — в форме пятиконечной звезды, — цвели хризантемы и петушиные гребешки. Чья-то заботливая рука посадила цветы на вершине каменистой горы, чтобы хоть как-то украсить суровый быт пограничников.

«А ведь мой отец служит здесь не первый год», — подумала

я, входя в дом под соломенной крышей. Стены дома были сбиты из досок. Внутри дом оказался разделен на отдельные помещения перегородками из хорошо оструганных досок. Доски выглядели такими гладкими, словно их очень тщательно отполировали. В доме было тепло, кругом царили чистота и порядок. Одно из помещений предназначалось для приема гостей, для занятий и отдыха. Здесь стояла печурка с железной трубой, через которую дым выходил наружу.

— Располагайтесь здесь,— сказал Линь начальственным тоном.— Пейте чай. Видите алюминиевый чайник? Из него берите кипяток. Вот вам заварка. А я пойду за пирогами.

Линь говорил по-вьетнамски медленно и не очень правильно. Мы сели поближе к печурке на низенькие круглые скамеечки, которые здешние мео плетут из индийского тростника. Сидеть на таких скамеечках очень неудобно. Кхиет откуда-то достал кружку, и мы с Лоан по очереди напились чаю. Потом он налил чаю себе. Зеленый чай оказался ароматный и замечательно терпкий. После чашки такого чаю во рту долго держится приятный вкус. Линь между тем принес тарелку с пирогами и поставил на низенький столик.

— Угощайтесь! — сказал он отрывисто, а сам принялся освобождать от листьев вторую порцию пирогов.

Когда Линь подал нам еще одну тарелку с пирогами, Кхиет спросил:

— И это все, что осталось от новогоднего пиршества?

— Есть еще кое-что! — ответил Линь и опять вышел. Через минуту он вернулся с блюдом, на котором лежал большой кусок вареной свинины.— Соль и соус из креветок вон в тех вазах,— сказал Линь.— Соус из креветок у нас очень хороший, в него добавлен горький перчик.

Только тут мы обратили внимание на две большие напольные вазы из старинного фарфора, которым славилась когда-то китайская провинция Цзянси. Непонятно, каким образом эти роскошные вазы оказались на погранзаставе. На обеих вазах были изображены феи, вернее, восемь фей небожительниц. Одна небожительница играла на флейте, другая — на лютне, третья сидела на цапле, четвертая плыла среди облаков, держа в руке широкую шелковую ленту, пятая... Когда я была маленькая, я видела такой рисунок на вазе, которой очень гордился мой дедушка, только дедушкина ваза была величиной с термос на два — два с половиной литра,— в ней на Новый год красовалась веточка персикового дерева, а эти вазы были с меня ростом, то есть высота каждой составляла по меньшей мере метр тридцать.

В одной вазе бойцы держали соль, в другой — соус из креветок, в который был добавлен мелко нарезанный горький перец. И то и другое в этом краю большая ценность.

Линь налил нам соуса в маленькую пиалу, и мы принялись за свинину.

— Закололи свинью, а тут как раз был получен приказ выступить на уничтожение банды, — пояснил Линь. — Стряпней заниматься было некогда, поэтому всю свинину сварили. Часть бейцы взяли с собой, часть мы отнесли по случаю Нового года в селение, у подножья горы. Там нам дали взамен овощей. Мы приготовим их на обед, ладно?

Кхиет возразил:

— Мне надо возвращаться на мою погранзаставу в Ныонгле, а не заниматься здесь стряпней. Этим займешься ты. Приготовь девочкам чего-нибудь вкусенького!

— Но ведь ваша погранзастава тоже получила приказ об уничтожении банды, там небось тоже почти никого не осталось, — вмешалась я в разговор. — Оставайтесь с нами, Кхиет!

Кхиет со снисходительным видом погладил меня по голове:

— Нельзя, девочка. Мне надо срочно возвращаться на свою погранзаставу. Не горюй, мы еще встретимся!

Я уговорила Кхиета взять у меня половину сластей: мне захотелось, чтобы он угостил своих товарищей.

Кхиет собрался уходить.

— Будь осторожен! — напутствовал его Линь.

— Не бойся за меня. Лучше смотри в оба за гостями. Упаси сохрани, если с ними что-нибудь случится. Ты головой отвечаешь за них перед начальником погранзаставы.

Мы вышли из дому, чтобы проводить Кхиета, но Линь велел нам возвращаться назад.

— Идите в дом! — приказал он отрывистым тоном.

Мы все-таки немного постояли у двери, следя глазами за удаляющейся фигурой Кхиета, но очень скоро нам стало зябко, потому что на нас надвинулось холодное плотное облако.

— Идите в дом! — снова приказал нам Линь начальственным тоном, к которому мы уже успели привыкнуть, и, не дожидаясь, когда мы подчинимся его приказу, взял меня и Лоан за руки и увел в дом.

Потянулись скучные дни. Три пограничника, в том числе и Линь, которые остались на заставе, по очереди выходили в дозор, по очереди отдыхали, точнее говоря, спали. К тому же все трое были то ли нунги, то ли мео и не отличались словоохотливостью. Не в пример Кхиету, они ни о чем нас не расспрашивали и вообще мало нами интересовались. Если нам

было что-нибудь нужно, мы сами заводили об этом разговор. Пожалуй, Линь с его начальственным тоном был симпатичнее всех, хотя от его тона нас порой корбило.

Иногда мы слышали выстрелы, но пограничники не обращали на них никакого внимания. Вернувшись на заставу, они грели руки у печурки. Иногда пограничники ходили в селение: они поддерживали связь с тамошним отрядом самообороны. По их словам, выстрелы тут никого не удивляют: в этом районе стреляют чуть ли не каждый день. Время от времени бандиты совершают налеты на селения, тогда завязывается перестрелка. Кроме того, охотятся на диких зверей — с провиантом здесь туговато. Пограничники часто задерживают охотников, которые при проверке оказываются оголодавшими бандитами. Иногда бандиты уходят, оставив после себя незатушенный костер, на котором они наспех жарили дичь.

Утром в среду мы услышали какие-то крики. Линь посмотрел в бинокль и увидел внизу группу вооруженных людей. Они бежали по тропинке вверх и громко звали на помощь пограничников. Линь тут же разбудил Тина и Шиу. Все трое проверили винтовки, приготовили патроны, фляжки с водой и сухие пайки. Они переговаривались друг с другом на языке нунгов, поэтому я ничего не поняла, но Лоан, у которой были хорошие способности к языкам, уловила общий смысл.

— Это бойцы отряда самообороны. У них в селе что-то случилось. Нужна срочная помощь,— объяснила мне Лоан. Я от волнения схватила Линя за рукав и спросила:

— Что случилось?

— Нас зовут на помощь бойцы отряда самообороны. Видно, опять появились бандиты,— ответил Линь.

Теперь уже можно было разглядеть людей, которые упорно карабкались по склону горы, помогая друг другу и громко перекликаясь. Видно было, что они сильно запыхались и очень возбуждены. Линь перегнулся вниз и спросил:

— Что там у вас?

— Беда! У нас беда! — закричали люди наперебой.

Их оказалось четверо: три молодых парня и мужчина, которому на вид было за сорок. Линь снова спросил:

— Что у вас случилось? Опять бандиты напали?

Мужчина покачал головой:

— Бандитов не видно, а дело худо! Пока мы совершали обход, в селение пришла беда. Двое умерли и еще несколько человек при смерти.

Линь, у которого всегда был апатичный вид, тотчас насторожился.

— Объясните толком, что у вас произошло! — вдруг резко сказал он.

— Нас не было в селении двое суток, мы ходили в дозор,— начал один из парней,— а когда вернулись, то узнали, что за это время почти все жители селения заболели, двое уже умерли, еще несколько человек вот-вот умрут. Односельчане позвали шамана, он устроил моление... Вот такая у нас беда.

Пока парень говорил, остальные пытались отдышаться и вытирали шапками пот с лица. Тот, кто был старше всех, с отчаянием сказал:

— Видно, придется сжечь селение и уйти на другое место.

— Об этом говорить рано! — оборвал его Линь и обернулся к Тину и Шиу: — Останетесь на заставе вдвоем. Я пойду в селение.

Четверо бойцов отряда самообороны двинулись назад. Линь зашел в дом, надел стеганую шапку и захватил бидон для воды. Я подскочила и цепко взяла его за рукав:

— Разрешите, я отправлюсь с вами.

Линь покачал головой:

— Нет, нельзя. В этом селении такое уже случалось. Вот и сейчас у них опять начался мор...

— Но ведь люди там умирают не от бандитских пуль, правда? Их косят болезни. Возьмите меня. У себя в школе я иногда заменяла медсестру.

Здесь я немного соврала: в школе быть медсестрой мне никогда не доводилось. Но дома я дружила с медсестрой Зунг. От нее я кое-чему из медицины научилась. Но мои ухищрения не возымели на Линя никакого действия.

— Тебе нельзя,— повторил он.— Командир приказал мне беречь вас обеих как зеницу ока.

— Беречь — это не значит запретить на погранзаставе и никуда не пускать,— обиженно проговорила я.— Если вам можно идти в селение, то почему же мне нельзя? Со мной тоже ничего не случится.

Ничего не ответив, Линь собрался выйти из дома. Тут я сказала ледяным тоном:

— Идите, идите! А я подожду немного и пойду вслед за вами. Если заблужусь, вся ответственность будет на вас.

Услышав это, несговорчивый пограничник остановился у порога и с беспокойством взглянул на меня. Я взяла свой платок в клеточку и накинула его на голову.

— Когда Лоан проснется,— сказала я Тину и Шиу,— скажите, чтобы она сварила рису. Я иду с Линем.

Поскольку Линь был старшим сержантом, а Тин и Шиу

только ефрейторами, то достаточно было преодолеть сопротивление старшего по званию. Ефрейторы только молча кивнули головами и принялись спокойно наблюдать, как я догоняю Линя, спускавшегося с горы.

Впереди маячили силуэты бойцов самообороны из селения. Линь был намного выше меня ростом, и каждый его шаг был вдвое длиннее моего. Он шел обычной своей походкой, мне же приходилось почти бежать. К счастью, он вскоре почувствовал, как мне трудно, и замедлил шаги. Как выяснилось потом, этот немного угрюмый парень был чутким товарищем. Впоследствии мы с ним стали друзьями.

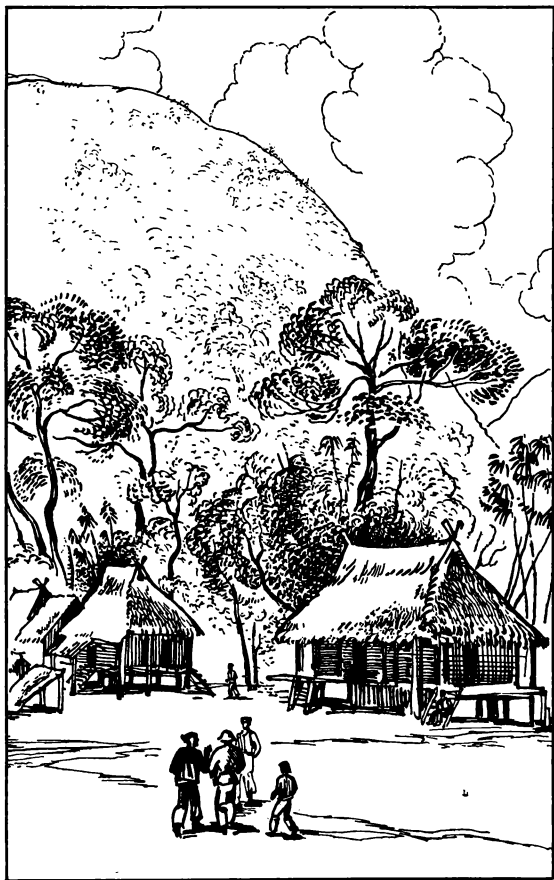
Мы добрались до селения Кхум только к полудню. Тени деревьев стали совсем короткими. Когда солнце скрывалось за облаками, его лучи пробивались сквозь матово-серебристую пелену, озаряя мягким светом леса и горы. Селение Кхум расположилось возле каменистого подножья горы, а не посреди зеленеющей долины, как селение Муон. Дома здесь были низкие, тесные, плохонькие — не то что в Муоне. В каждом подворье скопились кучи навоза, их никто не убирал. В Муоне отхожие места были построены поодаль. Здесь же их вовсе не было. В дождь все кругом раскисало, по улицам текли грязные потоки.

— Болезни здесь от грязи, — сказала я Линю. — Тут сплошная антисанитария. Здесь трудно не заболеть. В селении Муон дома высокие, простор, ветер гуляет по долине, и все равно мы с дядей Моком агитировали людей строить хлева для быков и свинарники поодаль от жилых помещений. Под домом должно быть чисто. А тут... Теснота, грязь, здесь любая зараза легко распространится.

— Да-да, — кивнул головой Линь, — уж и командир не раз объяснял им это и приходил уговаривать — все без толку. Единственное, что удалось, так это построить здесь школу — детей учить. Даже не школу — просто домишко, в котором всего одна комната. А в домах у них грязища. Каждый раз после вспышки какой-нибудь болезни оставшиеся в живых люди переносят свое селение на другое место. Они думают, что все зависит от места: коли завелась в селении нечистая сила, оставаться на старом месте нельзя.

Мы зашли в дом старейшины. Оказалось, что у него больна мать. Она лежала в комнате, окно и дверь в которой были плотно завешены одеялами. Старейшина зашептал на ухо Линю:

— Видно, придется уходить с этого места, подальше от этой горы. Нет нам милости от неба, все гонит оно нас и гонит... Ведь дома мы построили совсем недавно — еще земля не прогрелась. Лес едва успели расчистить под поле — еще не

выкорчевали всех пней, ни зернышка риса еще не успели вырастить. И вот опять придется вырывать из земли столбы и переселяться на новое место вместе со всеми родными и домо-чадцами. Такая, видно, судьба у нашего селения — быть вечно бедным. Так и передается бедность от отца к сыну и дальше — к внукам.

Покрасневшие глаза старейшины смотрели не мигая, в них, казалось, иссякла жизненная сила.

— Я, пожалуй, зайду к больной,— сказал Линь.

— Не надо,— покачал головой хозяин.— Не ходи, заболешь. Она уже стара, что для нее смерть? А ты еще молод, у тебя ни жены, ни детей.

Линь промолчал. Он тихо приподнял одеяло и вошел в комнату. Тяжелый запах больного человеческого тела смешивался здесь с запахом навоза. Преодолевая подступавшую дурноту, я двинулась вслед за Линем, потому что остаться одной в окружении этих незнакомых, чужих людей было еще страшнее. Старая женщина лежала в забытьи. Даже не дотрагиваясь до ее лба, я ощутила исходящий от нее жар. Она лежала, закрыв глаза, и ничего не слышала.

Линь взглянул на посиневшее лицо больной и вышел, тяжело вздыхая. Он сел у очага и, протянув руки к огню, спросил:

— Когда в селении появилась эта хворь?

— Два дня назад началось. Я как раз ходил навестить родителей жены. Буйволятину жарили.— Он остановился, помолчал и продолжал: — Тут рядом шаман Чьеу свои молитвы возносит. Он сказал, что если молитвы не помогут, придется срочно переносить селение на другое место.

Линь нахмурился:

— В доме у этого Чьеу месяцами скрываются бандиты. Мы уже его однажды предупреждали. В следующий раз арестуем — вот и все!

Старейшина не мигая смотрел в огонь печальными глазами:

— Народ в селении встревожен, все потеряли покой. Я не знаю, как и быть.

— Почему до сих пор не послали в уезд за фельдшером? — спросил Линь.— Он привез бы лекарства, научил бы больных принимать их, люди тогда станут выздоравливать. А вместо этого вы ведете разговоры о том, что деревню надо переносить на другое место. Как же это так?

Старейшина сокрушенно покачал головой:

— Народ больше полагается на молитвы. А я нездоров, мне не добраться до уезда. Бойцы отряда самообороны, те, что

покрепче, охраняют селение от бандитов. Остались женщины, девушки. Что с них взять?

Я тихонько потянула за полу гимнастерки Линя:

— Далеко ли уездная больница?

— Пешком можно добраться дня за два, на лошади — значительно быстрее.

— Попросите лошадей, — быстро сказала я. — Поедем вместе.

Линь задумался, потом обратился к старейшине:

— Нужны две лошади. Нужно скакать в уездную больницу.

— Прямо сейчас? — округлил глаза старейшина.

— Что же делать? Спасение больных — не менее важное дело, чем ликвидация банд. Здесь медлить нельзя. Нам нужны две лошади.

— И эта малышка тоже поедет? — перевел на меня свой удивленный взгляд старейшина.

— Да, — кивнул головой Линь. — Поскорее достаньте лошадей. Время не терпит.

Старейшина ни о чем больше не спрашивал, он молча начал спускаться с лестницы, а мы пока решили погреться у огня. Меньше чем через полчаса он вернулся:

— Лошади готовы. Жители селения дали вам на дорогу лепешек и еще корма для лошадей.

И старейшина протянул нам связку лепешек, они были маленькие — вполовину меньше тех, что готовили в Муоне. У меня сжалось сердце: только тут я по-настоящему осознала удручающую бедность местных жителей.

— Едем! — сказал Линь.

Мы спустились вниз. У каждой лошади на шее висел мешок с неочищенным рисом. Седла были рваные, из мешковины. Линь надел на шею связку лепешек, мы сели на лошадей и двинулись в путь. На ровных участках дороги мы понукали лошадей. На подъемах шли пешком рядом с умными животными. При спуске в долину или с перевала Линь приказывал:

— Поводья! Крепче держи поводья!

Затем он пускал своего коня вскачь, и моя лошадка мчалась вслед. Ветер шумел у меня в ушах, голова шла кругом. Стоило лошади оступиться, упасть — и конец. Но к счастью, лошади бежали уверенно и резво, дорога была сухой. К вечеру Линь угостил меня лепешкой. А потом мы подъехали к ручью, спрыгнули с лошадей, умылись и перешли вброд на другую сторону, держа лошадей под уздцы. Вдруг впереди из густых кустов раздался жуткий свист.

Я вздрогнула: мне показалось, что там прячется человек.

Линь словно прирос к земле. Я заметила, что он сильно побледнел, в глазах его застыл ужас. «Уж не заболел ли он?» — подумала я и спросила:

— Что это?

Линь стоял, весь насторожившись, и не отвечал. Вдруг опять раздался леденящий душу свист. Казалось, кто-то забрался в густые кусты, чтобы поугаить нас своим свистом. Линь все стоял, не шевелясь, бледный от ужаса. Я не понимала, в чем дело, но тут из кустов с громким свистом вылетела птица. Казалось, она пролетела где-то прямо над головой.

Наши лошади, опутив головы, похрустывали придорожной травкой. А Линь все еще не мог выговорить ни слова. Я с недоумением смотрела на его смертельно бледное, как у больного, лицо. Я взяла его за руку — кожа у него на руке покрылась пупырышками.

— Что с вами? — спросила я. — Вам худо? У меня есть с собой целебная мазь. Дайте я потру вам виски.

Я похлопала Линя по спине, чтобы вывести его из состояния оцепенения.

Как бы очнувшись, он вздрогнул и пробормотал:

— Нет, я не болен... Нет... Нет... Едем!

Он вскочил на лошадь и пустил ее в карьер, хотя дорога была очень плохая. Я с величайшим трудом поспевала за ним. Километра через три мы подъехали к высокому крутому подъему. Линь соскочил с лошади, внимательно оглядел путь, который мы только что одолели. Выражение лица у него было такое, будто перед ним был сам черт или какое-то еще кошмарное видение.

— О-хо! О-хо-хо! — произнес он.

Я улыбнулась:

— Мы скакали, будто за нами гналась нечистая сила. Так недолго и шею себе сломать.

— Если бы ты знала... Ты ведь так ничего и не поняла. О-хо-хо!

Он опять со страхом, даже с ужасом оглянулся назад.

— Что же случилось страшного? — спросила я.

— Сейчас об этом говорить нельзя! — покачал он головой. — Вот дойдем до перевала — тогда скажу.

После этого он велел мне взять лошадь под уздцы и карабкаться по склону вверх. Мы карабкались долго, наверное, не меньше часа. Линь все время молчал. Когда мы добрались до перевала, он что-то пробормотал себе под нос. Потом вздохнул, как человек, с плеч которого свалилась страшная тяжесть, и проговорил:

— Ну вот теперь можно. Ты слышала, там, возле ручья?

— Да, слышала птичий свист.

— Верно... верно... — пробормотал Линь и вдруг заговорил: — Это была не простая птица! Нам повстречалась птица хума, она прилетает за душой человека... Своим свистом она заманивает душу в другой мир. Там, где слышится ее посвист, погибают люди. В прошлом году старейшина сказал мне: «Шесть лет назад селение Кхум располагалось на расстоянии дня пути от погранзаставы Кхауфай. Дела в селении шли хорошо, но вдруг как-то раз под вечер прилетела птица хума и свистнула три раза. На следующий день жители селения стали один за другим заболеть какой-то болезнью, от которой многие умерли. Вот тогда-то пришлось перенести селение к подножью горы, на которой стоит застава Кхауфай».

— Я слышала, что эту птицу кое-где зовут птицей-повелительницей. Она питается остатками от добычи тигров. Где появляется эта птица, туда приходит тигр. Он задирает людей, может свалить буйвола, утащить поросенка. Верно я говорю?

— Нет! Нет! Нет! — Линь энергично замотал головой. — Совсем не так! Совсем не то! Я услышал об этой птице, когда мне было пять лет. Мой дед рассказал о ней моему отцу. А отец рассказал уже всей семье. В наших краях люди ужасно боятся повстречаться с этой птицей. Случается, что человек, прожив целую жизнь, так и не услышит ее крика. Но если она повстречалась на пути, хорошего не жди. — Он замолчал, проглотил слюну и зашептал: — Старые люди боятся называть эту птицу ее именем. Мой дед говорил, что она не летает при свете солнца, а скрывается в темной листве, поэтому люди в лесу ее никогда не видят. Вот когда птица хума умирает, тогда ее можно увидеть. Кости этой птицы находят под деревьями, скелет у нее похож на человеческий. Череп — будто человеческий, кости крыльев — руки, кости лап — ноги.

— А вам случалось видеть скелет птицы хума? — спросила я.

— Нет, не случалось. Но старики зря говорить не станут, — сказал Линь убежденно и почтительно.

Я поняла, что суеверия в этом краю не изжиты даже у пограничников, и мне стало не по себе. Да разве может птица сеять среди людей смерть своим криком?

Но переубеждать Линя я не стала. Я молча вела свою лошадь, стараясь не оступиться на каменистой дороге. Незаметно стемнело, Линь достал карманный фонарь.

— Закончится крутой подъем, мы снова сядем на лошадей. А лошадей старейшина нам дал неплохих. Они почти такие же,

как у нас на погранзаставе,— сказал Линь.— Между прочим, я лучше всех на заставе умею ухаживать за лошадьми. Начальник погранзаставы не раз хвалил меня за это,— добавил Линь с гордостью.

Вдалеке послышался рев тигра. Хотя дядя Мок говорил, что таким ревом тигр зовет тигрицу, мне все же стало страшно, и я на всякий случай поинтересовалась:

— Это тигр, да? Вам не боязно?

Линь засмеялся в ответ:

— А чего бояться? У меня есть и винтовка и карманный фонарик... Если тигра повстречаешь днем, то достаточно запустить в него бамбуковой палкой: он подожмет со страху хвост и бросится наутек.

Я искренне удивилась:

— Это почему же?

— Почему? Дело в том, что на человека нападает только тот тигр, который уже лакомился человечиной. Есть такие тигры-людоеды. А в большинстве случаев тигр боится человека и старается держаться от него подальше.— Линь снова засмеялся.— Не веришь? — спросил он.— Так и знай: если в тигра запустить острой бамбуковой палкой, он действительно бросится наутек. Тигр очень боится острой бамбуковой палки, потому что ею можно сильно повредить ему шкуру. Как только из раны брызнет кровь, тигр приметсялизывать пораненное место, язык у тигра шершавый, поэтому кровь не унимается, а рана становится еще больше. Бывают случаи, когда тигр умирает не от пули, а от метко брошенной бамбуковой палки с острым концом.

Стало совсем темно, но и крутой спуск закончился. Линь велел мне снова сесть на лошадь, сам тоже поехал верхом. Я ехала сзади, потому что Линь освещал дорогу фонариком. При мерцающем свете фонарика от сидящего верхом на лошади Линя падала причудливая тень. «Как странно,— думала я,— Линь ужасно испугался крика какой-то птицы, но ничуть не боится ни тигра, ни бандитов. В ночном лесу ему не страшнее, чем на рисовом поле. А мне было жутковато, хотя назвать меня трусихой нельзя. Мне за каждым кустом мерещился если не тигр, то медведь или огромный удав, готовый в любую минуту схватить меня в своих страшных объятиях». То там, то сям мерцали странные огоньки, похожие на горящие в темноте глаза хищников. Я отлично понимала, что это фосфоресцируют гнилушки, и все же обливалась холодным потом от страха.

— Товарищ Линь, позвольте мне ехать впереди,— попросила я.

— А кто будет освещать дорогу? И потом здесь надо держать ухо востро: вдруг где-нибудь поблизости притаился бандит? — возразил Линь.

Сначала я опешила, но потом опять стала упрашивать Линя разрешить мне ехать впереди.

— Ехать сзади мне не нравится, — упрямо твердила я.

Линь искренне удивился:

— Отчего же? По горной дороге лучше ехать сзади.

Я сдалась, но страх не отпускал меня ни на минуту: меня охватывало жуткое чувство от сознания того, что за моей спиной непроглядная темень. Мне все время казалось, что из темноты на меня со всех сторон смотрят глаза голодных хищников.

— Товарищ Линь, я боюсь... — жалобно сказала я.

Тогда Линь прыгнул с лошади, подошел ко мне и удивленно спросил:

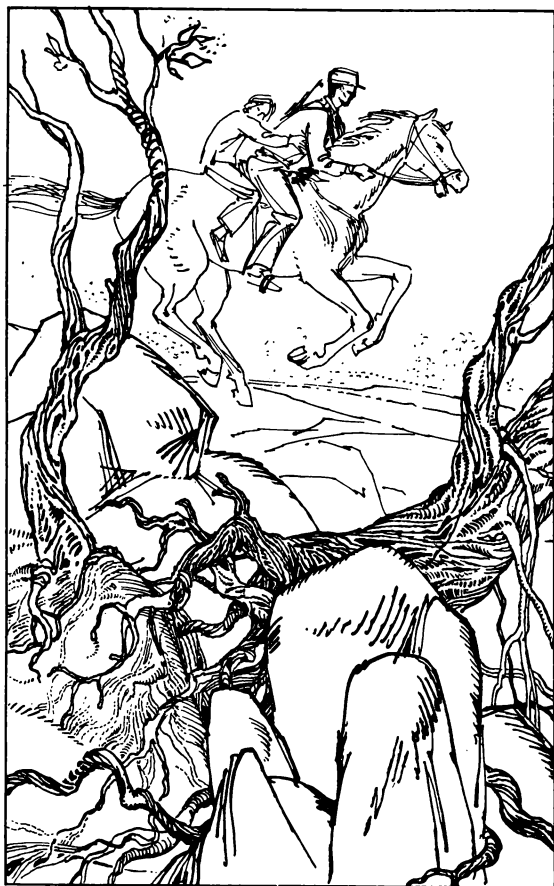
— Что случилось?

Ему пришлось посадить меня сзади себя, а моя лошадь послушно пошла за лошадью Линя. Я крепко вцепилась в ремень Линя. Время от времени я в испуге оборачивалась назад и всматривалась в темноту, пытаюсь разглядеть мерещившихся мне тварей. Но мало-помалу я привыкла к темноте и перестала бояться: мерное цоканье конских копыт действовало на меня успокаивающе. Точно так же на меня действовало тиканье часов, а стук вагонных колес меня усыплял. Перестав трястись от страха, я впала в дремотное состояние. Веки у меня стали тяжелыми, глаза слипались. Время от времени нам перебежала дорогу лисица и скрывалась в густых кустах. От неожиданности я вздрагивала, настораживалась, но тут же успокаивалась. Иногда ночное безмолвие нарушалось кваканьем лягушки, на которое я теперь не обращала ни малейшего внимания. Я перестала вздрагивать даже тогда, когда из долины доносилось рычание тигра. Веки мои настолько отяжелели, что я уже была не в силах их поднять. В конце концов я задремала. Некоторое время я еще слышала сквозь дремоту монотонное цоканье копыт, но потом сон окончательно сморил меня, и я уже больше ничего не слышала.

Когда я проснулась, то увидела дивной красоты долину, в которой размещался живописный городок. Это был уездный центр. Вдоль главной улицы стояли кирпичные дома. Ворота больницы были еще закрыты. Из проходной доносился мощный храп сторожа. От этого храпа, казалось, дрожит крыша из красной черепицы. Когда мы принялись будить сторожа, он недовольно заворчал, едва приоткрыв сонные глаза:

— В такую рань к больным не пускают. Вы небось на

лошадей? Нам только конского навоза не хватает... Привяжите лошадей подальше от ворот.

Обругав нас, сторож закрыл глаза и хорошенько укутался цветастым ватным одеялом.

Линь сказал сердито:

— Мы не собираемся навещать больных. У нас важное дело. Нам нужно переговорить с врачом.

Сторож приоткрыл глаза и раздраженно спросил:

— С каким именно? У нас два врача.

Линь смешался, но я сразу пришла к нему на помощь:

— С главным врачом больницы. Скажите ему, что его срочно вызывает старший сержант с погранзаставы Кхау-фай.

Сторож не спеша оглядел сначала меня, потом Линя, с кряхтением вылез из-под одеяла — как улитка вылезает из раковины. После этого он надел ватник, сунул ноги в самодельные сабо и исчез, а мы привязали лошадей и вернулись назад. Примерно через четверть часа к нам вышел мужчина в белом халате. Увидев меня, он приветливо спросил:

— Ты не местная? Ты с равнины?

— Да.

— Откуда же?

— Из провинции Бакнинь.

— А я из провинции Ниньбинь. Ты бывала в Ниньбине?

— Нет.

— Это неважно. Раз ты тоже с равнины, значит, мы с тобой почти земляки. Знаешь, как хочется иной раз поговорить с земляком!

Тут только врач более внимательно посмотрел на рослого пограничника, который молча стоял за моей спиной, и спохватился. Он протянул Линю руку и вежливо сказал:

— Здравствуйте! Давайте пройдем в помещение!

Мы рассказали врачу, которого звали Тинь, о беде, свалившейся на жителей селения Кхум.

— Вообще-то этим должно заниматься управление здравоохранения провинции. Но у них не хватает медицинских работников, а многие селения к тому же расположены далеко от дороги. Особенно высокогорные селения народности мео: попробуй до них добраться. К сожалению, там до сих пор случаются эпидемии.

— Вы поедете с нами в селение Кхум? — спросила я напрямик.

— Право, не знаю, как быть, — ответил врач с нерешительным видом. — Я не имею права оставить больницу. У нас

ведь бывают случаи, когда требуется срочное хирургическое вмешательство.

— А разве вас не может заменить на это время другой врач? Ваш заместитель, например? Вам ведь надо отлучиться на каких-нибудь три-четыре дня...

Врач рассмеялся, обнажив темные от табака зубы:

— А известно ли тебе, что вот уже несколько лет я работаю без отпусков? Если быть точным, то за пять лет и три месяца я ни разу не был в отпуске! Моему младшему сыну — он живет на равнине с матерью — пять лет, но он так и не видел своего отца. Он знает меня только по фотографиям.

Я молчала.

— Здесь острая нехватка врачей. Скажу тебе по секрету, что я даже не врач, а всего лишь фельдшер, хотя все тут величают меня доктором. В этой больнице есть еще один фельдшер и шесть медсестер, две из них вьетнамки, остальные из местных, а местные подготовлены слабо... Вот какие у нас дела, — сказал врач с тяжелым вздохом.

Тут в разговор вмешался Линь, который до сих пор не проронил ни слова.

— Разрешите доложить: мне в данный момент положено быть на своем посту и принимать меры против бандитов, а я вот взял и оставил погранзаставу на своих товарищей, всю ночь скакал на лошади, чтобы поскорее добраться до больницы. Вы уж постарайтесь выбраться в селение Кхум, иначе оно вымрет. Наполовину вымрет. Тамошные жители думают, что они спасутся, только если покинут селение и переберутся на другое место. То же самое им внушает шаман Чьеу. Он говорит: если жертвоприношения не помогут, надо уходить из селения. Я уверен, тут медлить нельзя.

В голосе Линя было столько тревоги, что я невольно подумала: его напугала не только смерть нескольких жителей селения Кхум: куда больше суеверный Линь испугался жуткого свиста птицы хума.

Я заглянула врачу в глаза и сказала с мольбой в голосе:

— Поезжайте с нами! Положение ведь отчаянное.

— Ну что ж... Другого выхода, видимо, нет. Подождите меня здесь! — неожиданно сказал он.

С этими словами Тинь ушел. Через некоторое время он вернулся с санитарной сумкой, набитой инструментами и лекарствами.

— А теперь поспешим, — сказал Тинь. — Мне дорога каждая минута.

В это время откуда-то прибежала пухленькая медсестра. Она протянула Тиню пакет с едой:

— Это вам на дорогу!

— Спасибо. Очень прошу не спускать глаз с больного, которого привезли вчера вечером. Сами знаете, менингит — болезнь очень опасная.

— Хорошо. Я помню.

Мы вышли через проходную и направились к лошадям. Тинь вскочил на крупную лошадь вороной масти, на которой до этого мы с Линем ехали вдвоем. А мы теперь уселись на рыженькую лошадь, поскольку она всю ночь шла без всадника и не устала.

Тинь не мог дремать, сидя верхом на лошади. Его худое лицо все время оставалось оживленным, глаза блестели. Линь тоже не сомкнул глаз. Только я, удобно устроившись за спиной Линя, немного подремала.

Мы провели в пути весь день и всю ночь. До селения Кхум добрались утром. Въехав в селение, мы поняли по веткам на дверях домов, что в селении есть новые покойники. Плач, доносившийся из этих домов, заглушался выкриками шамана Чьеу и барабанным боем. Мы первым делом пошли к старейшине. Тинь был весьма немногословен: кивнув старейшине, он сразу направился в комнату, где лежала больная старуха — мать старейшины. Не обращая никакого внимания на смрад, он внимательно осмотрел ее и только после этого повел разговор со старейшиной. Говорил он на языке нунгов:

— Она заболела оттого, что поела мяса сдохшего от болезни буйвола или быка.

Глаза старейшины округлились от удивления.

— Верно, верно! — подтвердил старейшина. — Она действительно ела мясо околевшего буйвола, когда была в гостях у моей младшей сестры.

— Все, кто ел мясо этого буйвола, обязательно заболеют, — сказал фельдшер Тинь.

— А вылечить их можно? — спросил старейшина.

— Можно, но для этого всем надо срочно сделать уколы. Кроме этого, надо принимать лекарство, которое я им дам.

Старейшина обрадовался и кинулся к выходу, крикнув на ходу:

— Я скажу об этом всем односельчанам. Пусть они поскорее узнают, откуда пришла беда. Они думают, что их за что-то покарало небо.

Вернулся старейшина быстро. Видно было, что он очень спешил.

— Ох, беда-то какая! Многие ели мясо этого буйвола, заболевших очень много... Идемте со мной!

Фельдшер Тинь сделал укол старухе, потом достал из своей сумки какое-то лекарство и объяснил жене старейшины, как надо лечить старую женщину. Потом он вскинул сумку на плечо и ушел вместе со старейшиной.

— Ну, а нам пора возвращаться на заставу,— сказал Линь.

— А можно мне остаться? Я хочу посмотреть, как фельдшер будет лечить больных.

— Тогда оставайся,— с улыбкой сказал Линь.— А мне надо на заставу. Узнаю, как там дела,— и назад. Договорились?

Я кивнула головой и побежала догонять фельдшера Тиня и старейшину. Я ходила с ним по домам, гордо неся на плече санитарную сумку. Мне было доверено смачивать спиртом вату и протирать кожу больного в том месте, где Тинь собирался сделать укол. Кроме того, я дезинфицировала на огне иглу. Все думали, что я настоящая медсестра, только очень маленькая, и бросали на меня одобрительные взгляды.

Стало темно, а мы еще не успели обойти всех заболевших. Старейшина зажег факел и показывал нам дорогу. Осталось обойти еще несколько домов, в которых жили самые зажиточные семьи. Здесь пытались изгнать из больных злого духа с помощью жертвоприношений, которые доставались шаману Чьеу. Перепадало ему немало: от каждой семьи по двенадцать метров розового шелка и столько же белой материи, по блюду сваренного на пару клейкого риса и по вареной курице. Несмотря на все эти старания, больные продолжали метаться в жару. Им не помогал ни пепел от сгоревших ароматных палочек, ни предназначенная для сожжения ритуальная бумага, которую клали им на лоб и на живот. В таких домах нам говорили с уверенным видом:

— Эту болезнь вылечить нельзя. Мы сделали все, что надо, а больной по-прежнему лежит с закрытыми глазами и вот-вот испустит дух.

Потом обращались к старейшине:

— Придется снова перебираться на другое место.

Старейшина возражал:

— Доктор сделает больному укол, даст лекарство и болезнь отступит. Он уже обошел все дома, где есть больные.

Хозяева отвечали с безразличным видом:

— Если он хочет сделать укол, пусть делает. Только это не поможет, потому что за ручьем несколько раз прокричала птица хума...

«Опять эта птица хума,— подумала я.— Почему она своим

криком внушает жителям селения такой панический ужас?»

— Надо сделать укол! — сказал фельдшер. — Помоги мне.

Я привычным движением смочила спиртом вату, прокалила на огне иглу, фельдшер расколол очередную ампулу. Я в тот момент подумала, что в будущем вполне могу стать врачом, но только не хирургом. Потому что при виде крови у меня начинала кружиться голова, и я чуть ли не теряла сознание. Наконец мы сделали укол последнему больному. Спускаясь по лестнице, я с облегчением сказала:

— Все!

Но старейшина, который хорошо понимал по-вьетнамски, возразил:

— Нет, не все. Вон там на отшибе стоит дом, в нем живет очень бедная семья. У них этой болезнью заболел двенадцатилетний сынишка. Родители обошли все селение, чтобы собрать денег на подношение шаману. Сейчас шаман Чьеу у них в доме.

— Мы пойдем туда? — спросила я у фельдшера.

По правде говоря, мне уже не хотелось никуда идти, кругом была густая тьма, дул холодный промозглый ветер, факел в руках старейшины почти совсем догорел. Но фельдшер Тинь ответил без колебаний:

— Конечно, пойдем. Потерпи еще немного!

Я молча пошла за фельдшером. Именно в тот момент я поняла, что настоящий врач должен быть самоотверженным. Без этого нет врача.

Старейшина посмотрел на сгоревший факел и сказал:

— Пойдите тут и подождите меня. Я сейчас раздобуду другой факел. Назад путь неблизкий, без факела не обойтись.

С этими словами старейшина свернул к ближайшему дому, а мы с фельдшером Тинем остались вдвоем в крошечной тьме. Тинь положил мне на плечо руку:

— Замерзла? Ты здесь недавно и вряд ли успела привыкнуть к здешнему холоду. А когда привыкнешь, будешь себя чувствовать неплохо, щеки у тебя станут румяные. Почему-то девушки с равнины легко переносят здешний климат, а мужчины — нет. Мужчины здесь сильно теряют в весе.

— Почему вы не попросите, чтобы вас перевели поближе к родным местам? — спросила я. — Долго жить здесь наскучит. Фельдшер беззлобно усмехнулся:

— Твоими устами да мед пить! Если бы можно было добиться перевода в другое место, я не проторчал бы здесь пять лет без отпусков! Нет замены. Нельзя же оставить больных и удрать...

— Вот и мой отец рассуждает так же. Каждый раз, когда

он приезжает на побывку, мама просит его подать рапорт начальству, но он говорит, что нет замены. В результате отец прослужил на заставе Кхауфай без малого десять лет.

Фельдшер ласково похлопал меня по спине:

— Желающих приехать сюда на работу очень мало. Все рвутся не сюда, а отсюда. А дел здесь непочатый край, не каждому по плечу вынести здешние перегрузки. Если я брошу все и уеду, меня будут мучить угрызения совести; вот и продолжаю работать как вол.

Наконец вернулся старейшина с большим факелом, который горел очень ярко.

— Пошли! — кратко бросил он.

Стало еще холоднее. Мы передвигались в густом тумане, как сомнамбулы: то куда-то проваливались, то снова нащупывали тропу. Мы шли не меньше часа, пока наконец не уперлись в нужный дом. Еще на лестнице мы услышали истошные вопли шамана. Он с дикими криками прыгал и пританцовывал посреди дома. На алтаре лежали подношения: розовый шелк и белая ткань. Не забыли хозяева и о вареной курице. Тускло горели сделанные из говяжьего жира свечи, отчего в доме стоял тяжелый удушливый запах и летала копоть.

Увидев нас, шаман прекратил свою пляску. Когда старейшина объяснил хозяину дома, зачем мы пришли, шаман сердито заворчал:

— Пусть доктор колет больного, а я ухажу. Но если злой дух снова вернется в ваш дом, пеняйте на себя. Я к вам больше ни ногой!

Хозяин дома, изможденный мужчина лет тридцати, который, судя по желтой коже, страдал тропической малярией, сидел с удрученным видом. И он и его жена были одеты очень бедно. Увидев, что шаман собирается уходить, хозяева переполошились. Но старейшина сказал шаману строгим тоном:

— Разве вы кого-нибудь хоть раз вылечили? Сколько вы ни пытались изгнать злого духа — все без толку. Помочь больным сможет только доктор. Пусть он сделает мальчику укол. — Потом старейшина обратился к перепуганным хозяевам: — Мы уже были во всех домах, где есть больные. Каждому больному сделан укол. Остается только ваш сын.

Взглянув на алтарь, старейшина спросил:

— Я вижу, вы приготовили подношения для шамана?

Несчастные родители больного ребенка с надеждой посмотрели на фельдшера: может быть, он и в самом деле спасет их единственное дитя? Они стали сами просить, чтобы фельдшер сделал больному укол, и этим страшно рассердили шамана.

Шаман надел шапку, снял с себя длиннополый ритуальный халат и сделал вид, что собирается уходить. Хозяева совсем растерялись. Они бросились к шаману, стали цепляться за его одежду, умоляли забрать приготовленные для него подношения.

— Пожалейте нас! Мы с ног сбились, пока не раздобыли все что положено... Смилуйтесь над нами!

Фельдшер Тинь оказался в трудном положении, но медлить было нельзя: лежавший за перегородкой ребенок громко стонал. Тинь пошел к ребенку. Тот лежал не на циновке, а на бычьей шкуре. Это был тщедушный мальчонка. Его глаза с сильно расширенными зрачками смотрели в одну точку. Он то жалобно стонал, то что-то бормотал на языке нунгов: у него был бред.

Осмотрев ребенка, фельдшер Тинь сказал:

— Положение очень серьезное. Нельзя терять ни минуты.

Я приготовила шприц, и фельдшер сделал ребенку укол прямо в тесной полутемной каморке, провонявшей горелым говяжьим жиром. За перегородкой шаман Чьеу что-то втолковывал старейшине обиженным голосом. Фельдшер Тинь сказал мне:

— Выйди отсюда, а я посижу и понаблюдаю за мальчиком. Ему совсем худо.

Когда я вышла из душной каморки, старейшина выразительно посмотрел на меня.

— Сделали укол, но доктор говорит, что мальчику очень плохо,— объяснила я.

Старейшина спросил у отца мальчика:

— Он был у твоего брата и ел там мясо околевшего буйвола?

— Ну да. У меня не было денег, а то бы и я купил мяса.

— Хорошо, что ты не купил у своего брата этого мяса. Если бы вы с женой тоже поели его, то обязательно заболели. Моя жена не заболела лишь по чистой случайности: гостила у своей матери в селении, что по ту сторону горы.

Шаман Чьеу молча слушал разговор. Видя, что о нем забыли, он совсем обиделся.

— Я, пожалуй, пойду,— сказал он с хмурым видом. Взял на плечи свой мешок и криво усмехнулся, показав мелкие острые зубы.— Не вините меня, если вернется злой дух.

Хозяева опять переполошились, побледнели от страха.

— Не уходите! Мы просим вас остаться. Сжальтесь над нами и нашим сыном! — в один голос запричитали они.

Шаман топтался на месте. Ему, видно, не хотелось остаться без подношений. Он покосился на алтарь, однако ничего не сказал.

Тогда старейшина решил уладить дело миром.

— Ладно, оставайтесь,— сказал он.— Уважьте хозяев, раз они приготовили жертвоприношения по всем правилам. Чем больше целителей, тем лучше...

Шаман Чьеу медленно повернул назад, снял с плеча свой мешок, достал оттуда ритуальный халат, надел на себя и уселся перед алтарем. Сначала он что-то бормотал себе под нос, размахивая при этом тремя ароматными палочками, затем начал подпрыгивать, издавая пронзительные крики, и время от времени садился на пол. Потом все повторялось в том же порядке. Я заметила, что хорошо заученные и размеренные движения и истошные крики не очень утомляют шамана. Мне вдруг он стал противен. Это был пятый дом, в котором он совершал ритуал. Ночью хозяева домов, в которых побывал шаман, отнесут к его дому подношения, хотя всем больным фельдшер Тинь сделал инъекции, само собой разумеется, бесплатно. А шаман за это получит шестьдесят метров розового шелка, столько же метров белой материи, пять блюд сваренного на пару клейкого риса и пять вареных куриц. Для любой семьи из селения Кхума это целое богатство!

Мне неожиданно пришла на память фраза из учебника: «Невежество идет рука об руку с бедностью». Я подумала, что это действительно так.

Я взглянула на шамана: он весь был поглощен ритуальным танцем. Потом я стала разглядывать бамбуковый настил, на который шаман время от времени кидался, совершая ритуальный танец, и мне в голову пришла идея. Тогда я спустилась по лестнице во двор.

От зажженных в доме свечей и керосиновой лампы на сырую от росы землю падали тусклые блики. Я выдернула из изгороди острую бамбуковую жердину и потихоньку проскользнула в хлев. Эта семья считалась бедной: в хлеву я увидела только трех быков, а свиней было довольно много. При моем появлении быки забились в угол. Сквозь широкие щели в полу просачивались полосы света. Я выждала момент, когда шаман Чьеу очередной раз высоко подпрыгнет, после чего сядет на пол, и сунула острую бамбуковую жердину в щель.

Раздался дикий вопль шамана.

Я бросила жердину и кинулась наутек. Мне до сих пор непонятно, каким образом я ориентировалась в беспроглядной тьме и бежала именно по той тропинке, по которой некоторое время тому назад старейшина привел сюда фельдшера Тиня и меня. Было так темно, что я не смогла бы увидеть пальцы на собственной руке, а я бежала правильно, словно дорога каким-то непостижимым образом запечатлелась в моей памяти.

В лицо мне хлестали мокрые ветки пампельмусов, которые росли возле тропинки, но это меня не смущало. Вначале я слышала за собой топот ног, но вскоре он затих: шаман, видно, понял, что догнать меня ему не удастся, и повернул назад. Тогда я пошла шагом, но еще долго не могла отдышаться. Щеки у меня горели. Вдруг впереди кто-то посветил карманным фонариком. «Это, видимо, совершает обход боец из отряда самообороны», — подумала я, но в ту же минуту услышала знакомый голос Линя:

— Ты почему разгуливаешь одна в темноте? А где Тинь?

Я кинулась к Линю и крепко прижалась к нему. Как я обрадовалась этой встрече!

— Проголодалась? — спросил Линь.

— Нет, несколько.

— Почему ты так тяжело дышишь?

— За мной гнался шаман Чьеу. Я от него убежала, — выпалила я, с трудом переводя дух.

— Какой ужас! — пробормотал он, а я стала рассказывать о том, что произошло.

Когда рассказывала про то, как уколола шамана бамбуковой палкой, Линь тихонько хихикнул.

— Этот шаман — нехороший человек. Он злой и завистливый, так что поделом ему. — Линь погладил меня по голове и удивленно спросил: — А где твой шерстяной шарф?

Тут только я обнаружила, что, убегая от шамана, потеряла шарф.

Линь меня успокоил:

— Сейчас я отведу тебя в дом старейшины, а сам поищу шарф. Потом мы отправимся на заставу.

Я послушно вернулась в дом старейшины.

Жена старейшины накормила меня горячим рисом. Через некоторое время пришли Линь, старейшина и фельдшер Тинь.

— Ты задала мне лишнюю работу, тебя следует наказать, — сказал Тинь сердито.

Старейшина с любопытством оглядел меня, словно увидел в первый раз, и ухмыльнулся.

Линь молча прислонил ружье к стене, подсел поближе к очагу и стал греть озябшие руки. Тинь не удержался и рассказал мне о том, что было после того, как шаман наткнулся на острую бамбуковую палку. Никому ведь было невдомек, отчего шаман вдруг взвыл дурным голосом, прекратил моление, кубарем скатился с лестницы и бросился за мной. Не догнав меня, он вернулся назад. Шаман рас-

кричался и стал требовать от хозяина дома, чтобы тот удвоил жертвоприношения. Хорошо еще, что в этот момент появился Линь. Шаман испугался и ушел, прихватив с собой приношения, так что хозяину дома не нужно будет самому тащиться с ними ночью в горы.

— И все-таки ты поступила неблагоразумно. Если бы не подоспел Линь, ты могла бы попасть в нехорошую историю,— сказал Тинь.— Старейшина — человек сознательный, не то что другие жители селения. Они слепо верят шаману и если мы ведем себя неуважительно по отношению к нему, то считают, что тем самым мы задеваем их достоинство и не уважаем их обычаев.

— Разве этот шаман вылечил хоть одного человека? Он ведь обманывает людей, вымогает у них подношения, пользуется их невежеством,— возразила я.

— Верно,— сказал Тинь, кивнув головой.— И все же нам надо вести себя сдержанно. Горячность лишь вредит делу.

Старейшина покрутился в кладовке и вернулся с куском сушеной оленины.

— Угощайтесь,— сказал он мужчинам.— Эти дни я ходил как потерянный. Шуточное ли дело — перебираться всем селом на другое место! Теперь у меня отлегло от сердца.

— Шаман Чьеу все время путал нас,— вмешалась в разговор жена старейшины.— Он говорил, что нужно уходить отсюда, иначе все селение вымрет.

— Многие очень боятся шамана,— сказал старейшина.— Было время, когда мы с женой тоже его боялись. Он скверный, злой человек. Я очень благодарен и вам, доктор, и вам, товарищ пограничник.

К моему изумлению, он обратился и ко мне:

— Ты радуешь мне душу. Я хотел бы, чтобы у меня была дочка, похожая на тебя. С такими же умными черными глазами.

В очаге жарко пылал огонь, на наших лицах трепетали красные отблески, а мы тихонько вели беседу.

ВСТРЕЧА С ОТЦОМ. ПИСЬМО ОТ МАМЫ

Посидев у очага ровно столько, сколько требовали приличия, Линь вдруг заторопился.

— Большое вам спасибо, доктор,— обратился он к фельдшеру Тиню официальным тоном.— Я приказал одному из моих

бойцов проводить вас до самого уездного центра. Когда вы отправитесь в обратный путь: прямо сейчас или рано утром?

— Прямо сейчас,— не раздумывая ответил фельдшер Тинь.— У меня в больнице есть несколько очень тяжелых больных. А ездить по ночам мне не привыкать.

Линь вышел из кухни на лестницу, приложил руки рупором к губам и громко закричал: «Ау-у-у!» Гора Кхауфай немедленно отозвалась многократным раскатистым эхом. Я давно заметила, что в ночной тишине эхо звучит особенно долго и тревожно. Линь прокричал свое «ау» три раза, потом вернулся назад и сказал мне:

— Нам пора на заставу. Отправимся прямо сейчас. Ты не боишься?

— А чего бояться? — храбро ответила я.

Фельдшер Тинь добродушно захохотал:

— А моя землячка — молодчина!

После этого мы пожали друг другу руки. На прощание фельдшер сказал, чтобы я обязательно навестила его, если окажусь в уездном центре.

Мы вышли проводить фельдшера. Старейшина осветил лестницу факелом. Внизу стояли все те же лошади: одна вороная, друга рыжая. От холода они били копытом. Старейшина задал им корму. Со стороны горы вдруг послышался протяжный свист. Вскоре мы увидели дрожащее пламя: кто-то приближался к нам, держа в руке факел. Еще несколько минут — и из темноты вышел ефрейтор Шиу, за спиной у него висел автомат, у пояса — пистолет.

— Разрешите доложить: ефрейтор Шиу явился по вашему приказанию,— отчеканил Шиу, отдав честь Линю по всей уставной форме.

— Выполняйте задание! — приказал ему Линь.

— Слушаюсь! — ответил Шиу.— Где доктор, которого я должен сопровождать?

— Здесь, здесь,— поспешно отозвался фельдшер Тинь.

Видно было, что заботливое отношение пограничников и обрадовало, и смутило фельдшера. С санитарной сумкой на плече, он легко вскочил на вороную лошадь, потом нагнулся и протянул мне руку. Мы с ним попрощались еще раз.

— Будешь в уезде, обязательно зайди ко мне в больницу, моя маленькая землячка! Хорошо? — напомнил фельдшер Тинь.

— Хорошо,— ответила я таким звонким голосом, что скалы тут же отозвались эхом, словно передразнивая меня.

Не выпуская из руки факела, Шиу сел на рыжую лошадь

и пришпорил ее. Дрожащее пламя мерцало некоторое время в ночной мгле, потом исчезло из виду.

Я спросила у Линя:

— А что они будут делать, когда догорит факел?

— У Шиу есть фонарик, а факел он зажег потому, что бережет батарейки,— ответил Линь.

Линь пожелал спокойной ночи старейшине, тот поднялся по лестнице и скрылся в доме.

— А теперь в путь,— сказал Линь, доставая из кармана мой шерстяной шарф.

Я надела шарф на голову, закрыла шею. В горах шерстяной шарф — предмет первой необходимости, так же как ватник, носки и перчатки.

Линь хлопнул меня по плечу, я даже вздрогнула от неожиданности.

— О чем ты задумалась? — спросил он.— Расскажи мне что-нибудь веселенькое. Это у тебя иногда получается...

— Мне хочется поскорее добраться до заставы,— ответила я.

Вскоре мы были на месте. Не успела я переступить порог, как на мне повисла Лоан. Я стала расспрашивать ее о новостях, но когда вошла в большую комнату, где была печурка, то буквально обомлела, увидев там человек сорок пограничников. В печурке дружно горели дрова, пламя освещало худые обветренные и усталые лица бойцов. Увидев меня, несколько человек в один голос воскликнули:

— А вот и Бе, дочь нашего командира!

— Какая симпатичная девчушка! Командир не раз рассказывал о ней!

— Садись рядом со мной,— сказал мне пограничник постарше.— Озябла? Сегодня очень холодно, да?

Я растерянно огляделась, и меня охватила смутная тревога. «А где же отец?» — напряженно думала я. Меня вдруг начало трясти. Тогда я попыталась взять себя в руки и снова обвела взглядом сидевших вокруг меня пограничников: отца среди них не было.

— А где отец? — спросила я, ища глазами Линя.— Где мой отец?

Один из пограничников — он выделялся среди других высоким ростом — взял меня за руку и подвел к печурке:

— Ты совсем замерзла, погрейся. Сейчас я тебе все объясню.

Я нетерпеливо вырвала свою руку из его большой сильной руки и почти закричала:

— Я не хочу греться! Сначала скажите, что с моим отцом! Где он?

Тогда я услышала тихий голос Линя:

— Твой отец ранен, поэтому здесь его нет.

У меня что-то оборвалось в груди, на глаза навернулись слезы, но я не позволила себе разрыдаться.

— Куда отвезли отца? — спросила я требовательным тоном.

— Он в госпитале, — мягко ответил высокий пограничник, который только что держал меня за руку. — Ты не беспокойся, все будет в порядке. Твой отец скоро вернется на заставу, и вы встретитесь.

— Я поеду к нему в госпиталь. Я поеду к отцу. Слышите?

Тут выдержка окончательно изменила мне: из моих глаз градом покатились горячие слезы, и я разразилась горькими рыданиями. Перед моим мысленным взором пронеслись печальные события, которые заставили меня отправиться в это полное опасностей путешествие. Я ехала сюда, чтобы поделиться своими горестями с отцом, но отец сам попал в беду. Я так долго ждала того дня, когда смогу наконец выплакаться на груди у отца, а вместо этого на меня свалилось новое горе. Никто из пограничников не пытался меня утешить: все поняли, что мне надо выплакаться. В конце концов слезы принесли облегчение, я почувствовала страшную усталость, меня сморил сон.

Проснувшись утром, я первым делом сказала Лоан:

— Я поеду к отцу в госпиталь, а ты останешься здесь.

Лоан подскочила как ужаленная.

— Ты любишь приказывать, от тебя не знаешь, чего ожидать. То несешься в селение Кхум и, не раздумывая, бросаешь меня одну, теперь ты помчишься в госпиталь, а до меня тебе дела нет. Хватит мною командовать, — решительно сказала Лоан.

— Но в пути будет трудно. Тут тоже водятся тигры. И не только тигры: на нас могут напасть бандиты.

Лоан упрямо замотала головой:

— Ну и пусть! Одну я тебя не отпущу: куда ты, туда и я. Так и знай!

— Хорошо, я согласна. Отправимся в путь сегодня же, сразу после завтрака.

Все отделения несли службу на своих боевых постах. В казарме остались двое: вчерашний рослый пожилой пограничник и еще один, тоже в возрасте. Они угостили меня и Лоан рисом, рассказали о себе.

Потом вошел сержант и сказал:

— Лошади готовы, еда на дорогу тоже. Я приказал Линю и еще одному бойцу — он вьетнамец и к тому же лучший стрелок в роте — проводить вас обеих до госпиталя. Ну как?

— Огромное вам спасибо, — ответила я.

У казармы нас ждал Линь и еще один пограничник, очень маленького роста. Оба они суетились возле трех лошадей.

— И снова в путь! — сказал мне Линь.

Он и низенький пограничник двинулись вниз по крутой тропинке, ведя под уздцы лошадей. Попрошавшись с командирами, я и Лоан побежали догонять Линя и низкорослого пограничника. Лоан несла сумку с одеждой, а я шла налегке. Так захотела сама Лоан, сославшись на то, что я устала за последние дни больше, чем она.

Полковой госпиталь находился в старом лесу. Брезентовые палатки стояли среди могучих деревьев, раненые лежали на легких раскладушках, которые можно было в случае необходимости быстро собрать и перенести в другое место. Между палатками сновали врачи и медсестры в белых халатах. Я вдруг поняла, что где-то рядом идет война, это скрытая война, но она настоящая, жестокая и суровая. Здесь не грохочут артиллерийские орудия, не сотрясают землю взрывы, не поднимаются в атаку дивизии. Эта война с бандитами идет высоко в горах, в глухих недоступных местах, она затяжная и требует от бойцов большой выдержки и выносливости.

Я с любовью и гордостью подумала о своем отце, который, несомненно, обладал этими качествами.

Дежурный проводил нас до палатки, где лежал мой отец.

— Капитан Ву Динь Тунг, к вам пришли! — крикнул он.

Отец лежал, повернувшись лицом к брезентовой стенке. Похоже, он дремал. Услыхав голос дежурного, он перевернулся на другой бок.

— Отец! — тихо позвала я, подошла к койке, опустилась на колени и прижалась щекой к его щеке.

— Моя маленькая Бе, моя дорогая малышка... — прошептал отец и закрыл глаза.

В уголках его глаз — там, откуда расходились лучиками тонкие морщинки, — заблестели слезинки. Я с удивлением смотрела, как слезинки тихо катились по вискам: никогда в жизни я не видала отца плачущим.

— Отец, тебе очень больно? — спросила я, не узнав своего собственного голоса.

Я чувствовала, что вот-вот разревусь, и действительно, из моих все еще распухших глаз брызнули слезинки. Я даже удивилась: ведь вчера я рыдала так долго и так горько, что, казалось, выплакала все слезы, а сейчас они снова текли ручьем, капали на жесткие и пыльные отцовские волосы. Видно, во время затянувшейся операции по уничтожению бандитской шайки у отца не было возможности вымыть голову. Бороду отец тоже давно не брил, она больно колола мне лицо. От отца пахло порохом, дезинфицирующими средствами и бинтами... Отец покрывал поцелуями мои щеки, мои волосы, и я впервые в жизни не вырывалась.

Оба пограничника, которые доставили нас в полковой госпиталь, попрощались с моим отцом и отправились назад, на погранзаставу, а мы с Лоан остались в госпитале. Мы помогали санитаркам кипятить воду, менять повязки раненым, умывать их и мыть им головы, мы пришивали к гимнастеркам пуговицы, чинили одежду. Мы учились быть терпеливыми и выносливыми. У персонала госпиталя было чему поучиться: мы восхищались самоотверженностью и трудолюбием многих санитарок и медсестер.

Если мы с Лоан не сидели возле постели моего отца, если не помогали медикам, то ходили в лес за молодыми побегами бамбука или за грибами. Неподалеку от госпиталя протекала довольно глубокая горная речка, в которой водилось много рыбы. Повар научил нас ловить рыбу удочкой, и мы стали каждый день ходить на рыбалку.

Там, где река была мелкой, оказалось много моллюсков. Иногда мы с Лоан вставали пораньше и шли за моллюсками, из которых варили отличный бульон. Он хорош, если в него положить перечные листья. Такой бульон нравился многим раненым, но больше всех — моему отцу. Однако ловить моллюсков в быстрой речке — дело далеко не простое. Куда проще собирать грибы. Уже наступила весна, часто шли дожди, и после каждого дождя на гнилых пнях появлялись целые колонии опят, в траве прятались маслята, иногда мы находили шампиньоны, а что может быть лучше шампиньонов? Грибы мы готовили с соусом из креветок и мясными консервами, получалось очень вкусно. А грибной суп, который мы варили, нравился всем: начиная от главного врача госпиталя и кончая дежурным бойцом. Если два-три дня подряд мы не варили этот суп, нас начинали просить:

— Наши маленькие Белоснежки, почему бы вам не пойти в лес за грибами?

— Без вашего грибного супа обед не в обед!..

Конечно, нас полюбили в госпитале не только за то, что мы доставляли раненым и персоналу маленькие радости, но и это сыграло свою роль. Отец мало говорил, но по его глазам было видно, что он нами доволен. Он быстро шел на поправку, раны на руках почти зарубцевались. Пока отец был беспомощным, я умывала его, брила, причесывала. Отцу очень нравилось, когда я сидела у его постели и рассказывала о своем удивительном путешествии. Каждый день я рассказывала понемногу, потому что медсестра предупредила меня:

— Не надо слишком утомлять капитана Тунга.

Отец, однако, просил меня не упускать никаких подробностей. Особенно он интересовался тем, что случилось в школе, хотя мама подробно написала ему об этом в письме. О чем бы я ни говорила, отец готов был слушать меня до бесконечности, его интересовало все: видимо, неся год за годом службу на далекой заставе, он очень истосковался по мне и маме.

— Разве тебе интересно слушать про Ли и худышку Зунга? — удивлялась я.

— Конечно, интересно, — ответил он. — Ведь они из нашего города. Ну, рассказывай дальше!

Отец слушал очень внимательно, не отрывая от меня восхищенного, влюбленного взгляда. Шли дни. И вот однажды мы с отцом получили письмо от мамы. В тот день лечащий врач сообщил, что на следующей неделе отцу совсем снимут повязку. Письмо пришло на заставу Кхауфай, а оттуда нам его привез Линь.

— Все бойцы шлют вам большой привет и ждут не дождутся, когда вы вернетесь на заставу, — сказал Линь отцу, потом посмотрел на меня и Лоан и полез в вещевой мешок: — А это вам гостинцы. Бойцы посылают вам немного медовых лепешек и рисовых хлопьев.

— Поблагодарите от моего имени бойцов и напомните им, чтобы они были бдительными, — сказал отец с улыбкой. — У бандитов по ту сторону границы есть база, и через некоторое время они предпримут новую вылазку. Ситуация вам ясна?

— Так точно, товарищ командир, — отчеканил Линь.

— Напомните моим заместителям, чтобы разрешили отпустить бойцам из народности мео и народности лоло. Вот и все. Отправляйтесь назад пораньше. Да, чуть было не забыл спросить: как наши лошади?

— Могу доложить: лошади на погранзаставе Кхауфай в отличном состоянии, — ответил Линь с гордостью.

Потом он попрощался и отправился в обратный путь. Мы

с Лоан проводили его до горной речки. Пока мы провожали Линя, отец, конечно, прочитал письмо от мамы. Как только я вернулась, он протянул его мне.

— Читай,— сказал отец. Голос у него был взволнованный.

— Что-нибудь случилось? — насторожилась я.

— Читай, читай!

Я посмотрела на Лоан, Лоан — на меня. После этого я нерешительно развернула письмо, сложенное в восемь раз.

Мы наклонились над письмом, и каждая стала читать его про себя.

«Дорогие мои!

За все это время я получила от тебя, Бе, одно-единственное письмо. То самое, которое ты написала, пока вы ждали, когда подойдет ваша очередь за билетами на автобус до Каобанга. С тех пор не было ни единой весточки, но я все же верю, что ты и Лоан благополучно добрались до погранзаставы, потому что с вами Кхиет, племянник дяди Мока. О дяде Моке и Кхиете невозможно читать без волнения. Этим людям мы все обязаны до конца нашей жизни, мы никогда их не забудем. Я здорова. Тетя Лыу живет у меня, она опять продает жареные пирожки в маленькой лавочке. У нее всегда полно покупателей, она стала прежней неунывающей тетей Лыу, так что пусть Лоан не беспокоится за нее. Самое радостное событие случилось совершенно неожиданно для меня. Через месяц после того, как ты уехала из дома, в моей школе появился сотрудник из министерства просвещения. Представляешь, он приехал из Ханоя! Меня вызвали в управление народного образования провинции. Прямо с урока! Там, оказывается, меня ждал заместитель министра просвещения, специально приехавший из столицы. Он выслушал меня и вежливо поблагодарил. Вечером ко мне пришли твои учителя — классный руководитель Тхе и математик Бать, они сказали, что их тоже приглашали к заместителю министра. Он интересовался делами в школе, тобой и директором, затребовал твое дело и еще несколько других дел. А через неделю в твоей школе состоялся бурный педсовет, на нем резко критиковали директора. Как всегда, самым решительным был твой классный руководитель. Ровно через три недели приказ о твоём исключении из школы был отменен. Дорогая моя девочка, узнав об этом, я заплакала от радости. Вот какое у нас счастье! Надеюсь, что отец здоров. Он очень давно не был в отпуске. Как

было бы хорошо, если бы вы приехали вместе. На этом кончаю. Передайте от меня привет Лоан и бойцам на погранзаставе.

Любящая вас мама».

Я оторвала глаза от письма и посмотрела сначала на отца, потом на Лоан. Глаза отца светились от счастья. Лоан тоже была вне себя от радости. От избытка чувств я крепко обняла ее. Некоторое время мы все трое молчали. На душе у меня стало легко и светло — как в новогоднюю ночь в том далеком селении Муон.

«Я возвращаюсь с победой!» — хотелось мне крикнуть на все джунгли и услышать, как скалистые горы, обступившие живописные долины, отзовутся гулким радостным эхом.

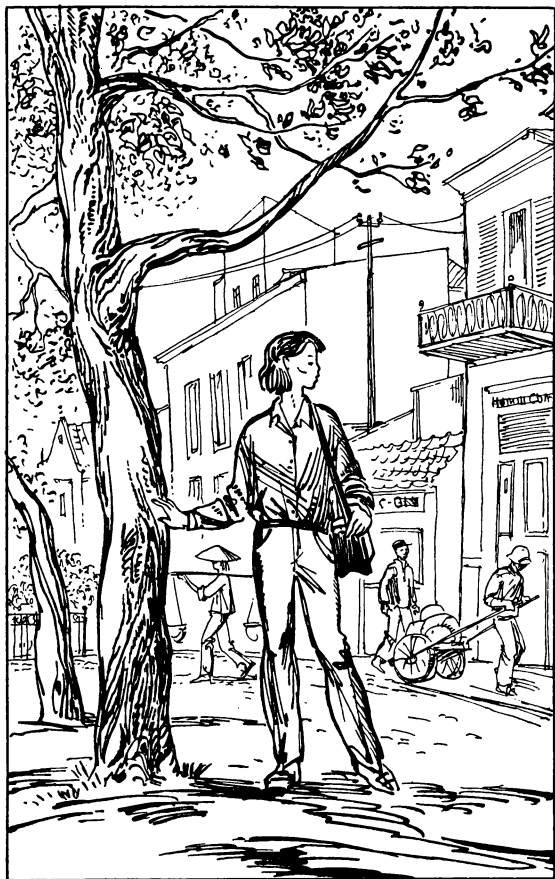

ЭПИЛОГ

«Человек должен уметь бороться и побеждать» — эти слова прочно засели у меня в голове, постоянно звучали в ушах. Человек не должен впадать в уныние, а тем более в отчаяние, если его постигнет неудача. «Никогда не надо ставить на всем точку, будь вам тринадцать или восемьдесят лет» — такой вывод я сделала из встречи с замечательным стариком, который пас уток. Позже я узнала, что он был известным педагогом и у него учился тот самый заместитель министра, который отменил приказ о моем исключении.

Когда я окончила школу, то первым делом поехала в Ханой, надеясь разыскать моего необыкновенного знакомого и сердечно поблагодарить его, но, как выяснилось, он в это время был в Москве на научной конференции, я же поехала учиться в Венгрию на геолога. Закончив институт, приехала домой и узнала печальную новость: этот прекрасный человек умер.

В родном городе я долго бродила по улицам. У меня было много встреч с бывшими одноклассниками. Как ни странно, первой, кого я встретила, была Бой. Она работала в аптеке — продавала лекарства. С возрастом Бой сильно расплылась,

от ее бывлой красоты мало что осталось. Я поинтересовалась у нее судьбой Ли.

— Ли больше не живет в нашем городе, — ответила Бой. — Он хотел стать шахтером, но на шахту его не взяли из-за слабого здоровья. Тогда он завербовался на строительство завода азотных удобрений в Бакзанге. Говорят, он так и остался работать на заводе.

На улице я встретила Дао Ка. Он по-прежнему продавал самодельные конфеты.

Рыжая Жаба вышла замуж и родила четверых детей. Она не стала бродячей торговкой, а открыла собственную харчевню, наловчилась готовить бульон с вермишелью и крабами. Рыжая Жаба так раздобрела и повела себя так солидно, что ее прежнее прозвище как-то само собой позабылось, и теперь к ней относятся с величайшим почтением.

Я зашла в родную школу. Папаша Тхе уже давно там не работал: пока я училась за границей, его перевели в Ханой на пропагандистско-просветительную работу. А математика Батя назначили директором школы. Мы с ним долго ходили по двору, постояли возле эстрады, обошли вокруг бассейна, полюбовались цветами на клумбах перед окнами канцелярии, прошлись по школьным коридорам, — и я словно заглянула в прошлое — в те безвозвратно ушедшие светлые годы, когда каждый день бегала в школу.

Моего отца перевели с северной границы на западную, он снова служил на погранзаставе. Мама по-прежнему преподавала в школе, а тетя Лыу продавала пирожки. Лоан стала учительницей, ее распределили на работу в родной город, и у нас в доме она заняла мое место: став геологом, я сама постоянно была в разъездах.

Во время летнего отпуска мы с Лоан побывали в селении Муон у дяди Мока. Он встретил нас как родных. За годы разлуки между нами не возникло никакого отчуждения: мы встретились с дядей Моком так, словно расстались с ним вчера. Я подарила дяде Моку плащ и меховую шапку, которую купила в Монголии. Зунгу я подарила новую двустволку — он ведь заядлый охотник. Зунг прижился в этих краях и теперь ничем не отличался от местных парней. Дядюшка Рок умер. Жители селения Муон похоронили его рядом с сыном.

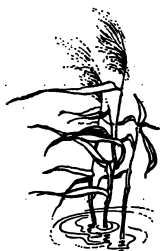
Перед возвращением в Ханой я побывала на Зеленой речке, на острове Золотой Цветок. Хотелось навестить нашего друга — рыболова и его медноволосую маму. К моему удивлению, остров оказался совсем крошечным. Когда я смотрела на него глазами ребенка, он был другим — так и манил меня, так

и завораживал какими-то неразгаданными тайнами. И речушка тоже оказалась не такой уж глубокой, а дорога до Лotosового озера и вовсе короткой.

Я пошла по тропинке вдоль канала, по той самой тропинке, которая когда-то привела меня к могучему хлопковому дереву. Под этим деревом мне суждено было познакомиться с мудрым пожилым человеком, вселившим в мою обескрыленную душу бодрость и веру в будущее. Мне захотелось посидеть там в тишине с закрытыми глазами, чтобы перед началом нового пути мысленно пройти дорогами моей юности.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая

Таинственное исчезновение соседского мальчика	7
Прогулка с приключениями	13
Классный руководитель и новый учитель физкультуры	27
И вот начались неприятности	33
О событиях, случившихся в апреле	40
Нежданная беда	57
Неприятные и приятные сюрпризы	74
Новые беды	89
Встреча со стариком, который пас уток	100
Как мы с Лоан решили убежать из дому	112

Часть вторая

Урок, который нам преподали в самом начале нашего путешествия	121
У чужих людей в чужом городе	129

Как судьба свела нас с необыкновенным человеком . . .	141
Незабываемые дни.	148
Белая лошадь, или История о том, как мы встретились с худышкой Зунгом	162
Как по вине хромого тигра нам навстречу попался несчастный прокаженный	177
Снова в путь. Неожиданная встреча	205
Встреча с отцом. Письмо от мамы	255
Эпилог	265

Литературно-художественное издание

Для среднего и старшего возраста

Зыонг Тху Хыонг

ДОРОГАМИ ЮНОСТИ

Повесть

Ответственный редактор
Т. И. Рудакова

Художественный редактор
В. А. Горячева

Технический редактор
Г. Г. Седова

Корректоры
Л. А. Лазарева и Е. И. Щербакова

ИБ № 10398

Сдано в набор 05.02.88. Подписано к печати 18.08.88. Формат 60×90¹/₁₆. Бум. кн.-журн. № 2. Шрифт литературный. Печать высокая. Усл. печ. л. 17,0. Усл. кр.-отт. 18,5. Уч.-изд. л. 15,39. Тираж 100 000 экз. Заказ № 8047.
Цена 95 к.

Орден Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени ПО «Детская книга» Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 127018, Москва, Сушевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм
«Целлофот»

Дорогие ребята!

*Ваши отзывы об этой книге
присылайте по адресу:
125047, Москва, ул. Горького, 43.
Дом детской книги.*

Зыонг Тху Хыонг

396   Дорогами юности: Повесть/Пер. с вьет. Н. Никулина; Художн. А. Лебедев.— М.: Дет. лит., 1988.— 270 с.: ил.

ISBN 5—08—001150—5

Книга о мужестве и стойкости девочки-подростка, с которыми она отстаивает свое человеческое достоинство.

3 4803020000—425 456—88
M101(03)-88

ББК 84.5В

